

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

22 2024
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (521) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Юрий Владимирович Дубинин* (1989), кандидат химических наук, научный сотрудник инженерингового центра Института катализа СО РАН, руководитель лаборатории нанотехнологий регионального центра выявления и поддержки одаренных детей «Альтаир», педагог дополнительного образования программы «Химия для любознательных».

Юрий Дубинин родился 3 октября 1989 года в Новосибирске в семье потомственных химиков. Но вовсе не наследственность повлияла на выбор жизненного пути молодого ученого. По его словам, наукой он увлекся в старших классах гимназии № 3 в Академгородке, на спецкурсах.

После окончания гимназии Юрий Владимирович обучался в Новосибирском государственном университете с прохождением преддипломной практики в Институте катализа СО РАН. Окончив в 2011 году НГУ по специальности «химия», поступил в очную аспирантуру. В этот период Дубинин занимался подготовкой кандидатской диссертации и работал в Лаборатории каталитических процессов переработки возобновляемого сырья в должности младшего научного сотрудника.

Научная деятельность Юрия Дубинина связана с исследованием процессов горения различных видов топлива и отходов в кипящем слое катализатора. Данная область исследования является актуальной и перспективной в связи с необходимостью создания эффективных и экологически безопасных методов утилизации промышленных и коммунальных отходов и переработки некондиционных видов топлив. Тема его диссертации — «Исследование процесса горения топлив и отходов в кипящем слое алюмомеднохромовых оксидных катализаторов».

Дубинин продемонстрировал возможность использования технологии сжигания в кипящем слое катализатора для эффективной и экологически безопасной утилизации различных видов промышленных и коммунальных отходов, а также для эффективного сжигания различных некондиционных видов топлива с получением энергии. Он предложил математическую и кинетическую модель превращения SO₂ в кипящем слое катализатора и кальцита. Совместно со специалистами из отдела физико-химических методов исследования ИК СО РАН Юрий Владимирович показал закономерности влияния состава и характеристик гетерогенных алюмомеднохромовых катализаторов на их каталитические свойства.

Юрий Дубинин участвовал в запуске в промышленную эксплуатацию каталитической установки сжигания осадка сточных вод в Омске. Уникальный проект реализовался совместно с Институтом катализа Сибирского отделения РАН и «Росводоканалом». Для обычной утилизации иловых осадков сточных вод коммунального хозяйства такой подход не эффективен, требуется отчуждение больших территорий, специальные меры по их обслуживанию. Кроме того, простое захоронение ила несет и экологические угрозы — в осадках могут содержаться тяжелые

металлы, которые вымываются в грунтовые воды, сам осадок — это органический субстрат, представляющий собой скопление различных патогенов (микроорганизмов, простейших и продуктов их жизнедеятельности). Разработанная Дубининым и его коллегами технология позволит утилизировать такие отходы экологически безопасно и экономически выгодно. На данный момент на основе этой технологии в Омске построен первый завод по утилизации иловых осадков сточных вод коммунального хозяйства.

Технология сжигания в кипящем слое катализатора (КСК), например, бурого угля может применяться в малой энергетике — локальных котельных в небольших населенных пунктах и на объектах инфраструктуры, например транспортных узлах. В регионах Сибири и Дальнего Востока по этой технологии на буром угле работают пять объектов.

При сжигании в КСК содержащиеся в топливе летучие соединения сгорают на поверхности катализатора глубокого окисления, обеспечивая тем самым снижение выбросов продуктов неполного окисления. Еще один большой плюс по сравнению с обычным сжиганием — чем больше в топливе летучих веществ (а для бурого угля это 40–50 процентов), тем эффективнее происходит горение. Благодаря особенностям технологии нет необходимости устанавливать дополнительное оборудование по доочистке газов, что удешевляет генерацию тепла.

По словам Юрия Дубинина, еще одно значимое преимущество технологии сжигания в кипящем слое катализатора — возможность запуска котельных в отдаленных районах, куда сложно доставлять уголь.

«Технология хороша тем, что ее можно реализовать там, где есть трудности с доставкой традиционных ресурсов. В реакторе КСК мы можем сжигать не только уголь и опилки, но и такие сложные топлива, как горючие сланцы и битуминозные пески. Эти породы невозможно использовать в обычных котельных. Большие залежи битуминозных песков есть, например, в Якутии, а Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по их запасам», — отмечает ученый.

Юрий Дубинин, кроме научно-практической деятельности, занимается еще и популяризацией науки: читает научно-популярные лекции о катализе и катализаторах, вместе с коллегами проводит школьные конференции, в двух школах ведет химический практикум — трудится со школьниками в лабораториях с оборудованием и реактивами.

Самому ученому это интересно еще и потому, что точно таким же образом он сам пришел в науку. Теперь он пытается открыть в нее путь таким же юным пытливым умам, каким он сам когда-то был.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Абазова Н. И.**
Кадровый состав и заработная плата в банках во второй половине XIX — начале XX века на примере Тульской губернии 475
- Gapparova B. R.**
Customs related to the life of primitive people...477
- Gapparova B. R.**
Historical roots of the formation of Khorezm folk games 479
- Ismailov S. Z.**
The title that given to Khorezmshah Ali ibn Mamun 481
- Rakhimberganov J. O., Sadullayeva H. B.**
Diplomatic relations of Central Asian merchants with Russia, Asian, Western European countries and the role of merchants in the political life..... 483
- Узденов А. Р.**
Влияние переселенческой политики в период 50–80-х годов XX века на этносоциальную сферу северного района Дагестана..... 485
- Узденов А. Р.**
Развитие ситуации в Республике Дагестан в период 90-х годов XX века в этнополитической и этносоциальной сфере....488
- Шафигуллин И. Р.**
Исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии (1930–1953 годы) ... 490

СОЦИОЛОГИЯ

- Валеренко В. С.**
Домашнее насилие над женщинами с точки зрения социологического номинализма и социологического реализма..... 493

ПСИХОЛОГИЯ

- Гибадуллина А. И.**
Развитие эмоционально-волевой сферы детей средствами арт-терапии 496
- Глухов И. Ю.**
Арт-терапия в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации 498
- Диксит М.**
Психологическое воздействие карантина на молодежь..... 501
- Дунаева К. Д.**
Нейропсихология танцора..... 502
- Костикова И. Д.**
Особенности саморегуляции в подростковом возрасте 505
- Лесных А. О.**
Младший школьник как субъект учебной деятельности..... 509
- Модорова С. А.**
Объяснительная интегративная модель протекания психических процессов..... 510
- Новикова К. В., Казанцева М. П.**
Особенности защитных механизмов личности у тревожных подростков 514
- Овчинникова А. И.**
Связь учебной мотивации и школьной тревожности у младших школьников 517
- Парфенова С. В.**
Методическая разработка психологической игры «Построй свой дом-крепость» 519
- Пещерский А. И.**
Концепция интегративной психотерапии..... 521
- Тарасова А. В.**
Изучение особенностей развития навыков конструктивного общения у подростков 524

Шаблиевский М. Ю.

Связь мотивации достижения в учебной деятельности и самооценки личности в младшем школьном возрасте 526

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА**Бабаев И. Х.**

Принципы построения государства в произведениях Махтумкули Фраги и Довлетмаммета Азади 529

Красько Е. А.

Фразеологизмы с зоонимом «лошадь» в английской и китайской языковой картине мира 531

Мушникова М. А.

Особенности перевода общественно-политических выступлений американских и британских политиков 533

Мушникова М. А.

Лексико-грамматические особенности перевода текстов политического дискурса с английского языка на русский язык 535

Pecherskaya M. A.

Organization of work with incoming documents in the administration of the Grayvoronsky urban district 536

Полякова А. А.

Роль дисфемизмов в современных текстах СМИ, посвященных политическим конфликтам 539

Рымарчук Д. С.

Особенности перевода современной экономической терминологии в научно-публицистических текстах по теме «гостеприимство» 541

Хамидова Н. Ю.

Проблемы в области перевода и значение их решения 543

Чупрова Д. А.

Семантическое поле «бред» в ранней лирике А. А. Ахматовой 544

Шеворакова Е. А.

Роль пространственных пейзажных единиц в художественном дискурсе Эстер Фрейд 547

Ямбаршева А. Д.

Языковые средства выражения эмоций радости, грусти, удивления в цикле рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунина 551

ИСТОРИЯ

Кадровый состав и заработная плата в банках во второй половине XIX — начале XX века на примере Тульской губернии

Абазова Наталия Игоревна, студент магистратуры
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

В статье изучается кадровый состав банковских служащих, их образование, квалификация, а также заработная плата и меры поощрения в банках Российской империи на примере Тульской губернии в указанный период.

Ключевые слова: банковская сфера, государственный банк, заработная плата, коммерческие банки, модернизация, премии.

Банковский сектор является одним из основных элементов экономики страны. Изучение его функционирования в России во второй половине XIX — начале XX века позволяет шире рассмотреть то, как проходил процесс модернизации в экономической системе, выявить специфику ее проявлений в провинции. Произошедшие изменения отразились на их служащих. Рассмотрение кадрового состава банков в данный период дает опыт, который позволяет рассмотреть кадровую политику в условиях становления рыночных отношений.

За годы развития банковской системы увеличился штат сотрудников. Первые значительные преобразования произошли после утверждения штатного расписания Государственного банка 4 июля 1861 г., в котором были определены должности и заработная плата, а также классы и разряды по должностям, мундирам и пенсиям.

Большинство желающих, которые хотели работать в центральном банке, не имели достаточного образования, на службу могли устроиться люди разных сословий. Для этого нужно было подать прошение, предоставить рекомендательное письмо с подписью поручителя, а также свидетельство с полиции о добропорядочном поведении и политической благонадежности. В рекомендательных письмах указывалась характеристика и достоинства претендентов на службу. Новый сотрудник отделения подписывал «клятвенное обещание на верность службе» [1, с. 28]. На период отпуска каждому служащему выдавалось свидетельство с подписью и печатью управляющего, контролера и секретаря с указанием срока отпуска и места следования. Осуществлялся контроль и за семейным положением служащих, они не могли вступить в брак, не получив разрешения управляющего.

Высшее образование имели все управляющие Государственного банка, например, А.Л. Штиглиц, Е.И. Ламанский, Э.Д. Плеске, И.П. Шипов. Выпускником Императорского училища правоведения был Ю.Г. Жуковский, особенно стоит выделить Императорское училище, оно было закрытым и ежегодно

в него принимали не более 100 человек. Право на поступление имели дети потомственных дворян и военных, которые занимали должность не ниже полковника, гражданских не ниже статского советники, позже стали принимать и представителей других сословий, но обучение там было платным [2, с. 217]. С высшим образованием были все управляющие конторами, и только половина руководителей отделений.

Около половины персонала в штате банковских организаций в XIX в. составляли дворяне. В 1866 г. из 79 служащих Московской конторы Государственного банка дворян было 45 человек, обер-офицерских детей — 20, выходцев из священников — 4, мещан — 3, воспитанников московского Воспитательного дома — 3, а также по одному представителю купечества, детей унтер-офицеров и артистов, канцелярских служащих. К 1913 г. доля дворян — служащих, в структуре Государственного банка приближаясь к 40% [1, с. 29]. В Тульском Александрьевском банке 1862 г. от дворянства служащих — 3, от купечества — 4 [3, с. 17], в 1870 г. от дворянства — 1, от купечества — 5 [4, с. 27], 1872 г. от дворянства — 1, от купечества — 3, выходцев из священников — 3 [5, с. 26].

Предсказать все направления работы, обороты, объем и виды операций Государственного банка не представлялось возможным, поэтому в указе о штате не было точной численности служащих и распределения по должностям. В нем были прописаны денежные средства, выделяемые на содержание персонала банка в размере 295 тыс. руб., а также на жалования и столовые расходы 235 400 руб., остальными денежными средствами выплачивалась заработная плата счетчикам, курьерам, сторожам, а также дополнительные нужды [8, с. 311]. Однако количество отделений и контор банка росло с каждым годом, увеличивался состав служащих, что сказывалось на количестве денежных средств выделяемое на содержание одного служащего. С 1864 г. управление Государственного банка постоянно просило дополнительного финансирования, к 1875 г. ежегодные траты достигли 411 тыс. руб. Но средств не хватало, что

впоследствии вело к оттоку кадров и снижало их квалификационные способности. Поэтому исправление ситуации требовались изменения штатного расписания и повышения оплаты труда. Новое расписание было утверждено вместе с Уставом Государственного банка в 1894 г. [9, с. 410], однако заработная плата по одним и тем же должностям в ведомстве Государственного банка и в его отделениях различалась, что связывали с рабочей нагрузкой и финансовой ответственностью.

Первым управляющим Тульского отделения Государственного банка в 1882 г. был назначен чиновник особых поручений Министерства финансов коллежский советник барон Густав Густавович Дризен. Управляющий Тульским отделением получал зарплату в месяц 326 руб., контролер 163 руб., бухгалтер, кассир, секретарь по 117 руб. [10]. В 1905 г. было отправлено письмо в Канцелярию Государственного банка о выделении должности сторожа для охраны старого здания Тульского отделения и выделении кредита на содержание должности машиниста парового отопления [11].

Зарботная плата крупных чиновников банков, средства, получаемые средними и мелкими служащими, были значительно меньше, так помощники бухгалтера и контролера получали по 59 и 65 руб. соответственно, счетчики и писцы по 30 руб., а сторожа по 10, 5 руб. в месяц [12].

Банковские служащие на кануне праздников Рождества Христова и Пасхи могли рассчитывать на выплату премий. В Тульском отделении Государственного банка в 1907 г. инспектор мелкого кредита А.Н. Сахаров получил 66 руб., бухгалтер И.Н. Пеньковский — 60 руб., контролер Н.У. Бобрецкий — 83 руб. [13], что составляло чуть более 50% от их ежемесячной заработной платы.

Банковскому персоналу, мобилизованному во время Первой Мировой войны, также выплачивались премии накануне праздников в размере $\frac{1}{2}$ от положенного им по их должности жалования [14]. Банки выделяли по 25 руб. на содержание коек для больных и раненных своих работников в городской комитет по сбору пожертвований врачебно-санитарной помощи [15]. По

меркам России, зарплата высших служащих Государственного банка были высокими, но значительно меньше жалования в акционерных банках.

Банковское учреждение выдавало деньги для обмундирования служащих, так как те не могли позволить себе приобрести его за свои средства. Так в 1913 г., форма банков в провинции включала: бушлат, брюки, жилет, летний китель, фуражку, летнее и зимнее пальто имели темно-зеленый или черный с зеленым отливом цвет. Для рядовых служащих стоило это все — 66 руб., для сторожей и курьеров — 67 руб., караульных — 52,5 руб., дворников — 49 руб. [16, с. 197,199]. Таким образом, покупка обмундирования обходилась высшим служащим $\frac{1}{2}$ зарплаты, мелким в одну месячную, счетчикам и писцам 2 зарплаты, а доходы сторожа была практически в 6 раз меньше.

В Государственном банке служащим могли получить казенные квартиры, но их количество было ограничено. Как правило, они находились в помещениях, которые принадлежали банку, или были им арендованы. В них жили обычно управляющий и высшие служащие. Также квартира предоставлялась тем, кто должен был в нерабочее время быть на службе, например, хранителей кладовых. Те служащие, которые не имели жилья, получали денежные пособия для съема квартиры.

За период с 1860 г. по 1913 г. количество банков увеличилось, что было связано с процессом модернизации, которая затронула все сферы жизни общества, особенно экономику страны, что способствовало росту спроса на банковские услуги. Количество банковских служащих также увеличилось, однако заработная плата в отделениях Государственного банка оставалась низкой. Текучесть кадров в Государственном банке объяснялась низкой заработной по сравнению с коммерческими банками, куда и переходили работать служащие, получившие уже опыт. А на их место приходили молодые сотрудники и повторяли их путь. Обычно банковским служащим среднего звена был человек молодого возраста, со средним или неоконченным образованием, живший на съемной квартире.

Литература:

1. Морозан В. В. Чиновники Государственного банка России во второй половине XIX В.: численный состав, образовательный уровень, социальное происхождение, имущественное и семейное положение // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2013. — № . 2. — С. 28.
2. Анненкова Э. А. Императорское Училище правоведения // Пространство и Время. 2013. № 1 (11). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-uchilische-pravovedeniya> (Дата обращения 10.05.2024).
3. Памятная книжка Тульской губернии за 1862 г. — Тула: Типография Губернского Правления, 1863 год. С. 17.
4. Памятная книжка Тульской губернии за 1870 г. — Тула: Типография Губернского Правления, 1871 год. С. 27.
5. Памятная книжка Тульской губернии за 1872 г. — Тула: Типография Губернского Правления, 1873 год. С. 26.
6. Лунтовский Г. И. История Банка России. 1860–2010: в 2 т. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2010. С. 311.
7. Высочайше утвержденный Устав Государственного Банка от 6 июня 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 13. СПб., 1894. № 10767. С. 410.
8. ГУ ГАТО Ф.120 Оп.2. Д.3. Л. 24, 48, 51, 71.
9. Отделение Банка России по Тульской области [Электронный ресурс] URL: <https://www.cbr.ru/tula/history/> (Дата обращения 10.05.2024).
10. ГУ ГАТО Ф.120 Оп.2. Д.3. Л. 51, 71.
11. ГУ ГАТО Ф.121 Оп.2. Д.8. Л. 46, 49.
12. ГУ ГАТО Ф. 121. Оп. 2 Д. 1301. Л. 41.

13. ГУ ГАТО Ф.121. Оп. 2 Д. 1301. Л. 37.
14. Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России: XVIII–начало XX вв. — СПб.: Искусство, 1999. С. 197–199.

Customs related to the life of primitive people

Gapparova Bakhtigul Razzaqovna, teacher history

Specialized school of Bagat district of Khorezm region of the Republic of Uzbekistan (Khiva, Uzbekistan)

In this article, the origins of today's rituals and traditions go back to primitive times and the stages of development are mentioned.

Keywords: clan, tribe, family, wedding, marriage, agriculture, animal husbandry, initiation rite, matriarchy.

Обычаи, связанные с жизнью первобытных людей

Гаппарова Бахтигуль Раззаковна, учитель истории

Специализированная школа Багатского района Хорезмской области Республики Узбекистан (г. Хива, Узбекистан)

В данной статье истоки сегодняшних ритуалов и традиций восходят к первобытным временам и упоминаются этапы развития.

Ключевые слова: род, племя, семья, свадьба, брак, земледелие, животноводство, обряд инициации, матриархат.

It is known that in the most ancient times, people lived in groups. This has helped them in fighting against wild animals, natural disasters, and avoiding the cold. Each gang had its head and leader. Over time, the leaders began to introduce certain privileges for themselves. This increased the number of candidates for leadership in the gang. Because of this, frequent disagreements began to arise between the claimants and the leading leader. Often these conflicts led to bloodshed and fighting. There were also special fights between the gang leader and the claimants. Sometimes these fights became a big spectacle for gang members. Those who were defeated in battle were often killed so that they could not claim leadership again. Ghalib was the leader of the gang. In order to put an end to such bloodshed and chaos, as well as to regulate relations within the clan, customs that serve the common interest of the members of the society were introduced in the primitive community system. Habits such as unconditional obedience to the leader, taking care of things obtained by hunting or gathering together, and punishing those who started quarrels in the community have appeared since primitive times. To get strength from the base, you need to know it well. The more we appreciate our history, the brighter our future will be.

In this work, we are studying the customs of our ancient ancestors as an important part of our ancient culture. Since the emergence of habits is one of the most ancient phenomena in human life, it is not easy to study them. It is known that the community (clan, tribe) developed on the basis of the relationship between men and women in it. However, the process of culturalization of these relations was not easy and lasted for a long time. For example, hundreds of thousands of years must have passed before the birth of the night ritual, which plays an important role in the formation of the family. Below we will briefly touch on the process of the emergence and gradual development of the family and the wedding ceremony.

In those times, there was no specific order in the relations between the sexes. The oldest organic holiday scene. There was a rock

image. Later, seasonal relations between the sexes were regulated and organized during certain events. These seasonal events later became known as «Organic Holidays». During this event, all men and women are allowed to have sex. This holiday was also preserved during fertility and later periods, when a family was born. Herodotus wrote in his book «History» that each of the massagetes married one woman, but they used them together [1]. Perhaps this custom may have occurred in times when family building was not formed during the period when community relations were in full swing.

In a primitive society, sexual relations between a man and a woman within the same clan led to many negative consequences, including the birth of disabled children. Noticing that children are born with disabilities due to sexual relations between relatives, their leaders at first forbade sexual relations between close relatives (mother-child, father-daughter, brother and sister). During the origin of the Ona clan, many new customs, including night (group) marriages, were created. The main feature of marriage was that all the women of one clan belonged to the men of the second clan, and the men of the second clan belonged to the women of the first clan. The sexual union of women of both clans with men of their own clans ended in this way [2].

In many clans, it was introduced that women should have children from men of other clans. As a result, such habits of «exogamy» began to play an important role in the physical improvement of a person. Now the issue of spiritual upbringing of children is on the agenda. Because the children raised by their mothers in these clans did not even know who their fathers were. Uncles helped a lot in raising the boy. Because of this, the uncle's reputation was very high. This custom was preserved in later times. After a certain period, mothers demanded that fathers feed and raise their children, and tried to bring them into the clan in the form of marriage. This custom became the basis for the future family.

In the era of matriarchy, women occupied a leading position in society. The head of the clan was a woman. Women were engaged

in housework, cooking, and raising children. Men were subordinate to women and were mainly engaged in hunting. In history, the ratio of men and women has not always been equal. Sometimes the number of men increased, and at other times the number of women increased. This was the basis for the formation of unique customs. It is known to us that there were customs of polygamy in history. However, in ancient times there was also the opposite of polygamy. In particular, the famous archaeologist Tolstov gives interesting information about polygamy in his work «Old Khorezm». In ancient times, one woman married several men or brothers at the same time. Her husband is considered an older brother. In those times, the more husbands a woman had, the higher her reputation. They knew how many husbands she had from the lines on her headscarf. Of course, such customs happened in times when women were less than men. In such times, seeing a girl was considered lucky. However, there were times when many girls were born and the balance in society was disturbed.

One of the traditions formed in some ancient times was the ceremony of «transition to manhood» [3]. In the history of the ancient world, the events of transition to manhood were called «initiation rites». In many nations, this ceremony was held in the form of a test of transition to a great life. In these events, teenagers show their skills in hunting, fighting monsters, fighting enemies, and overcoming natural disasters. When studying the ancient habits of primitive people, one can find more information about their death than about birth and growth. Because from ancient times barbaric customs were used in order to prevent this. For example, in the ancient Arab peoples, if a lot of girls were born, they buried girls (especially sick, ugly, disabled) in the hope that they would have bad luck in the future. It is known from history that the first forms of the family appeared in different ways in different places. The creation of a single (couple) monogamous family was a very important event in human life. Because the emergence of families divided the clan society into small groups consisting of husband and wife, and it created a «community of families».

During the matriarchy period, the girl usually chose her own hair. But the girl had to express her desire to everyone and introduce her chosen groom to everyone. Often, a reception is given during or after this introduction. The fact that this situation became a habit later prompted the creation of the wedding ceremony.

The first forms of wedding ceremonies appeared with the birth of the family in the period of seed production. The wedding has become a celebration for the whole community. Ancient weddings had many notable customs, one of which was to test the readiness of the bride and groom for marriage. During matriarchy, the groom was specially tested. The groom's skills were tested in terms of hunting, burning wood, lighting a fire, and fighting. In the period of patriarchy, the reverse processes are noticeable. The bride showed her skills in sewing clothes, arranging the household, and cooking.

Thus, on the basis of the civilization of mankind, the first foundation of society — the basis for the emergence of the family — the wedding ceremony was created. The teenager prepared for this ceremony for a long time. In it, he tried to demonstrate his readiness and strength for life. During this ceremony, the teenager was subjected to special torture. Those who did not pass this unique «test» were sentenced to death. After the manhood ceremony, the «wedding boy» was circumcised. Then he abandoned his childhood habits and joined the adults. He went hunting with them and became an equal

member of the team. Later, after this ceremony, he had the right to marry.

In general, in the process of historical development, customs played a very important role in mankind's step from wildness (barbarity) to civilization. Starting from the primitive society, in the process of the development of relations between people, a system of direct existence, order, customs and ceremonies begins to be formed with the life of a person, family, community. These customs and rituals had a great impact on the development of a person, family and community.

The Chinese chronicle «Tan-shu» says the following about the silver ceremony of the Turks: A good life is achieved as a result of hard work, struggle, and overcoming difficulties. The desire to live a good life requires constant training of the mind and conscious work. Conscious work appears through experience and skill. In nature, everything appears out of necessity. The world of plants, the entire living world and the «master of all beings — man» also came into existence based on vital necessity. Among all creatures, Man develops quickly because his desire to live well is very strong. Those who think, think, observe and work live better than others. Experiences created on the basis of conscious work turn basic actions into skills, make work easier, and provide an opportunity to perform it quickly and accurately. Conscious work and experience prevent «reinvention» of every work. The use of work experiences from others is the basis for progress. The experiences that emerged on the basis of conscious work gradually turned into skills and habits.

Herodotus writes about a peculiar ritual of the Massagetae from the harvest period: «They piled the fruits of certain trees together. Then they lit a fire, ran around it in a circle, and they threw the fruits into the fire. Then they smelled the burning fruits and enjoyed their smell, just as the Hellenes were drunk with wine. The more fruits they threw into the fire, the more they enjoyed it». This ceremony indicates that the arts of games, dances and singing have also developed in Massagets.

«Hunting games» had a special place in the life of primitive people, they were held before and after the hunt. The pre-hunt games are organized as a kind of small serious event, serving as a pre-hunt exercise (checking readiness for the hunt, mental and physical preparation for the hunt). In pre-hunting exercises, people learned to catch and approach the prey. To do this, they put on a mask to become an animal, practice how to walk, stand and make sounds. Young people also participated in these games and were taught to hunt. This served as a kind of school, firstly, it helped the members of the team to grow hunting skills, and secondly, it shaped and developed the art of imitation.

The last games after the hunt were held only when the hunt was successfully completed. After all, returning from hunting with prey saved the team from starvation. Due to abundance, a mood of joy and celebration appeared. Animal husbandry was formed based on hunting. The raising of hunted animals for future consumption as food gave rise to animal husbandry. In this way, experiments on raising and breeding domestic animals were gradually created. Animal husbandry was necessary for people as food (meat, milk, eggs). Over time, labor training related to catching, feeding and breeding animals has become a habit. For example, when a cow gives birth, it is customary to make «Kelagay Oshi», feed (fatten) a calf, milk a cow («khush-khush»), «run the heifer», slaughter livestock and prepare meat products for the winter, raised to the level of ritual. It is

known that in Central Asia, spring, summer and autumn provide favorable conditions for raising cattle. In winter, it is difficult to raise cattle. Therefore, in ancient times, many livestock were slaughtered in the fall and stored as meat for winter consumption. There are dozens of special processing methods such as meat preservation, drying, salting, and frying in oil. The process of preparing meat for the winter took place in the form of a large gathering — hashar and feast. This custom was later called «sagim» [4].

The process of obtaining raw materials (wool, skin, fur) from livestock has also created unique customs. For example, the seasonal ceremony of shearing sheep wool, customs of smelling cattle skins and making fur from them, traditions of spinning wool and sewing clothes were carried out with the help of unique rituals, paintings and songs and dances. Some forms of using some domestic animals (horses, oxen, donkeys, camels, deer) as labor tools have become customs and rituals. For example, feeding oxen for plowing in the spring, oiling and painting its horns, plowing ceremonies («horn

oil» or «saddle horse» ceremonies) were held as a big celebration in ancient times.

The most joyful event in the life of peasants was the process of harvesting and tasting new delicacies. The desire to work all summer and grow a bountiful harvest created an upbeat mood among the farmers. People who were satisfied with the collected harvest joyfully reflected the work processes through games and rituals. «Labor Games» created a good mood and a festive spirit. As a result of the rapid development of sedentary agriculture, the celebrations dedicated to the beginning of the labor season in the spring and the harvesting of the harvest in the fall gradually became a tradition [5].

Conscious work is the basis of traditions, the original foundation. Repetition of work experiences and customs in the form of games in free time, rituals created favorable conditions for the development of the first human culture and art. Various games, theater and dance, pantomime, and the first manifestations of music art appeared during the performance of cultural rituals reflecting the labor process.

References:

1. История Узбекистана в источниках. Т.: «Фан». 1984, с 54
2. И. Сирожиддинов. «Никоҳ қандай пайдо бўлган?» //« Саодат». 1990. 24–25-бетлар
3. История древнего мира.— М.: «Просвещение». 1979, 54 с.
4. Н. М. Маллаев. «Ўзбек адабиёти тарихи». Т.: «Ўқитувчи ». 1965, 80-бет
5. Маткаримова, Н. М. (2020). Хоразм воҳаси ўзбекларининг никоҳ тўйи маросимлари (XX аср ва мустақиллик даври): Тарих фанларидан фалсафа доктори (PhD)... дис.

Historical roots of the formation of Khorezm folk games

Gapparova Bakhtigul Razzaqovna, teacher history

Specialized school of Bagat district of Khorezm region of the Republic of Uzbekistan (Khiva, Uzbekistan)

In this article, the historical roots and significance of the formation of Khorezm folk games as well as the genetic basis of folk games are presented.

Keywords: *ethnopedagogy, traditions, folk games, Udum, ritual, Uzbek, Kyrgyz, Kazakh, Turkmen, Karakalpak and Tajik.*

Исторические корни формирования хорезмийских народных игр

Гаппарова Бахтигуль Раззаковна, учитель истории

Специализированная школа Багатского района Хорезмской области Республики Узбекистан (г. Хива, Узбекистан)

В данной статье представлены исторические корни и значение формирования хорезмийских народных игр, а также генетическая основа народных игр.

Ключевые слова: *этнопедагогика, традиции, народные игры, удум, обряд, узбеки, киргизы, казахи, туркмены, каракалпаки и таджики.*

National values of folk games of different peoples of the world. Within the framework of economic life and ethno-pedagogical research, the study of their ethno-integrative functions connecting different historical-ethnographic regions from the national, regional location and genetic point of view is one of the important scientific directions. In the process of social modernization, it is necessary to ethnographically study the development trends, mythology, changes,

historical, cultural and ethnic characteristics of folk games and inform the world scientific community.

Relying on our national traditions formed over the centuries and the rich spiritual heritage of our ancestors, it was determined as an urgent task to strengthen the propaganda work aimed at perfecting the sense of patriotism and educating them in the spirit of a healthy lifestyle.

Although the issues of scientific study of folk games were initially descriptive in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, the works written down by the authors of that period are of great importance for the scientific research of the current period, as they directly observed and witnessed the realities themselves. Scientists of the Soviet era collected new materials and carried out scientific research based on the scientific achievements of their predecessors. In the researches during the period of independence, there is a literal restoration of national values and traditions, a new scientific-theoretical approach to the problem using the best experiences of various scientific schools in the world.

It consists in revealing the factors of creation of folk games and related ethno-cultural traditions, customs, the transformation and educational significance of folk games today, as well as determining the factors of development trends, changes, preservation of historical and cultural characteristics of folk games in the process of social modernization; and ethnic cooperation, as well as showing the importance of folk games in the formation of the principles of national harmony and religious tolerance, as well as encouraging the young generation to folk games and a healthy lifestyle of the population in general [1].

The historical roots of the Khorezm folk games are inextricably linked with the ancient religious and mythological imaginations of the people of the oasis. On the basis of Khorezm folk games, we can learn such qualities as dexterity, vigilance, mastery, honesty, respect for the opponent, based on strict rules and standards. On the basis of the intangible cultural heritage of the Uzbek people, folk games have been studied from historical, ethnographic, philological, philosophical, and pedagogical points of view. At the same time, information about Khorezm folk games is reflected in historical sources, archaeological and ethnographic materials, archival documents, and many scientific literature, articles, and reports. Against the background of the general picture of the historiography of the subject, with a periodical-chronological approach to the literature, attention is paid to three historical periods from the second half of the XIX century and to the works of foreign authors and the source science of the subject as a separate issue. Those who wrote down memories and memories about the customs, traditions, rituals, daily life of the local people or gave interesting information in their works and articles.

Historical and ethnographic research carried out especially during the Soviet period paid attention to social and humanitarian sciences, in particular, in ethnographic research, national-ethnic traditions, customs and rituals, material and spiritual culture of the peoples of the region, as well as scientific study of folk games began to focus. A number of studies were created, articles and monographs were published on the issues of Central Asian peoples, especially Uzbek folk games. Khorezm folk games have a very ancient and rich history. Their roots go back to the primitive times when mankind began to appear. The genetic basis of folk games goes back to ancient times as a component of primitive rituals and ceremonies, one of the oldest elements of our ancestors' thinking. Over time, the games included in such ceremonies have lost their ritual character and have become an element of simple entertainment.

Famous scientist U. Karaboev connects the fact that the game has occupied an important place in the formation and development of mankind since ancient times with the social lifestyle, and explains that it originated from the need for games and competitions along with labor experiences. He who reaps much and quickly in the first

initial period is rich. This created a kind of competition. Second, when skilled pickers became old, it became difficult for them to climb the treetops and stand on dangerous branches to pick fruit. And children had a tendency to action-games. The elders who used it taught the children to pick fruit as a game rather than a chore. Thirdly, in the primitive period, there were military conflicts between clans and tribes for the ownership of fertile lands, and as a result, there were many victims. Gradually, ways to solve the problem in a peaceful and cultural way were sought. As a result, not two clans fought each other, but their chieftains fought individually. Over time, the wars of birth and death were replaced by cultural battles of chieftains. These achievements were the beginning of the current national struggles. Fourthly, the tribes invited the representatives of neighboring clans to visit them in order to solve their problems peacefully rather than by fighting. In this period when human language is not developed, guests and hosts express their thoughts in the form of pantomime play and dance [2]. A certain part of Khorezm folk games was formed directly in the labor process due to the need of artistic interpretation of the ancient man's way of life. Hunting, animal husbandry, farming, as well as the ancient crafts and daily life of our ancestors are the first and main social sources that are the basis for the origin of folk games. The further development of production forces, the improvement of labor tools in the last stages of the primary community system, the inability of children to use these labor tools in ordinary life and productive work like adults led to the formation of unique and suitable types of games for them. Therefore, children began to make toys similar to work tools.

From the earliest times in the territory of ancient Khorezm, it was necessary to be dexterous, strong, and fast to perform various exercises on a fast-moving horse, such as hunting and catching various animals. In order to develop such characteristics, it was necessary to practice by playing in sports competitions. Herodotus, the father of history, wrote about this: «The Massagetæ are very proud and brave soldiers, they live in a nomadic way... They have the best horses in the world, which their neighbors never had».

Among the nomadic tribes, hunting games also have their own history, and the historical roots of such games go back to the lifestyle and life of primitive people. Such games served as a pre-hunting exercise and were organized in the form of a small serious event typical of that time. Cattle breeding was formed on the basis of hunting, and later these games became a tradition among herding tribes. The tradition of hunting games as an exercise for mental and physical preparation and upliftment in holiday ceremonies is an example of early culture and art. We can also find written information about Khorezm folk games in Abu Rayhan Beruni's «Memorials from Ancient Peoples» century. According to Beruni, the peoples of Central Asia — the Khorezms and the Sogdians — the Iranian-speaking inhabitants of the ancient farming civilizations of this region, the ancestors of the present-day Tajiks, and the Uzbeks, who led a sedentary lifestyle for a long time, about the holidays and tribal divisions, as well as, shows a list of Khorezm and Sogdian holidays. Beruni refers to the celebration not only in his time, but also in pre-Muslim times. It is described as having a lot in common with the festivals of the people of Khorezm and the Sogdians [3].

According to Beruni, the major holiday is the spring New Year, known in most regions as Nowruz. Unlike Islamic holidays, the holiday is always celebrated at the same time, which is the vernal equinox according to the solar calendar. The New Year's holiday was not na-

tional or even official among the agricultural population (although it was also celebrated by pastoralists). Nowruz is a celebration of the revival of nature not only in Iran, but also in Central Asia. It did not lose its importance even during the Muslim era [4].

According to the research of Russian ethnographers, jumping over fire was preserved until the first half of the 20th century in the northern

part of the Khorezm oasis and among the majority of Turkmen. In Nowruz, young people jump over the fire. It is mentioned in the works that this custom was related to fire worship among Khorezm people in the past. G. P. Snesarev and K. L. Zadikhina, G. P. Snesarev emphasized about the people in Khorezm that echoes of Zoroastrian traditions can be found in all their holidays.

References:

1. Ғозиев Э.Ғ., Анарметова Ш. Ўйин назарияси. Тошкент: 1995.— Б.11.
2. Қорабоев У. Ўзбек халқ ўйинлари. Тошкент: Санъат, 2001.— Б.6–7.
3. Лобачева Н. П. Огни сафара в Хорезме. ©.1995 г., ЭО, № 5
4. Снесарев Г. Я. Реликты домусульма неких верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 211 и др.

The title that given to Khorezmshah Ali ibn Mamun

Ismailov Shakhrukhmirza Zakirzhan ugly, senior teacher
NOU «University of Mamun» (Khiva, Uzbekistan)

Ali ibn Mamun, who is considered one of the most prominent representatives of the Mamunids dynasty, during his career, entered into relations with the Arab caliph along with the peoples located in the regions of South Siberia. In this article, the history of Ali ibn Mamun's relations with the large states of Karakhanids and Ghaznavids in Central Asia, as well as the history of receiving the title from the Arab caliph, is analyzed using numismatic sources.

Keywords: coin, title, trade route, Karakhanids, Ghaznavids, Samanids.

Титул, присвоенный хорезмшаху Али ибн Мамуну

Исмаилов Шахрухмирза Закиржан углы, старший преподаватель
НОУ «Университет Маъмуна» (г. Хива, Узбекистан)

Али ибн Мамун, считающийся одним из наиболее ярких представителей династии Мамунидов, за свою карьеру вступил в сношения с арабским халифом наряду с народами, населявшими районы Южной Сибири. В данной статье с использованием нумизматических источников анализируется история взаимоотношений Али ибн Мамуна с крупными государствами Караханидов и Газневидов в Средней Азии, а также история получения титула от арабского халифа.

Ключевые слова: монета, титул, торговый путь, Караханиды, Газневиды, Саманиды.

After the fall of the Samanid state, in addition to the Khorezmshah Mamunids state, the Karakhanids, who annexed almost the entire territory of Mawara an-nahr, and the Ghaznavid state, which united Khorasan, Afghanistan, and part of North India, ruled the region. Naturally, in such a situation, the goal of two powerful political forces was aimed at Khorezm. At this time, in addition to Nisa and Farawa in Northern Khorasan, the state of Khorezm included the city of Abivard, where coins were minted in the name of Mamunid rulers [1, p. 59].

Ali (999–1008), the son of Khorezmshah Mamun, the third representative of the Mamunids dynasty, was placed on the throne by the military shortly after his father's death and pledged allegiance to him [2, p. 46].

Literature analysis and methodology

In the conduct and discussion of this research work, together with local scientists, the works of scientists from Eastern and Western countries were used. In addition, the research results were obtained by comparing the data and numismatic materials presented in these

sources. Analytical results of the works of Abdujabbar Utbi and Al-Maqdisi were widely used in the creation of this article. Coins belonging to the era of Mamunids kept in the museums of Uzbekistan and the world are also an important source for the study of this topic.

Results and discussion

The first two years of Ali ibn Mamun's reign were directly under the rule of the Samanids. On some coins minted by him, it can be seen that the name of Samani ruler Abdumalik ibn Nuh (who ruled from February to October 999) was recorded. For example, the Ali ibn Ma'mun coin was minted in Jurjania, but it is not known when it was minted. According to researcher E. Begavatov, this type of coin was minted in 389 Hijri (999 BC) in Jurjania [3, p. 259]. A coin of this type was found in 2001 in the archeological research conducted in the region of Bilyarsk Aleksevskovo in Tatarstan [4, p. 88]. On the obverse side of the coin the phrase «...الحاكم» «علي بن مامون\خوارزم شاه\الحاكم» is written. i.e. «...Ali ibn Mamun Khorezmshah. Al-hakim» is written.

In the center of the reverse of the coin, «...الملك الامير بالله القادر بالله...» that is, «Al-Qadir billah. Al-Amir al-Malik, Abd...» part has been preserved. Here, in the first two lines, must be the sentences «محمد رسول الله», i.e. «Muhammad is the Messenger of God». As E. Begavatov says, the last line of the script may contain the name of the last emir of the Samanids, Abdul Malik. Because the title «al-Amir al-Malik» (الامير الملك), mentioned in the previous line, belongs to the Samani rulers [1, p. 61]. That means Ali ibn Mamun recognized the authority of Abdul Malik, albeit in name, before the collapse of the Samanid state as a result of the attack of the Karakhanids.

At the end of 999, the Karakhanids made another attack on Bukhara. As a result of the attack, the Samanid dynasty, which ruled Mawara an-nahr and Khorasan for nearly two hundred years, was overthrown [5, p. 184]. After that, Khorezm ruled by Ali ibn Mamun became an independent state. At this time, its territory included in addition to Khorezm Farawa in North Khorasan, from Nisa to the Manghishlak Peninsula in the north. During the research conducted in recent years, a total of 33 types of coins of Ali ibn Mamun minted in Jurjania, Kath, Farawa, Nisa, and even in Bukhara were identified [1, p. 52]. Although the fall of the Samanid state gave political independence to Khorezm, it remained directly bordered by the Karakhanid state, which reached the peak of its power, and the Ghaznavid state established in Khorasan. These states could attack at any time and occupy Khorezm [6, p. 224–231].

In the year 390 AH (1000 AD), the representative of the Samanids, Abu Ibrahim Ismail ibn Nuh, escaped from captivity in the city of Ozgan under the Karakhanids government and came to Bukhara, then to Khorezm [2, p. 51]. This event is described by Abdujabbar Utbiy as follows: «*After escaping from captivity, Muntasir hid in Bukhara near an old man until the soldiers gave up hope of finding him. Then he went to Khorezm asking for God's help to take revenge like a sword that destroys fortresses, a flying star that pierces everything and emits sparks, a fire that burns everything...*» [7, p. 353].

In Khorezm, the remaining soldiers from the Samanid state, gathering forces opposing the Karakhanids and loyalists, attacked Mawara an-nahr. He captured the central cities of Bukhara and Samarkand and restored the Samanid state under the name of Ismail al-Muntasir (390–395 AH.\ 1000–1005 AD.) [8, p. 535–548]. Khorezmshah Ali also helped him in forming this army. Because in this way Khorezmshah achieves two political goals. First, he establishes warm relations with Ismail al-Muntasir, who, as the legal representative of the Samanids, demands their old territories. Secondly, the two political forces that threaten the independence of Khorezm, the Karakhanids and the Ghaznavids, turn their gaze away from Khorezm and focus on the representative of the Samanids. This is evidence of Ali ibn Mamun's maturity as a skilled politician.

According to the traditions of the Muslim world that existed at that time, when the ruler ascended the throne in each Muslim country, the Arab caliph sent him symbols of rulership and a title, which indicated that he had legal authority. Accordingly, it is close to the truth that Ali ibn Mamun received the same title. Because, during this period, a unique political and religious rivalry arose between the Fatimids in Egypt, who were supporters of the Shia sect, and the Abbasid Arab caliph of the Sunni sect, and the caliph tried to be the first to send symbols and titles of sovereignty to each newly formed state. These symbols indicated to the ruler that he was the owner of the legitimate

power, but also meant that this country and the ruler were vassals of the caliph. Accordingly, it can be seen that the names of the caliph Al-Qadir Billah (991–1031), who ruled during this period, were recorded on most of the coins minted during the period of Ali ibn Mamun. However, the sources did not record any information about the title given to Ali ibn Mamun. But to find the answer to this question, you can turn to coins. Ali ibn Mamun gained his political independence in 999 (389 AH) and started minting silver coins. These coins were minted in the Gurganch palace. According to Maqdisi, the old palace of Mamun ibn Muhammad is located in front of the southern gate of the city, and the new palace of Ali ibn Mamun is located opposite it [10, p. 288–289]. Coins were also minted in this palace area.

One of the coins minted by the Khorezm Shahs was found in 1973–1975 at the Sadvar Monument in South Khorezm [11, p. 168]. The obverse center of this coin is damaged, so it is impossible to read the text. In this part, only the words «لا اله الا الله»... i.e. «There is no other god...» have been preserved. From this sentence, it can be assumed that the word Tawheed is written on the obverse side of the coin. The sentence on the coin's flange is illegible. On the reverse side of the coin is written the phrase «[سر]اج الامة\ خوارزم شاه» which means «Khorezmshah, the crown of the Ummah and the sun of the nation».

From the content of the texts recorded on this coin, it is impossible to know which ruler it belongs to. However, the decoration of the coin is characteristic of the 11th century, which allows us to assume that this title and coin belong to Ali ibn Mamun. Because, during this period, it is possible to see the participation of the Mamunids state in several political processes as a major political power in the region. For example, during the reign of Ali ibn Mamun, Ismail al-Muntasir, the last representative of the Samanids, fought against the Karakhanids and the Ghaznavids for five years in various cities of the region [8, p. 535]. Although relations between Khorezmshah and Ismail looked good at first during these political processes, it can be seen that later relations deteriorated. By the year 394 AH (1004 AD), a dispute arose between the two rulers over the issue of Nisa. The reason for the conflict was that Ismail al-Muntasir retreated to the city of Nisa, which had been the property of the Mamunids since 992, after losing the battle with the Qarakhanids and the Ghaznavids. The governor of the city at that time, Hajib Abu Nasir, gave him a place in the city to get closer to Ismail al-Muntasir. However, the residents of the city did not welcome his arrival and wrote a letter to Ali ibn Mamun. He arrives in the city with his army. The governor of the city, Hajib Abu Nasir, joins the army of Ismail al-Muntasir and participates in the battle. Khorezmshah won in this battle and Ismail al-Muntasir left the city and retreated to Iran [7, p. 67]. Therefore, Ali ibn Mamun realized that Ismail al-Muntasir could not fight against the Qarakhanids and Ghaznavids in the region, and tried to eliminate him.

Conclusion

We can draw the following conclusions from the above-mentioned political events that took place in Khorezm and its surroundings at the beginning of the 11th century. During this period, Ali ibn Mamun acted as an independent force in the region and actively participated in all political processes related to Khorezm. For this reason, the Arab caliph recognized Mamunid Khorezmshahs, who worked at

the beginning of the 11th century, as an independent political force. Caliph tried to bring them under his influence, or at least to subjugate them spiritually. During this period, the Fatimids, who believed in the Shia sect of Islam, were operating in Egypt, and the Barmakids and Ziyarids dynasties were operating in the territory of Iran, com-

peting with the caliphate both politically and religiously. The coin mentioned above was also minted by one of the Khorezmshah rulers. But it is impossible to determine by which ruler or dynasty it was minted at a glance. The factors listed above lead to the conclusion that this coin and the title recorded on it belong to Ali ibn Mamun.

References:

1. Ismailov Sh.Z. VIII–XIII asrlada Xorazmshohlar tangalari. PhD dissertatsiyasi. — Urganch, 2024.
2. Özbayraktar A. Me'mûniler devrinde Harezm. Dok.tezi. Selçuk Üniversitesi. — Konya. 2021.
3. Беговатов Э. А. Заметка по нумизматике прикаспийских государств рубежа X–XI вв. // Сентралная Азия от Ахаманидов до Тимуридов. — СПб., 2004.
4. А. К. Марков. О клад куфических монет, найденном в сел Крещеный Баран, Спасского уезда Казанской губернии//Записки нумизматического отделения императорского отделения русский археологический общества. — СПб.; Императорский Академия наук, 1909.
5. Hunkan Ö.S. Türk Hakanlığı (Karahanlılar). — İstanbul, 2011.
6. الميموني. دولة المامونية في خوارزم. 385–408 هـ. القاهرة. دار المنظمة، 2002.
7. Abu Nasr Muhammad ibn Abdujabbor Utbiy. Tarixi Yaminiy // Qo'lyozma, O'zR FA SHI № 3252/V.
8. Duman A. Ebû İbrahim İsmail El-Muntasir'in Sâmânî Devletini Diriltme Gayretleri Bağlamında Karahanlılar ve Gaznelilerle İlişkileri//Gaziantep Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. C. XI/2. — Gaziantep, 2012.
9. Bosvort K. E. Musulmon sulolalari (yilnoma va shajaralar bo'yicha ma'lumotnoma). Tar: Asror Samad. — T., Fan, 2007.
10. محمد بن احمد المقدسى. أحسن التقاسيم في معرفة الأقاليم. — القاهرة: دار السويدي، 1991
11. Гончаров Е. Ю., Армарчук Е. А. Монеты средневекового Садвара и Южном Хорезме//Вестник института востоковедения РАН, 2 (12), 2020.
12. <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=99998>

Diplomatic relations of Central Asian merchants with Russia, Asian, Western European countries and the role of merchants in the political life

Rakhimberganov Jorabek Otanazarovich, senior teacher;
Sadullayeva Husnora Botyrovna, student
NOU «University of Mamun» (Khiva, Uzbekistan)

Central Asia is famous as a region that occupied the central places of trade relations throughout the historical period. Various trade routes have passed through Central Asia since ancient times. The Great Silk Road, starting from the Red Sea and ending with the Mediterranean Sea, passed trade caravans from all major cities, which ensured the political and economic stability of the great states that were formed at that time. Academician M. M. Khairullayev's «History of Uzbek Diplomacy» based on the information provided using Nigora Allayeva's «Diplomacy and Trade Relations of Khiva Khanate» and also Khamid Ziyoyev's «Establishment of Embassy Relations of Uzbekistan with Russia, On the basis of the information cited in the work »History of Development», the information about trade relations and diplomacy of Central Asian merchants is given very widely and clearly. Traders played a very big role in the political life of the states, even the victory or defeat of the states depended on their actions.

Keywords: merchant, caravan, customs, ambassador, Yalavoch, Safir, embassy, border, Tim, Toq, Caravanserai, Tuyakash, Coin, tin, Libra, Fur, paper, melon, fodder.

Дипломатические отношения среднеазиатского купечества с Россией, странами Азии, Западной Европы и роль купечества в политической жизни

Рахимбергганов Жорабек Отаназарович, старший преподаватель;
Садуллаева Хуснора Ботировна, студент
НОУ «Университет Маъмуна» (г. Хива, Узбекистан)

Средняя Азия известна как регион, занимавший центральные места торговых связей на протяжении всего исторического периода. Через Среднюю Азию с древних времен проходили различные торговые пути. Великий Шелковый путь, начинавшийся от

Красного моря и заканчивавшийся Средиземным морем, проходил торговые караваны из всех крупных городов, что обеспечивало политическую и экономическую стабильность образовавшихся в то время великих государств. «История узбекской дипломатии» академика М. М. Хайруллаева на основе информации, предоставленной с использованием «Дипломатии и торговых связей Хивинского ханства» Нигоры Аллаевой, а также «Установления посольских связей Узбекистана с Россией» Хамида Зиёева. В «Истории развития» очень широко и наглядно изложены сведения о торговых связях и дипломатии среднеазиатских купцов. Торговцы играли очень большую роль в политической жизни государств, от их действий зависела даже победа или поражение государств.

Ключевые слова: *торговцы, караван, таможня, посол, Ялавоch, Сафир, посольство, граница, Тим, Ток, Караван-сарай, Туякаш, монета, жезь, весы, мех, бумага, дыня, корм.*

In order to determine the spiritual foundations of the Uzbek embassy relations and its specific features, we must first of all refer to the traditions of our ancient statehood, which has a history of three thousand years. The two great rivers on the borders of Turkestan — Huanghe and Yangtze in China, the Indus and Ganges in India, the Euphrates and Tigris in Iraq, the Nile in Egypt in the basins of the two great rivers — the Amu and the Syr — simultaneously developed the buds of cultural life based on irrigated agriculture. Several thousand years ago, the first ancient states were formed.

In Central Asia, trade has been conducted with various countries since ancient times, especially during the Timurid period and the Khanate period, it conducted trade with countries such as Europe, Asia, and Russia. Proposals are made regarding the uniqueness of the Central Asian states in Ushba and the exchange of products with Russia and their role in the political life of the state.

In the written sources that have reached us, we read the following about this: «The people of Khorezm, — writes Abu Rayhan Beruni in his book *Asarul Baqiya*, which was written a thousand years ago, — used to take history from the beginning of the settlement of people in Khorezm, which is nine hundred and eighty from Alexander it was a year ago» [1, p. 75]. So, at this time, that is, about 1300 years before Christ, in this way, 3300 years ago in the land of Khorezm since the foundation of our initial statehood was laid. Here, Beruni is giving information about the calendars of ancient peoples. The calendar can be created only in the place where the cultural life is established, in the place where the attributes of statehood based on certain discipline and rules are established. Beruni also expressed his opinions about which people this ancient state belonged to. «At that time», he writes, «Kaikhusrav moved to Khorezm and ruled over the Turkish kings». This event took place ninety-two years after the settlement of Khorezm». According to Beruni, this event took place approximately 1200 years before Christ [1, p. 75].

In his monograph «Current Uzbeks», the American orientalist Edward Alworth, looking at the history of Turkestan diplomacy, tries to pay attention to the antiquity of the term «ambassador» and the comprehensive meanings hidden in its core. «In Central Asia», he writes, «the idea of diplomacy may have appeared under the influence of the word «embassy» in the Chigatai language. This word means «activities of a diplomat» or «close relations» or «relationships within a tribe (el)» [2, p. 16]. In general, one can agree with these opinions. Continuing with them, it should be said that our history of diplomacy has been formed since ancient times in the way of regulating relations between Turkic peoples, ending disputes between «countries», establishing good mutual relations, and gradually embodying the best traditions of mutual visits, the relationship has be-

come a form of diplomatic relations with rules, i.e. «ambassador relations».

Edward Alworth, expressing his opinions on this issue, also points out that in some cases in the southern parts of Central Asia, the terms «ambassador» and «embassy» are used instead of «ambassador» and «embassy». This is certainly the case in Arabic and Persian-speaking countries. This is what they called the ambassadors sent from those places to the rulers of the states on the borders of Turkestan. However, the official representatives sent to countries other than Turkestan are always called «ambassador» and their authority is «embassy».

Central Asia has always had trade relations with Russia and Western European countries. This is mentioned in many sources.

The city of Turkestan was considered an important crossing point on the caravan route between Central Asia and Siberia. That's why Turkestan was a battlefield of Uzbek and Kazakh khans for a long time, passing from hand to hand. Even after the annexation of Siberia to Russia, the caravan route passed through Turkestan and kept its old position.

According to information from the end of the 17th century (1696), Savron was the first of the big cities on the road from Tobolsk to Turkestan, and the city of Sirnak was located on the lower side of the Syrdarya. On the right side of the city of Savron is the town of Akkurgan. In addition to these, Karachik, Karnak, Tashliq, Sayron (Sayram), Otrar and other cities were located around Turkestan, all of which were adjacent to the caravan route.

According to Feodor Skibin and Matvey Troshin, who described this caravan route, there were 32 cities on the caravan route. [3, p. 263]. This situation was especially evident after the establishment of the Siberian line and the abolition of customs offices in the interior of Siberia. Trade with Central Asia flourished on the Siberian line, and new communication routes were created. The caravan routes from the Siberian line to the interior of Central Asia were described in detail by Russian ambassadors sent to Bukhara and Tashkent at the end of the 18th century. This is an important source for studying the caravan routes between Central Asia and the Siberian line. According to this information, it was possible to go to the interior of Central Asia through Troitsk. G. Burnashev and A. Beznosikov, who were sent as ambassadors to Bukhara and Tashkent in 1794, wrote down information about this road. It shows that the Russian ambassadors went from Omsk to the Presnogorsk fortress and marched towards the lower reaches of the Irtish River. Then they went to the Kazakh deserts and went to the Troitsk fortress towards the Orenburg line. From here they walked across the desert. On the way there are places with bitter and salty water. They went to the head of the Torgay river, which flows into a large lake named Aksagol, and from this place came to Syrdarya through Karakol.

Then he came to the Kuvan river, passing a little distance from the ruins of Yettikala, he went to Yangidaryo. It came from Yangidaryo to mountainous areas through Kyzylqum and from here to Yuzkuduk, Kapkatosh, Beshbulok, Bikbildik mountain. He went from Bikbildik mountain to Kyzilkala and then to Kargat spring. From here he went to Bukhara [4, p. 21].

In the 19th century, cattle breeding was highly developed in the Khiva Khanate, especially among the Turkmens, Karakalpaks and Bazars. Here, thousands of sheep, horses, camels and cattle were brought and sold to the central districts of the khanate. Turkmen horses played an important role in the army. There is information about the prevalence of handicrafts in cities and villages. According to these, the textile industry grew, and various gauzes were made from cotton and silk. The gazlams are decorated with colors, and among them, the value of elegant fabrics is high. Dyeing was valued as a separate profession. The art of spinning cotton yarn is widespread. Women were engaged in this work. Kalava yarn was sent to foreign countries, in particular to Russia. Pottery was widely spread in the country, and household items were made from khum, plates, bowls, plates and bowls [4, p. 21].

There is information that the production of jewelry from gold, silver, precious stones and other minerals has increased in the country. There were many craftsmen who made metal tools such as knives, razors, adzes, hoes, belts, scissors, axes, saws, and plows. Tannery is developed in this country, leather cooking, makhsi, boot, kavush sewing, and saddle-harness production are given special importance. Other products made from rice, felt and wool were produced. military weapons such as swords, axes, spears, shields, bows and arrows, rifles, muskets, and gunpowder were made in crafts. But the

quality of rifles and cannons was very low and could not meet the requirements of the times. Bushes were used to create more panic.

There were skilled craftsmen who made carts, water wheels, and millstones in the Khany. Domestic and foreign trade played a big role in Khiva Khanate. Khiva, Urganch, Hazoras, Khanka, Tashkhovuz, Khojaly, Gurlan, Chimboy and other places were considered trade and craft centers. In the big and small markets here, you could see agricultural and handicraft products brought from different parts of the country [5, p. 142]. Many places in the Khanate region were in intense trade relations, especially with the Bukhara Khanate. In addition, trade relations with Turkmens, Karakalpaks and Kazakhs continued regularly. Cattle, sheep, wool, and food products were taken from these powerful peoples, and in return they were given clothes, household appliances, and delicacies. Khanate of Khiva had trade relations with Iran, Afghanistan, India, Russia and other places. For a long time, Khiva merchants were engaged in trade in cities such as Astrakhan, Nizhny Novgorod, Orenburg. Various gauzes, cotton, silk and other goods were brought there. Goods such as iron, cast iron, leather, tin, copper, copper, and sugar are imported from Russia. Among them, it was possible to see gauzes woven in the factory. Bringing iron, steel and other metals was especially useful in the centuries after Russia. Because, mainly, the production tools necessary for farming and handicrafts were made from them.

In conclusion, it can be said that the Buyul Silk Road gained great political importance from ancient times to the Middle Ages. Later, the establishment of the Khanate and their diplomacy to foreign countries made a great contribution to its economic stability. Although these trades flourished, the very shallow politics of the khans led to its subsequent occupation by Tsarist Russia.

References:

1. Абу Райхон Бериий Танданган асарлар. 1-жидд. «ФАН» нашриёти, Тош., 1961. 71-бет.
2. Эдвард Олворт. Ҳозирги ўзбеклар. Ўн тўртинчи асрдан бугунги кунгача Маданият тарихи 16-бет
3. МИУТТ, С. 263
4. Xamid Ziyoyev «O'zbekistonning Rossiya bilan elchilik va iqtisodiy aloqalarining o'rnatilishi, rivojlanishi tarixi» III jild Yangi asr avlodi, Toshkent 2012
5. M. M. Xayrullayev «O'zbek Diplomaiyasi Tarixi» Тошкент — 2003
6. Xamid Ziyoyev «Rossiyaning Ozon, Astraxan, Sibir, Qrim, Kavkaz va Turkistonga tajovuzi va hukmronligiga qarshi kurashlar» VII jild, Yangi Asr avlodi Toshkent-2012, 21-b

Влияние переселенческой политики в период 50–80-х годов XX века на этносоциальную сферу северного района Дагестана

Узденов Алибек Робертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Байрамуков Арасул Сосланбекович, кандидат исторических наук, доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева (г. Карачаевск)

В нашей статье мы рассматриваем политику властей Дагестана по переселению жителей, традиционно проживавших в горных селениях, в период 50–80-х гг. XX в. и ее влияние на трансформацию этнического и социального положения в трех равнинных районах Северного Дагестана.

Ключевые слова: ДАССР, программа по переселению, национальная политика властей, Северный регион, итоги переселения.

The influence of resettlement policy in the period 50–80s. XX century on the ethnosocial sphere of the northern region of Dagestan

Uzdenov Alibek Robertovich, student master's degree

Scientific advisor: Bayramukov Arasul Soslanbekovich, candidate of historical sciences, associate professor
Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliev (Karachayevsk)

In our article we examine the policy of the Dagestan authorities to resettle residents who traditionally lived in mountain villages in the period of the 50–80s. XX century and its influence on the transformation of the ethnic and social situation in the three lowland regions of Northern Dagestan.

Keywords: DASSR, resettlement program, national policy of the authorities, Northern region, resettlement results.

Дагестан представляет собой уникальный регион, в котором проживают десятки национальностей со своей самобытной культурой и самосознанием, соответственно национальная политика должна отличаться тонким планированием и реализацией на длительную перспективу. В период 50–80-х гг. XX в. органы советской власти автономии начали проводить программу переселения жителей горных районов на равнину, и данное решение привело к неоднозначным последствиям.

В ареал переселенческой политики органов советской власти попали Кизлярский, Ногайский и Тарумовский районы Дагестана. Вышеуказанные регионы находятся на севере РД и являются собой самобытный комплекс природно-хозяйственных характеристик. Город Кизляр и данные районы отличались и по национальному признаку проживавшего населения. До 1957 г. в указанном регионе в подавляющем большинстве проживали ногайцы и русские, при этом данные регионы исторически не входили в состав ДАССР. Руководство автономии высоко оценивало хозяйственный потенциал Кизлярского округа и имело большую заинтересованность включить его в границы Дагестана в значительной степени из-за крупных земельных площадей округа.

Власти автономии полагали, что благодаря возросшему земельному фонду и реализации аграрных реформ в ходе которых горцы будут наделены земельными участками на равнине приведет Дагестан к росту экономики и уровня жизни [1, с. 21].

В соответствии с определенным вектором социально-экономической политики Дагестана в республике начался процесс переселения жителей горных селений на равнину.

В 1957 г. произошли значительные изменения в административных границах автономий на Северном Кавказе, поскольку советское правительство решило восстановить в правах депортированные народы.

Исходя из решений XX съезда КПСС (1956 г.) на Северный Кавказ начали возвращаться репрессированные народы, в том числе чеченцы и ингуши. Органами советской власти были восстановлены ЧИАССР. В силу вышеотмеченных политических решений высшего руководства СССР в 1957 г. в состав Дагестана по просьбе Дагестанского обкома КПСС вошли г. Кизляр, Крайновский, Караногайский, Кизлярский и Тарумовский районы. Дагестанская сторона обосновывала свою просьбу тем, что процесс возвращения дагестанцев из Чечни и Ингушетии может привести к обострению земельного вопроса [2, с. 227]. Москва пошла навстречу ДАССР, и 31 января 1957 г. Совет Министров СССР и бюро обкома КПСС Дагестана утвердили совместное

постановление согласно которому Грозненская область прекратила свое сопротивление и соответственно под компетенцию ДАССР переходили: г. Кизляр, Караногайский или Ногайский, Кизлярский, Крайновский и Тарумовский районы [3, с. 226]. Позднее, 14 сентября 1960 г., власти ДАССР приняли решение включить в Кизлярский район Крайновский.

Органы советской власти трактовали данное решение как достижение и триумф национальной политики партии и советского правительства [4, с. 11].

Полагаем, что принятое решение о передаче ряда районов ДАССР не было достаточно глубоко продуманно на государственном уровне. Изменение административно-территориальных границ привело к существенным изменениям в социальном, этническом и демографическом аспектах в Дагестане и к обострению межнациональных отношений.

В республике в период с 1957 по 2000 гг. произошли процессы практически полного замещения аварцами, даргинцами, лакцами и другими национальностями Дагестана в северных областях республики русских и частично ногайцев.

Проводимая руководством республики интенсивная политика по переселению жителей из горных районов на территорию равнинного Дагестана привела к кардинальным трансформациям в этно-социальной сфере. Реализуемые меры экстенсивного характера для повышения уровня жизни жителей горных районов республики, планируемых результатов в полном объеме не принесли.

Рассматривая этапы переселенческой политики можно отметить, что в период 50–60-е гг. XX в. процесс переселения жителей горных селений Дагестана на равнинные районы республики протекал в режиме невысокой интенсивности, то уже в период 70–80-х гг. XX в. он приобрел большой размах и темпы протекания [5, с. 138–150]. Об этом нам говорит сравнительный анализ информации всеобщей переписи за 1926 и 1979 гг.

Согласно данным за 1926 г. в следующих районах — Бабаюртовском, Караногайской или Ногайском, Кизлярском население в подавляющем большинстве составляют кумыки, ногайцы, русские.

Переписи от 1979 г., 1989 г., 2002 г., 2010 г. дают нам совершенно иную картину, в вышеуказанных районах появился значительный процент новых национальностей, в подавляющем большинстве представленный аварцами, даргинцами, лакцами, лезгинами и табасаранами. К концу XX в. представители данных народов свыше половины граждан республики в равнинных районах РД [6, с. 13, 14]. Особенно сильно сократилось

русское население, например в 1970 г. в Кизлярском районе русские составляли 65,2%, то в 2002 г. их численность снизилась до 19%; аналогичная картина наблюдалась в Тарумовском районе Дагестана, в 1970 г. численность русских жителей составляла 66,9%, а в 2002 г. она сократилась до 25% [7, с. 131–132]. Более того, в Бабаюртовском, Кизлярском, Ногайском и Тарумовском районах возникли селения, в которых подавляющее большинство составляют аварцы и даргинцы.

Полагаем, что вследствие политики властей по активизации и поддержке процессов переселения жителей из горных районов республики на равнину практически все равнинные районы из мононациональных трансформировались в полиэтнические, что привело к появлению напряженности в социальной и межнациональной сфере, к межэтническим конфликтам [8, с. 128]. Со временем бытовые конфликты начали приобретать национальный оттенок и обострять ситуацию в сфере межнациональных отношений.

В ходе планирования программы переселения жителей горных селений на равнинные районы ученые-теоретики предполагали, что трансфер жителей горных районов позволит преодолеть закрытость и консервативность высокогорных джамаатов, увеличат плотность межэтнических и межкультурных контактов, сблизят и объединят людей разных национальностей.

Практическая реализация программы переселения показала иную реальность в межнациональной сфере республике. Жители горных районов республики, переселившись на равнину, устойчиво сохраняли свои обычаи, традиции, язык и этноидентичность в целом. Аналогичные процессы специалисты-этнографы отслеживали во всех селениях республики.

Этнографы выявили феномен усиления национального самосознания, как у представителей всех поколений переселенцев, которые уверенно и четко разделяли черту между своими и другими [9, с. 231]. Таким образом, несмотря на теории о формировании в равнинном Дагестане нового интернационального социума, проявилось этническое самосознание переселенцев очень высокой устойчивости.

В Северном районе Дагестана возник целый комплекс тесно переплетенных проблем из социально-экономических, межнациональных, экологических и административных вопросов.

Для Северного Дагестана характерно начиная со 2-й пол. XX в. рост площади земель выключенных из хозяйственного оборота, увеличиваются площади опустыненных угодий, на-

блюдается все большее увеличение засоленности почвы. Соответственно увеличение числа жителей равнинного Дагестана, превышение разумных пределов выращиваемого скота, неграмотное использование земельных площадей крайне негативно влияют на социально-экологическую сферу региона.

Особую тревогу у специалистов вызывает Ногайский район РД, поскольку значительные площади 79% его земель переданы в хозяйственное управление горным хозяйствам Дагестана, которые создали на них многочисленные кутаные хозяйства, в которых выращиваются тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота, что представляет серьезную угрозу экологии района.

Для Ногайского района серьезной угрозой является опустынивание земель и следующее за ней губительное явление в виде песчаных бурь [10, с. 108].

Положение в Северном Дагестане усугубляет положение правовой сферы, поскольку выявить и вовлечь в природоохранные мероприятия собственников земельных угодий крайне затруднительно. Переселенцы проживающие в селениях равнинного Дагестана и в прикутаных поселках считают себя хозяевами положения и при этом дистанцируются от решения социально-культурных и социально-экономических проблем Северного Дагестана.

Население Северного Дагестана исторически проживавшее в регионе ощущает свою незащищенность, что порождает напряженность в районах. Социальная сфера сохраняет негативные черты развития, наблюдаются: слабые возможности вертикальной мобильности для русских и ногайцев, падение этнического статуса, резкий контраст в развитии традиционной культуры народов.

Полагаем возможным утверждать, что политика руководства ДАССР в период 50–70-х гг. XX в. по переселению жителей горных районов Дагестана на равнину и в последующем вспыхнувшие процессы стихийного переселения в равнинные районы республики в период в 80–90-е гг. XX в. способствовали к развитию совокупности проблем во многих сферах социума Северного Дагестана, как то: появление новых селений переселенцев в регионе, резкий отток русского населения, массовые миграции ногайцев по РФ, крайнее недовольство ногайцев и русских состоянием земельного вопроса, их неприемлемый процент представительства в местных органах законодательной и исполнительной власти создают высокий уровень конфликтности в регионе.

Литература:

1. Самурский Н. (Эфендиев). Дагестан. М.-Л., 1925.
2. Османов А. И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е гг. XX в.). Махачкала, 2000.
3. Элаева А. М. Этносоциальные изменения в Северном регионе Дагестана в о второй половине XX В. и политика переселения горцев на равнину// Теория и практика общественного развития 2013, № 8
4. Агаев А. Дружба народов — передовая национальная традиция народов Дагестана // Блокнот агитатора. № 13. Махачкала, 1958.
5. Лысенко Ю. М. Северный Дагестан 1957–2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005.
6. Талибова Д. Б. Переселенческая политика государства и ее осуществление в Дагестане в 60–70-е годы XX века: опыт и уроки. Махачкала, 2001.
7. Ибрагимов М.-Р. А. Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX — начало XXI в.) // Вестник ИИАЭ. Махачкала, 2011. № 4 (28).

8. Лысенко Ю. М. «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана: сб. ст. Махачкала, 2007.
9. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988.
10. Лысенко Ю. М. Ногайский район на карте Дагестана. История, современность // Современное положение и перспектива развития ногайского народа в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции (2–4 ноября 2006 г., г. Санкт-Петербург). СПб., 2007.

Развитие ситуации в Республике Дагестан в период 90-х годов XX века в этнополитической и этносоциальной сфере

Узденов Алибек Робертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Байрамуков Арасул Сосланбекович, кандидат исторических наук, доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева (г. Карачаевск)

В нашей статье мы рассматриваем политику властей Дагестана по переселению жителей, традиционно проживавших в горных селениях в период 50–80-х гг. XX в. и ее влияние на трансформацию этнического и социального положения в трех равнинных районах Северного Дагестана.

Ключевые слова: Республика Дагестан, исторические предпосылки, этнокультурное многообразие, социополитическая напряженность, конфликтогенность.

Development of the situation in the Republic of Dagestan during the 90s. XX century in the ethno-political and ethnosocial sphere

Uzdenov Alibek Robertovich, student master's degree

Scientific advisor: Bayramukov Arasul Soslanbekovich, candidate of historical sciences, associate professor
Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliev (Karachayevsk)

In our article we examine the policy of the Dagestan authorities to resettle residents who traditionally lived in mountain villages in the period of the 50–80s. XX century and its influence on the transformation of the ethnic and social situation in the three lowland regions of Northern Dagestan.

Keywords: Republic of Dagestan, historical background, ethnocultural diversity, socio-political tension, conflict potential.

В Дагестане в период начала 90-х гг. XX в. происходили следующие процессы: официальные власти Республики Дагестан обратили серьёзное внимание на сохранение единства республики и проведения эффективной национальной политики, несмотря на ухудшение состояния экономической сферы. Сосредоточивая свои усилия на данной цели, власти республики намеревались добиться прогрессивного развития в гуманитарной и культурной сфере, для чего во многом намеревались операция на позитивный потенциал традиционной культуры народов Дагестана.

Острую проблему для начала девяностых годов XX века представляли накопленные противоречия в сфере этнических отношений в Дагестане. Последовательная политика органов Советской власти по переселению жителей горных районов на равнину привела к созданию ситуации кардинального изменения национального баланса сил и роста напряжения в равнинных районах Дагестана. Традиционно проживавшие в равнинных районах азербайджанцы, кумыки, ногайцы, русские и чеченцы — акинцы в силу переселенческой политики попали

в состояние меньшинства, что привело к росту напряжённости и конфликтогенности в отношении к аварцам, даргинцам, лакцам и лезгинам.

В постсоветский период у жителей Дагестана наблюдался рост социально-психологического дискомфорта и определённого национального обособления, создания национальных политических объединений. В рассматриваемый период в Дагестане имелось 17 партий и 22 национальных общественно-политических движения.

Серьезную проблему для официальной власти Дагестана представляла проблема аварцев, проживавших в Кварельском районе Грузии с 1881 года. Стремясь обеспечить их права, официальные делегации РД выезжали в суверенную Грузию. Итогом их усилий стало подписание соглашения 30 апреля 1991 г. о переселении аварцев Грузии в Дагестан.

Острая проблема возникла в Азербайджане с проживавшими там аварцами и лезгинами. В рассматриваемый период Азербайджан вел ожесточённые бои с Арменией в Нагорном Карабахе. Аварцы и лезгины объявили о своем нейтралитете,

но у властей Азербайджана данная позиция вызвала неоднозначную реакцию. Путём сложных дипломатических переговоров в Махачкале удалось добиться взаимопонимания с Баку.

Наивысшую опасность для Дагестана представляла Ичкерия, нестабильность в которой несла существенную угрозу народам республики. Из Ичкерии в РД шло оружие, боеприпасы и криминальные элементы. В Ичкерию уходили лица, совершившие тяжёлые преступления в республике.

Еще одним из факторов нестабильности в Дагестане стало требование кумыкского и лезгинского народов республики создать им свои автономии в рамках РД. Против вышеуказанной инициативы были настроены другие народы республики. В период 1991–1992 гг. в республике произошёл ряд межэтнических столкновений: в селении Ленинаул Казбековского района шло длительное противостояние между аварцами и чеченцами, кумыки провели длительную забастовку в Хасавюртовской зоне с требованием ухода руководства силовых органов, кумыки вели противостояние с даргинцами в селении Костек и другие инциденты.

Серьезную проблему представлял массовый отток русских из РД, вызванный закрытием многих предприятий республики и активностью криминала. Ситуация требовала срочного реагирования.

24 октября 1992 г. состоялся первый съезд Конгресса народов Дагестана, в котором приняли участие делегаты от 42 общественно-политических организаций и национальных движений республики. В ходе работы съезда делегаты потребовали гарантировать всем народам Дагестана права на самоопределение, и преобразовать РД в федеративную. [3, с. 6] Центробежные и деструктивные процессы в Дагестане достигли наибольшего размаха.

Официальные власти Дагестана смогли провести съезд народов Дагестана, который прошел 13–14 декабря 1992 г. в Махачкале. Съезд выработал три принципа существования республики: РД едина и неделима; республика находится в составе РФ; проблемы любого народа Дагестана должны решаться с учетом интересов всех народов республики. Провозглашенные принципы получили поддержку у подавляющего большинства граждан Дагестана. [4, с. 69–70]

В рассматриваемый период власти стремились выстроить свою политику и деятельность структур государственного управления таким образом, чтобы иметь возможности по разрешению потенциальных конфликтов.

Республика Дагестан выработала и приняла 28 июня 1993 г. «Комплексную программу решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан», которая предполагала системный подход властей республики по осуществлению позитивной, созидательной национальной политики в регионе.

Согласно программе власти Дагестана планировали осуществлять национальной политики по следующим направлениям.

Было решено сконцентрировать внимание на проблеме чеченцев-акинцев. После длительных консультаций с различными общественно-политическими силами 23 июня 1991 г. III съезд народных депутатов Дагестана принял решение о трансфере лакцев в новый район проживания для реализации территориальной реабилитации репрессированных чеченцев-акинцев.

Другим направлением активности властей Дагестана стало разрешение проблем народов, разделенных в силу различных исторических обстоятельств.

На сессии Верховного Совета Дагестана 31 июля 1992 г. было признано наличие проблемы разделенности аварского, лезгинского и цахурского народов республики. После сессии Верховного Совета вся система органов государственной власти была сориентирована на поиск оптимального решения указанных проблем. Существенную поддержку в данном вопросе оказало постановление № 1000 Правительства Российской Федерации 12 октября 1995 г. «О неотложных мерах по стабилизации социально-политической ситуации и экономического положения в южных приграничных районах Российской Федерации в пределах Республики Дагестан» в котором содержался комплекс мер по улучшению ситуации разделенных народов.

Властями Дагестана было уделено внимание по преодолению негативной ситуации русского населения Дагестана. По мнению авторитетного профессора Р.М. Магомедова русские сыграли особую роль по сближению, интеграции и стабилизации социума Дагестана. [7, с. 9]

По проблеме кумыкского народа власти республики приняли следующие шаги. Парламент Республики Дагестан принял решение выделить дополнительные земельные площади для нескольких кумыкских населенных пунктов их у горных хозяйств республики. Властями кумыкам были выделены для целей индивидуального строительства большие площади земли, которые проживают в пригородных поселках Альбурикент, Кяхулай и Тарки у г. Махачкала.

Стремясь пресечь или минимизировать поток переселенцев в равнинные районы из горных селений Дагестана властями были перенаправлены инвестиции в районы столкновения интересов равнинных и горных народов. В дополнение с целью снизить остроту противоречий властями были приняты республиканские программы «Горы», «Возрождение», «Юг», был создан Кумторкалинский район куда вошли кумыкские населенные пункты Кизилюртовского и Буйнакского районов. Позднее вступил в силу Указ Верховного Совета РД от 22 марта 1993 г. «Об образовании Новокостекского сельсовета в Хасавюртовском районе», разработанный с целью снизить остроту конфликта из-за условий землепользования между даргинцами и кумыками.

Республиканские власти предпринимали попытки по решению проблем малочисленных народов Дагестана, для чего приняли решения на повышение их престижа и статуса, на сохранение и развитие культурно-этнической сферы. Соблюдается принцип равноправного представительства всех народов Дагестана в структурах органов государственной власти. Агулы, рутулы, цахуры приобрели свои системы письменности. В Республике Дагестан все четырнадцать письменных народов имеют своих представителей в высших органах республики — Государственном Совете и пропорционально в Народном Собрании.

В отношении проблемы ногайской проблемы власти реализовали следующие меры: создали два избирательных района для проведения выборов в Народное Собрание Республики Дагестан; была основана «Национально-культурная автономия

Ногайского народа», чей ведущий орган был дислоцирован в Ногайском районе Дагестана.

В ходе реформ в РД сформировалась такая модель политической системы, которая испытала на себе влияние во многом внутренних факторов республики, выстраивая соответствие структуры соответствующей требованиям дагестанского общества. В Дагестане появился Государственный Совет, где работали 14 человек приставлявших 14 титульных народов республики, парламент в лице Народного Собрания РД насчитывавшего 121 депутата. В Народном Собрании был представлен пропорционально каждый народ республики. [5, с. 53]

В республике, кроме сохранения противостояния между сторонниками традиционного ислама и ваххабитами наблю-

дались и внутрирелигиозные конфликты. К ним считаем возможным отнести столкновения сторонников Духовного управления Дагестана и их противниками в Ахтынском районе, в Дербенте происходили стычки между суннитами и шиитами вызванные спорами по нюансам веры и торговлей религиозной литературой, в поселке Шамхал имелись столкновения между различными религиозными группами по толкованию тех или иных догматов ислама.

РФ в ответ на усиление присутствия США на Каспии стремясь сохранить в регионе военно-стратегического баланс проводит политику усиления границы по периметру Дагестана, что усугубляет положение разделенных народов. Поскольку происходит ужесточение пограничного режима, что усложняет жизнь лезгин и аварцев.

Литература:

1. Цаголов К. М. Докладная записка Правительству РФ. Текущий архив Миннацинформвнешсвязи РД, 2001.
2. Абдулаев М. А., Кафаров Т. Э. Межнациональные отношения: некоторые аспекты их стабилизации. Махачкала. 1994.
3. Конгресс народов Дагестана. Махачкала, 2000.
4. Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений. Махачкала, 1995.
5. Т. К. Муслимов, О. К. Цапиева Этнополитическая и этносоциальная ситуация в республике Дагестан в 90-е годы XX века. // Вестник института ИАЭ. 2013, № 3, С. 47–58
6. Основы национальных и федеративных отношений / Учебное пособие под редакцией Абдулатипова Р. Г. М., 2001.
7. Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 1997.
8. Кисриев Э. Ф. Сопроотивление системы политических институтов Дагестана процессу создания единого правового пространства в России // Сб. «Федерализм в России». Казань, 2001. С. 123–143.
9. В интересах народов Дагестана. Махачкала. 2003.

Исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии (1930–1953 годы)

Шафигуллин Ислам Раифович, студент магистратуры

Научный руководитель: Юзеев Айдар Нилович, доктор философских наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии в период с 1930 по 1953 годы тесно связан с политическими и социальными изменениями, происходившими в ТАССР и в Советском Союзе в целом. Этот период оказал значительное влияние на развитие литературы и культуры татарского народа, влияние, которое можно разделить на несколько основных этапов.

Первый этап, начиная с 1930 года, характеризовался интенсивными политическими преобразованиями в Советском Союзе, включая Советскую Татарию. В это время происходила коллективизация сельского хозяйства, индустриализация и укрепление власти коммунистической партии. Эти процессы оказали сильное влияние на татарскую литературу и культуру в целом. В результате коллективизации и индустриализации произошли перемены в общественном сознании татарского народа, что отразилось и в литературе. Произведения того времени отражали новые идеалы и ценности, связанные с коммунизмом и строительством социализма. Вместе с тем, литература

также стала средством пропаганды, позволяющим пропагандировать идеи партии и мобилизовать население для достижения политических целей [1].

Второй этап приходится на 1937–1938 годы и связан с политическими репрессиями, которые охватили всю страну. В этот период многие писатели и поэты, включая татарских, стали жертвами политических репрессий. Многие из них были арестованы, обвинены в «антисоветской агитации» или «националистической деятельности» и приговорены к тюремному заключению или казни. Такие репрессии серьезно повлияли на развитие татарской литературы и культуры, поскольку многие талантливые авторы были лишены возможности продолжать свою творческую деятельность [2].

Третий этап, начиная с 1941 года, связан с Великой Отечественной войной. Татарстан, как и вся страна, оказался в эпицентре событий. Война повлияла на татарскую литературу и поэзию, превратив их в средство патриотической пропаганды и мобилизации населения. Многие писатели и поэты

стали создавать произведения, посвященные подвигам советских солдат и граждан, а также идеалам коммунизма и социализма [3].

Четвертый этап, начиная с 1945 года, связан с окончанием войны и постепенным восстановлением страны. В этот период происходило восстановление экономики и культуры, включая литературу и поэзию. Восстановление после войны отразилось на содержании произведений, которые стали отражать новые социальные и экономические реалии. Вместе с тем, литература продолжала служить средством идеологической пропаганды и поддержки политической власти.

Пятый этап приходится на 1953 год и связан с смертью Иосифа Сталина и началом периода, который получил название «оттепель». В это время происходило постепенное смягчение политической репрессии и цензуры. Это позволило татарским писателям и поэтам более свободно выражать свои идеи и взгляды. В литературе и поэзии начали появляться новые темы и жанры, а также новые писатели и поэты, которые стали представлять различные направления и стили.

Таким образом, исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии в период с 1930 по 1953 годы был сложным и противоречивым. Он отражал политические и социальные изменения в Татарстане и в Советском Союзе в целом. Влияние политической власти и идеологии партии оказало сильное влияние на развитие литературы и культуры татарского народа, одновременно ограничивая свободу творчества и самовыражения. Однако, несмотря на это, татарская проза и поэзия продолжали развиваться и трансформироваться, отражая новые идеи, ценности и социальные реалии.

Исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии в период с 1930 по 1953 годы был непростым и сложным. В это время Советский Союз проходил через серию глубоких социально-политических трансформаций, которые оказали значительное влияние на развитие литературы и формирование национальной идентичности татарского народа.

Период 1930–1953 годов был отмечен коллективизацией, индустриализацией и сталинизмом в СССР. В татарской литературе это время характеризовалось сменой идеологических ориентиров и ценностей, что привело к значительным изменениям в прозе и поэзии [3].

Одним из ключевых моментов в историческом контексте этого периода было создание Татарской автономной социалистической советской республики (ТАССР) в 1920 году. Это событие стало важным этапом в формировании татарской национальной идентичности, и литература играла значительную роль в этом процессе.

В начале 1930-х годов произошли значительные изменения в литературной сфере. В 1932 году была проведена кампания по ликвидации «националистической» литературы, что привело к цензуре и запрету на публикацию многих произведений. Татарская проза и поэзия были подвержены этим мерам, и многие писатели были вынуждены изменить свое направление и стиль.

Однако, несмотря на репрессии и цензуру, татарская литература все же продолжала развиваться. В 1930-е годы появились новые темы и мотивы, отражающие социальные проблемы и идеологические идеи того времени. Литературные произ-

ведения стали более политизированными и обращались к вопросам классовой борьбы и строительства социализма.

Одним из ярких представителей татарской поэзии в этот период был Муса Джалиль. Его стихи о войне и патриотизме стали настоящим символом национального духа и сопротивления. Джалиль был арестован и приговорен к смертной казни в 1944 году, но его поэзия продолжила жить и вдохновлять поколения.

В 1940-х годах татарская проза также претерпела значительные изменения. Многие писатели стали обращаться к темам истории, народной культуры и национальных традиций. В произведениях появились герои, которые противостояли нацистской оккупации и защищали свою родину. Такие произведения способствовали укреплению национальной идентичности и формированию патриотических чувств.

Однако в конце 1940-х и начале 1950-х годов в связи с началом «холодной войны» и нарастанием антиимпериалистической пропаганды татарская литература стала все больше подвергаться идеологическому контролю. Многие произведения были запрещены или сильно отредактированы, чтобы соответствовать новым политическим требованиям.

Тем не менее, татарская проза и поэзия продолжали оказывать влияние на формирование национальной идентичности в этот период. Они помогли сохранить и передать народные традиции, историю и культуру, а также вдохновляли на сопротивление и борьбу за свободу.

Таким образом, исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии в 1930–1953 годы был сложным и противоречивым. Литература играла важную роль в формировании национальной идентичности татарского народа, несмотря на цензуру и идеологический контроль. Она помогла сохранить и передать национальные традиции и культуру, а также вдохновляла на сопротивление и борьбу за свободу.

Исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии в период с 1930 по 1953 годы был неразрывно связан с советской литературной политикой. В эти годы в СССР происходили значительные социально-политические и культурные изменения, которые оказали существенное влияние на развитие татарской литературы.

Первоначально, в 1930-е годы, татарская литература сталкивалась с рядом вызовов, связанных с принудительной коллективизацией и индустриализацией страны. В рамках общей кампании по укреплению советской власти и унификации культурного пространства, культурные традиции и национальные особенности были подвергнуты критике и преобразованию. Татарская проза и поэзия в то время сталкивались с необходимостью адаптации к новым идеологическим требованиям, которые часто противоречили национальным традициям и ценностям.

Одной из основных задач советской литературной политики было создание «нового человека» и формирование социалистической личности. В этом контексте татарская литература должна была отражать и пропагандировать идеалы коммунизма, прославлять трудящегося и строительство социализма. Национальные традиции и культурные особенности должны были быть подчинены общим идеалам и целям [3].

Однако, наряду с идеологическими требованиями, советская литературная политика также предлагала определенные привилегии и возможности для национальных писателей. В 1930-е годы была создана Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, что способствовало развитию татарской культуры и литературы. В этот период были созданы татарские литературные журналы, издательства и ассоциации писателей, которые стали площадками для развития татарской литературы [4].

Одним из ключевых событий в истории татарской литературы 1930-х годов была «татарская поэтическая революция». В это время молодые поэты начали активно экспериментировать с формой и содержанием своих произведений, отходя от традиционных канонов и приемов. Это было связано с влиянием западной поэзии, а также с необходимостью выражения своего индивидуального взгляда на мир и общественные проблемы.

Однако в середине 1930-х годов советская литературная политика стала все более жесткой и репрессивной. Массовые репрессии и политические чистки, проводимые Сталиным, оказали серьезное влияние на татарскую литературу. Многие талантливые писатели и поэты стали жертвами политических репрессий, что существенно сократило круг творческих лич-

ностей и оказало негативное влияние на развитие татарской прозы и поэзии.

В 1940-е годы татарская литература продолжала развиваться в условиях жесткого контроля и цензуры. Идеологические требования и политические ограничения стали все более строгими, что привело к усилению контроля над содержанием и стилем произведений. Татарская проза и поэзия стали все более формализованными и идеологизированными, утрачивая свою оригинальность и творческую свободу.

Однако, несмотря на все трудности и ограничения, татарская литература в 1930–1953 годах все же продолжала развиваться и совершенствоваться. Некоторые писатели и поэты находили возможность выразить свои идеи и эмоции через использование символов и метафор, что позволяло обойти цензуру и передать свое послание читателю.

В целом, исторический контекст трансформации татарской прозы и поэзии в 1930–1953 годы был сложным и противоречивым. Советская литературная политика оказывала значительное влияние на развитие татарской литературы, формируя ее в соответствии с идеологическими требованиями и политическими ограничениями. Однако, несмотря на все трудности, татарская проза и поэзия продолжали развиваться и находить свое место в литературе СССР.

Литература:

1. Мингазова Л. И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века. — 2011. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/111496/0-790961.pdf?sequence=1> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Шевченко Е. А. Общественная и литературная жизнь СССР в дневниках КИ Чуковского (1930–1953). — 2017. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/31364/1/Shevchenko_Obshchestvennaya_17.pdf (дата обращения: 02.05.2024).
3. Юсупова Н. М. Образ-символ как система номинаций в татарской поэзии первой половины XX века. — 2018. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/154085/2018-235.pdf?sequence=-1> (дата обращения: 02.05.2024).
4. Юсупова Н. М. Становление и развитие жанра поэмы в татарской литературе XX века. URL: http://www.antat.ru/ru/activity/dissertatsionnyy-sovet/dokumenty-doktorskaya/Надыршина Л. П./Диссертация_Надыршина Л. П..pdf (дата обращения: 02.05.2024).

СОЦИОЛОГИЯ

Домашнее насилие над женщинами с точки зрения социологического номинализма и социологического реализма

Валеренко Валерия Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Научный руководитель: Валеренко Анна Александровна, учитель

МОУ «Удимская № 1 СОШ» (Архангельская обл.)

1.1. Понятие социологического реализма и социологического номинализма

Номинализм социологический — теоретико-методологическая ориентация, согласно которой реально существуют лишь отдельные индивиды и их действия. В соответствии с этим отрицается самостоятельное бытие общества и социальных систем, которые рассматриваются лишь как совокупность индивидуальных действий; основное внимание обращается не на социологические системы и структуры, а на реализацию целей, намерений, установок индивида, осмысление им значения ролей, статусов [2].

Реализм социологический — общетеоретическая и методологическая ориентация, согласно которой истинными носителями социальной реальности являются над- и сверхиндивидуальные целостности (общество, государство, народ, семья и т.д.), а не конкретные (эмпирические) индивиды [3].

Исследователи, придерживающиеся социологического реализма, исходной категорией считают общество и его равновеликие производные, а именно системы, структуры, институты [3]. Родоначальниками этой ориентации выступают прежде всего О. Конт и Г. Спенсер, также она получила развитие в трудах К. Маркса, П. Сорокина, Франкфуртской школы, К. Леви Стросса, М. Фуко и др. Реалисты в своих понятийных структурах уделяли большее внимание объективным факторам, независимым переменным, которые подчиняют жизнь людей. Эта ориентация впоследствии встретилась с критическими замечаниями со стороны социологических номиналистов. Критика была сосредоточена вокруг следующих тезисов: невозможность описать развитие и причины социальных явлений, невозможность объяснения включения человека в общество, тяготение социологии к социальной философии и неустойчивый понятийный аппарат [4].

Исследователи, принадлежащие к социологическому номинализму, акцентируют своё внимание на категории человека или личности, которые в своей совокупности составляют общество. Основы номинализма в социологии заложил родоначальник социальной физики А. Кетле, однако критику общества как фикции осуществлял ещё британский философ Иеремия Бентам [1]. Развитие этой ориентации было продолжено М. Вебером, Э. Дюркгеймом, бихевиористами, Дж. Хомансом, Г. Блумером, А. Шюцем, К. Манхеймом, Г. Гарфинкелем и другими. Суть номинализма крайне определённо выразил М. Вебер. Основной задачей социологии, на его взгляд, является понимание социального действия, а социальное действие представляет собой действие человека, которое по своему смыслу действующим или действующими соотносится с действиями других людей и ориентируется на него. Номиналисты опирались преимущественно на субъективные факторы, иногда отдавая предпочтение психологическим состояниям, преувеличивали возможности воздействия человека на общество.

1.2. Домашнее насилие над женщинами с позиции социологического номинализма

Социологический номинализм, как это уже было сказано, это подход в социологии, который подчеркивает важность индивидуальных и социальных практик, а также символических систем в формировании социальных отношений и структур. В контексте исследования причин домашнего насилия над женщинами номинализм предлагает рассматривать эту проблему через призму социальных норм, культурных традиций и гендерных стереотипов, которые влияют на поведение людей и восприятие насилия в семье. Некоторые из ключевых аспектов, которые могут быть рассмотрены с позиции номинализма в отношении домашнего насилия над женщинами, включают:

1. Социальные нормы и культурные традиции: В некоторых культурах и обществах существуют традиции, которые подразумевают подчинение женщин мужчинам и восприятие насилия как приемлемого способа разрешения семейных конфликтов. Эти нормы могут быть внушены через семью, образовательные системы, СМИ и другие социальные институты.

2. Гендерные стереотипы: Широко распространенные гендерные стереотипы, такие как идея о том, что мужчины должны

быть сильными и властными, а женщины — покорными и зависимыми, могут способствовать формированию гендерного неравенства и насилия в семье. Издавна сложившиеся представления о роли мужчин и женщин в семье и обществе могут способствовать формированию патриархальных традиций, в которых мужчины обладают властью и контролем над женщинами. Это может привести к насилию как к средству поддержания этой иерархии.

Сюда же можно отнести и миф о «идеальной семье»: социальные ожидания, связанные с «идеальным» семейным укладом, могут создавать давление на членов семьи, чтобы скрывать проблемы, такие как домашнее насилие. Это может препятствовать поиску помощи и поддержки, а также осуждению насилия.

3. Системная дискриминация и неравенство: Женщины, как правило, имеют меньше социальных, экономических и политических прав, чем мужчины, что делает их более уязвимыми для домашнего насилия. Это неравенство может быть усилено такими факторами, как низкий уровень образования, бедность и отсутствие доступа к юридической и социальной поддержке.

4. Индивидуальные и социальные практики: Насилие над женщинами может быть связано с конкретными социальными практиками, такими как раннее замужество, принудительные браки, домашнее рабство и другие формы гендерного насилия.

5. Недостаточная криминализация домашнего насилия: в некоторых культурах и правовых системах домашнее насилие может рассматриваться как «частная» или «семейная» проблема, а не как серьезное преступление. Это может приводить к недостаточному вниманию со стороны правоохранительных органов и недостаточному наказанию для преступников.

6. Отсутствие поддержки и ресурсов для жертв: социальные структуры и институты могут не предоставлять достаточной поддержки и ресурсов для женщин, сталкивающихся с домашним насилием. Это может усугублять их уязвимость и затруднять поиск путей избавления от насилия.

Таким образом, социологический номинализм предлагает рассматривать домашнее насилие над женщинами через призму социальных норм, культурных традиций, гендерных стереотипов и системной дискриминации, чтобы понять и преодолеть эту проблему. Этот подход подчеркивает важность, даже — необходимость изменения социальных норм и ценностей, а также развития институциональной поддержки для предотвращения и борьбы с домашним насилием.

1.3. Домашнее насилие над женщинами с позиции социологического реализма

Социологический номинализм и реализм представляют две разные парадигмы в понимании любых социальных явлений, включая и рассматриваемую тему, домашнее насилие над женщинами. Социологический реализм, фокусируется на объективных, независимо существующих социальных структурах и процессах. В контексте домашнего насилия над женщинами реалисты могут исследовать, как социально-экономические условия, властные отношения и институциональные факторы способствуют насилию. Например, реалисты могут изучать, как неравенство в доходах, недостаточная правовая защита

и слабая поддержка со стороны государства и общества влияют на уровень домашнего насилия.

Социологический реализм в изучении причин домашнего насилия над женщинами предполагает анализ социальных, культурных, экономических и политических факторов, которые способствуют возникновению и поддержанию такого насилия. Реализм в социологии фокусируется на объективных условиях и структурных факторах, которые влияют на поведение людей и социальные явления. В случае домашнего насилия над женщинами, социологический реализм может рассматривать следующие аспекты:

1. Социальные структуры и институты
2. Экономические факторы
3. Культурные нормы и ценности

Эта классификация может быть взята и аналогично, той, что при рассмотрении вопроса с точки зрения социологического номинализма. Например вот некоторые из ключевых социологических причин домашнего насилия:

1. Гендерные стереотипы и неравенство: Широко распространенные гендерные стереотипы, такие как идея о том, что мужчины должны быть «сильными и властными», а женщины — «скромными и подчиненными», могут способствовать насилию в семье. Неравенство в правах и возможностях между мужчинами и женщинами также может приводить к домашнему насилию.

2. Экономическая нестабильность: Женщины, живущие в бедности или в условиях экономической нестабильности, могут быть более уязвимы для домашнего насилия. Недостаток ресурсов и возможностей для социальной и экономической мобильности может усиливать зависимость от потенциально жестоких партнеров.

3. Недостаток доступа к образованию и информации: Женщины с ограниченным доступом к образованию могут быть менее информированы о своих правах и возможностях защиты от насилия. Это может усугублять их уязвимость и препятствовать борьбе с домашним насилием.

4. Недостаточная правовая защита и поддержка: В некоторых обществах законодательство и правоприменительные органы могут быть недостаточно эффективными в предотвращении и наказании домашнего насилия. Недостаток ресурсов и поддержки для жертв насилия также может усугублять проблему.

5. Культурные нормы и традиции: В некоторых культурах домашнее насилие может рассматриваться как приемлемая форма дисциплины или контроля над женщинами. Такие культурные нормы могут препятствовать признанию домашнего насилия как серьезной социальной проблемы.

6. Политические и социальные изменения: Изменения в социальной и политической сфере, такие как войны, конфликты и экономические кризисы, могут приводить к увеличению уровня домашнего насилия.

Просто необходимо помнить о разности самих подходов. Так при рассмотрении социальной изоляции, с точки зрения социологического реализма, женщины, изолированные от социальной поддержки, могут быть более уязвимы для домашнего насилия, так как у них меньше возможностей для поиска помощи и защиты. Социологический реализм подчеркивает,

что домашнее насилие — это не просто результат индивидуальных психологических проблем или плохих отношений, а продукт глубоко укоренившихся социальных структур и про-

цессов. Понимание этих структур и процессов является ключом к разработке эффективных стратегий противодействия домашнему насилию.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990—808 с.
2. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательская группа ИНФРА — М-НОРМА, 1998. — 488 с.
3. Тощенко Ж. Т. Парадигмы как методологические стратегии в социологии / Ж. Т. Тощенко // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. — С 1–18.
4. Шацкий, Е. История социологической мысли. В 2 т. Т. 1 / Ежи Шацкий; пер. с польского; общая редакция А. Васильева. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 720 с.

ПСИХОЛОГИЯ

Развитие эмоционально-волевой сферы детей средствами арт-терапии

Гибадуллина Айгуль Илдаровна, студент

Научный руководитель: Ахметшина Энже Накиевна, кандидат психологических наук, доцент
Нижекамский филиал Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Статья посвящена исследованию развития эмоционально-волевой сферы детей дошкольного возраста средствами арт-терапии. Рассматриваются различные техники арт-терапии, применяемые для развития эмоционально-волевой сферы дошкольников: рисование и живопись (акварельное рисование, рисование на стекле, рисование сухими листьями, монотипия).

Ключевые слова: эмоционально-волевая сфера, арт-терапия, дошкольники, тревожность, самоконтроль, рисование пальцами.

Эмоционально-волевое развитие в дошкольном возрасте закладывает основы в формирование личности. Понимание эмоционально-волевых процессов и возможность помочь детям развивать эмоциональную интеллектуальность и волевые качества в дошкольном возрасте может способствовать их успешному адаптивному поведению к школе и взаимодействию с окружающим миром. Кроме того, изучение эмоционально-волевой сферы дошкольников позволяет выявить и предотвратить возможные проблемы в их эмоционально-волевом развитии, что может привести к более здоровому и счастливому будущему детей.

Эмоциональная сфера — это сфера психики, которая отвечает за переживания, чувства и настроения человека [2, с. 14]. Волевая сфера — это комплекс психологических характеристик, связанных с процессами принятия решений, самоконтроля, устойчивости к внешним воздействиям и способности доводить начатое до конца [2, с. 16].

Эмоционально-волевая сфера представляет собой комплексное взаимодействие эмоциональных и волевых процессов. В контексте развития детей это означает способность ребенка управлять своими эмоциями в процессе достижения целей, преодоления препятствий и выполнения заданий. Например, ребенок может чувствовать разочарование или усталость, но его воля помогает ему продолжать действовать в направлении своих целей. Развитие этой сферы способствует формированию характера, улучшает социальную адаптацию и обучаемость [1, с. 36].

Эмоционально-волевая сфера дошкольника проходит несколько этапов развития, начиная с ярких и лабильных эмоций в раннем возрасте и заканчивая более устойчивыми и контролируемыми эмоциями в старшем возрасте. Функции этой сферы, такие как регуляция поведения, социальная адаптация, мотивация к деятельности, эмоциональный отклик и развитие самосознания, играют важную роль в формировании личности ребенка и его социальной адаптации. Описанные свойства,

такие как лабильность, интенсивность, преобладание конкретно-ситуационных эмоций, развитие самоконтроля и спонтанность, помогают понять особенности эмоциональной сферы дошкольников и их взаимодействие с окружающим миром. Понимание этих особенностей развития помогает психологам более грамотно подходить к воспитанию и обучению детей, учитывая их индивидуальные особенности и создавая благоприятные условия для развития эмоциональной и волевой сфер.

В последние годы использование арт-терапии в работе с детьми является актуальным направлением, поскольку оно не только способствует развитию эмоциональной и волевой сферы, но и оказывает комплексное положительное воздействие на личность ребенка в целом.

Арт-терапия — это метод психотерапии и самопомощи, который использует творческие средства выражения для помощи людям в исследовании своих эмоций, развитии самосознания, справлении со стрессом, улучшении социальных навыков и повышении самооценки [4, с. 27]. Существуют различные виды и техники арт-терапии, которые можно использовать в развитии эмоционально-волевой сферы дошкольников: рисование и живопись (акварельное рисование, рисование на стекле, рисование сухими листьями, монотипия, штриховка и каракули, фроттаж, рисование пальцами и предметами и др.); лепка; музыкотерапия; театральная терапия; сказкотерапия; фототерапия; песочная терапия и др.

Арт-терапия помогает детям выразить свои чувства через творчество, что особенно важно для тех, кто испытывает трудности с вербализацией своих эмоций. Через рисование, лепку, музыку или драму дети могут выразить страх, радость, гнев или печаль, что способствует лучшему пониманию их внутреннего мира [3, с. 90]. Занятия арт-терапией требуют усидчивости, терпения и настойчивости. Работая над художественным проектом, дети учатся доводить начатое до конца, преодолевать трудности и делать выбор.

Было проведено экспериментальное исследование развития эмоционально-волевой сферы дошкольников 6–7 лет средствами арт-терапии на базе МБОУ «Центр диагностики и консультирования» НМР РТ. Для диагностики использовались следующие методики исследования: «Веселый — грустный» Р. Тэмпл, «Кактус» М. А. Панфиловой; «Диагностика волевой сферы детей дошкольного возраста методом экспертных оценок» И. Т. Кушнер.

Первоначальная диагностика показала, что тревожность на высоком уровне присутствует у 27% детей в каждой из групп. Средний уровень тревожности немного выше в экспериментальной группе (40%) по сравнению с контрольной (33%). В области эмоциональной сферы, исследование выявило склонность к агрессии у значительной части детей обеих групп (40% в экспериментальной и 33% в контрольной), что требует особого внимания со стороны педагогов и психологов. Высокий уровень импульсивности (64%) также является общей чертой для обеих групп, что подчеркивает необходимость разработки программ по развитию самоконтроля и управления эмоциями у детей. Зависимость и неуверенность также более выражены в экспериментальной группе (47% против 40%). Исследование волевой сферы показало, что низкий уровень развития волевых качеств наблюдается у 27% детей экспериментальной группы и 20% контрольной группы. Средний уровень развития волевой сферы различается между группами (53% против 60%). В целом, результаты диагностики указывают на схожие проблемы в эмоциональной и волевой сферах у детей обеих групп, хотя в некоторых аспектах наблюдаются различия.

На следующем этапе нашей работы была разработана программа развития эмоционально-волевой сферы дошкольников экспериментальной группы средствами арт-терапии. Всего было разработано и проведено 20 занятий арт-терапии с периодичностью 2 раза в неделю.

В работе по развитию эмоционально-волевой сферы детей 6–7 лет мы использовали техники арт-терапии: рисование пальцами, рисование ладонями, «монотипия», «мандала», парное рисование, рисунок по мокрому листу, техника «кляксография», рисование мягкой бумагой, рисование тычком жёсткой полусухой кистью, рисование на стекле, ниткография, рисование на манке, техника рисования листьями, палочками, камушками, техника отпечатывания ватой, техника «оттиск пробками» и др.

Так, при рисовании пальцами дети использовали свои пальцы вместо кистей для нанесения краски на бумагу. Этот метод не только развивал тактильные ощущения и моторные навыки, но и позволял детям свободно выражать свои эмоции через творчество. Рисование ладонями предполагало нанесение краски на ладони и создание отпечатков на бумаге, что способствовало самовыражению через уникальные отпечатки рук. Техника «монотипия» включала в себя создание изображений путем нанесения краски на гладкую поверхность, такую как стекло, с последующим отпечатыванием ее на бумагу. Этот процесс позволял детям экспериментировать с цветами и формами, развивая их воображение.

Рисование мандал, симметричных круговых узоров, имело медитативный эффект и способствовало концентрации внимания, внутреннему равновесию и гармонии. Рисунок по мокрому листу включал нанесение краски на предварительно

смоченную водой бумагу, что позволяло создавать плавные переходы цветов и текстуры, способствуя расслаблению и снятию стресса. Техника «кляксография» предполагала создание изображений путем разбрызгивания краски и последующего дорисовывания деталей, что стимулирует воображение и помогает детям выражать свои эмоции через абстрактные формы.

Рисование мягкой бумагой включало использование мягкой бумаги для создания объемных изображений путем наклеивания или формирования различных форм, что развивало тактильные ощущения и мелкую моторику. Рисование тычком жёсткой полусухой кистью предполагало нанесение краски короткими резкими движениями полусухой кистью, создавая текстурированные изображения.

Эти и другие техники арт-терапии помогали детям не только развивать художественные навыки, но и выражать свои эмоции, улучшать эмоциональное состояние и укреплять волевые качества.

Также в психокоррекционной работе использовалось следующее оборудование:

- фиброоптические волокна. Эти волокна создавали мягкое, меняющееся освещение, которое помогало детям расслабиться и сосредоточиться. Это способствовало снижению тревожности и созданию безопасной и комфортной среды для самовыражения;

- воздушно-пузырьковую колонну. Использовалась для развития зрительного восприятия, формирования фиксации взора, концентрации внимания, эмоционального расслабления. Вибрация колонны также способствовала развитию тактильных ощущений.

В завершении реализации программы проведена повторная диагностика эмоционально-волевой сферы дошкольников 6–7 лет. В экспериментальной группе на 40% стало больше детей с низким уровнем тревожности, на 7% стало меньше с средним, а детей с высоким уровнем тревожности не выявлено. В контрольной группе на 14% стало меньше детей с высоким уровнем тревожности, однако 13% детей все еще имеют высокий уровень и нуждаются в психокоррекционной помощи. В экспериментальной группе только 7% детей склонны к проявлениям агрессии, в контрольной группе 33% детей. У 13% детей экспериментальной группы и 33% детей контрольной группы наблюдается проявление импульсивности. 20% детей экспериментальной группы и 33% детей контрольной группы свойственны зависимость, неуверенность, скрытность. В экспериментальной группе 87% демонстрируют оптимистический настрой, а в контрольной — 60%. Проявление тревожности наблюдается только у 7% детей экспериментальной группы и у 27% детей контрольной группы. Можно отметить, что по основным негативным качествам эмоциональной сферы (тревожность, агрессивность, зависимость) у детей экспериментальной группы наблюдается снижение, а, например, количество оптимистично настроенных детей заметно выросло. После реализации программы арт-терапии в экспериментальной группе уже 47% детей (было изначально 20%) демонстрируют высокий уровень волевых качеств, у 53% детей средний уровень, а детей с низкими волевыми качествами не выявлено. В контрольной группе только на 7% детей стало меньше с низким уровнем.

Проведенная диагностика показала, что благодаря реализации программы развития эмоционально-волевой сферы дошкольников средствами арт-терапии, у детей экспериментальной группы уменьшилась тревожность, улучшилось развитие эмоциональной сферы и волевых качеств.

Таким образом, поставленная в экспериментальном исследовании гипотеза исследования подтвердилась: развитие эмоционально-волевой сферы дошкольников будет эффективным если на психокоррекционных занятиях используются средства арт-терапии.

Литература:

1. Данилина Т. А., Зедгенидзе В. Я., Степина Н. М. В мире детских эмоций: пособие. — М.: Айрис-Пресс, 2020. — 160 с.
2. Дружинин В. Е. Психология эмоций, чувств, воли. — М.: ТЦ Сфера, 2020. — 96 с.
3. Краснопеева Е. Н. Арт-терапия как форма развития и коррекции эмоционально-волевой сферы // Наука и образование сегодня. — 2020. — № 12 (59). — С. 89–94.
4. Медведева Е. А., Левченко И. Ю., Комиссарова Л. Н. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании. — М.: Академия, 2020. — 248 с.

Арт-терапия в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации

Глухов Илья Юрьевич, студент

Научный руководитель: Рудакова Ольга Александровна, старший преподаватель

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Арт-терапия — это подход в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, который использует художественные и творческие методы в качестве основного инструмента для самовыражения и преодоления трудностей. В данной научной статье будет рассмотрено применение арт-терапии в работе с такими людьми.

Ключевые слова: арт-терапия, самооценка, самосознание, творчество, тревога, методы, проблемы.

Art therapy in working with people in difficult situations

Glukhov Ilya Yuryevich, student

Scientific advisor: Rudakova Olga Aleksandrovna, senior teacher

The Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Crimean Federal University named after VI Vernadsky in Yalta

Art therapy is an approach to working with people in difficult life situations that uses artistic and creative methods as the main tool for self-expression and overcoming difficulties. This scientific article will consider the use of art therapy in working with such people.

Keywords: art therapy, self-esteem, self-awareness, creativity, anxiety, methods, problems.

Введение

В современном обществе многие люди сталкиваются с различными трудностями и стрессовыми ситуациями, такими как потеря работы, развод, смерть близкого человека, насилие и другие. Эти события могут вызывать эмоциональное и психологическое напряжение, а также приводить к развитию психических расстройств, таких как депрессия, тревожность и посттравматическое стрессовое расстройство. В связи с этим, разработка эффективных методов поддержки и помощи людям в трудной жизненной ситуации является актуальной задачей. Одним из таких методов является арт-терапия, которая представляет собой форму психотерапии, включающую использование художественных материалов и процесса творчества для выражения эмоций, самовыражения и саморазвития. Арт-терапия основана на предположении о том, что творческий процесс может помочь

людям осознать и выразить свои эмоции, а также развить новые способы решения проблем и копинг-стратегии. Арт-терапия — это форма психотерапии, которая использует искусство и творчество для помощи людям в разрешении эмоциональных проблем, развитии личности и достижении психологического благополучия. Она может быть особенно эффективной в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Люди, сталкивающиеся с трудностями в жизни, могут испытывать различные эмоциональные и психологические проблемы, такие как депрессия, тревога, стресс, потеря, травма и другие. Арт-терапия предлагает им возможность выразить свои эмоции и переживания через творческий процесс, что может помочь им осознать и понять свои чувства, научиться справляться с ними и найти пути к исцелению.

Формулировка цели статьи, её актуальность. Одним из основных преимуществ арт-терапии является ее непосред-

ственность и доступность. Для участия в арт-терапевтическом процессе не требуется специальных навыков или таланта в искусстве [3]. Люди могут использовать различные материалы и техники, такие как рисование, лепка, коллаж, музыка и даже танец, чтобы выразить свои мысли и чувства. Это позволяет им находить новые способы самовыражения и самореализации [9, с. 34]. Арт-терапия также способствует развитию самосознания и самооценки. Через творческий процесс люди могут увидеть себя и свои проблемы с новой перспективы, что помогает им лучше понять свои потребности и цели. Они могут обнаружить новые ресурсы и способы решения проблем, а также развить свои сильные стороны и навыки [2, с. 125]. Кроме того, арт-терапия может способствовать улучшению коммуникации и взаимодействия с другими людьми. Групповые сеансы арт-терапии позволяют людям поделиться своими историями и переживаниями, а также учиться от других участников. Это создает поддерживающую и эмпатичную атмосферу, где люди могут чувствовать себя понятыми и принятыми [4].

В рамках арт-терапии люди могут работать с художественными материалами, создавая различные произведения искусства, которые отражают их внутренний мир. Это помогает им осознать свои эмоции, выразить их и начать процесс их преодоления [1]. В исследованиях было показано, что арт-терапия может быть эффективной в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Она может помочь им справиться с эмоциональными травмами, улучшить психологическое благополучие и повысить качество жизни. Арт-терапия также может быть использована в сочетании с другими формами терапии и поддержки, чтобы достичь наилучших результатов [5].

Целью данной научной статьи является рассмотрение эффективности и применимости арт-терапии в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, а также описать основные методы и техники арт-терапии, которые позволяют достичь положительных результатов [3].

Изложение основного материала статьи. Люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации, могут испытывать различные эмоциональные и психологические проблемы, такие как депрессия, тревога, стресс, потеря смысла жизни и низкое самооценка. Арт-терапия предлагает им возможность выразить свои эмоции и переживания через художественное творчество, что может помочь им осознать и преодолеть свои проблемы. Одной из основных методик арт-терапии является использование различных художественных материалов, таких как краски, карандаши, глина и т.д. [5]. Человек может создавать картину, скульптуру или другой вид искусства, который отражает его эмоции и состояние. Это позволяет ему визуализировать свои проблемы и найти способы их решения [11].

В ходе арт-терапевтической сессии важно не только само творчество, но и процесс обсуждения и анализа созданного произведения. Профессиональный арт-терапевт помогает человеку разобраться в его эмоциональном состоянии и найти новые пути решения проблем [8].

Одним из преимуществ арт-терапии является то, что она позволяет выразить эмоции, которые могут быть сложно выразить словами. Это особенно актуально для людей, которые

столкнулись с травмой, утратой или другими трудностями, которые могут вызывать стыд или страх. Арт-терапия предоставляет безопасное пространство для выражения и преодоления этих эмоций [8].

Арт-терапия также может способствовать развитию самосознания и самооценки. Человек, создавая произведение искусства, видит свою способность к творчеству и самовыражению, что может помочь ему верить в себя и свои способности.

Особенно важно применение арт-терапии в работе с людьми находящимися в трудной жизненной ситуации. Это могут быть люди, столкнувшиеся с потерей близкого человека, насилием, наркоманией, депрессией или другими серьезными проблемами. Такие ситуации могут вызывать у человека сильный стресс и травмы, которые трудно преодолеть с помощью обычных методов психотерапии [7].

Арт-терапия позволяет пациентам выйти за пределы слов и рационального мышления, позволяя проявить свои эмоции и переживания через различные художественные техники, такие как рисование, лепка, музыка, танец и даже театральные постановки. Это помогает людям осознать и проанализировать свои чувства, найти способы справиться с трудностями и начать процесс исцеления [7].

За счет того, что арт-терапия не требует специальных знаний или навыков в области искусства, она доступна практически каждому человеку, что делает ее уникальным инструментом помощи в трудных жизненных ситуациях. Кроме того, это также эффективный способ коммуникации и взаимодействия с людьми, которые могут испытывать трудности в выражении своих чувств и мыслей [6].

Таким образом, арт-терапия является мощным инструментом помощи людям в трудных жизненных ситуациях, позволяя им обрести внутреннюю гармонию, выйти из травматического опыта и начать процесс исцеления.

Методы и подходы арт-терапии:

1. Живопись и рисунок: Позволяют выразить свои эмоции, нарисовать образ своего внутреннего мира, проявить свои чувства без слов.

2. Скульптура и лепка: Создание трехмерных объектов позволяет работать с формой и текстурой, а также взаимодействовать с материалами, что может способствовать освобождению от стресса и развитию творческого мышления.

3. Танцевальная и двигательная терапия: Основаны на использовании телесных движений и танца для выражения эмоций, осознания своего тела и улучшения самооценки.

4. Музыкальная терапия: Применение музыкальных инструментов и звуков для самовыражения, релаксации и развития творческого потенциала.

Преимущества арт-терапии в работе с людьми в трудной жизненной ситуации Арт-терапия имеет несколько преимуществ в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации:

1. Непрямой доступ к эмоциям: Использование художественных процессов позволяет людям выразить свои эмоции и чувства, которые могут быть трудно выразить словами.

2. Способствует самовыражению: Люди в трудной жизненной ситуации могут ощущать затруднения в общении. Арт-

терапия предоставляет им возможность выразить свои мысли и чувства через художественные процессы.

3. Развитие творческого потенциала: Арт-терапия стимулирует развитие творческого мышления, что помогает людям видеть проблемы с другой стороны и находить новые пути решения.

4. Снижение уровня стресса и тревоги: Участие в художественных процессах может снизить уровень стресса, тревоги и позволить людям расслабиться, сосредоточиться и насладиться моментом.

Арт-терапия позволяет людям выразить свои эмоции и переживания через творческий процесс, что помогает им осознать и прояснить свои мысли, чувства и потребности. Кроме того, работа с различными художественными материалами и техниками позволяет улучшить самооценку, развить креативность и научиться решать проблемы более конструктивно. Важно отметить, что арт-терапия может быть эффективной не только в индивидуальной, но и в групповой работе с людьми в трудной жизненной ситуации. Групповые занятия по арт-терапии способствуют установлению взаимодействия, поддержки и понимания между участниками группы, что способствует их эмоциональному и психологическому росту [6].

Исследования показывают, что арт-терапия может помочь улучшить психическое здоровье людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, уменьшить уровень стресса, тревожности и депрессии, повысить самооценку и самосознание, развить творческое мышление и способности к самовыражению [10].

Литература:

1. Арт-терапия: что это и как работает, виды, упражнения // rbc.ru — об арт-терапии // Режим доступа к статье: <https://www.rbc.ru/life/news/65b37dbf9a7947770fa5bccc>
2. Бернс С. А. Возможности арт-терапии для развития самосознания личности // Сб. науч. ст.: Арт-терапия: методология и практика / Институт психологии и педагогики. — М., 2014, вып. № 2. — С. 123–133.
3. Важность художественных материалов в арт-терапии // artpsy.academy — об академии арт-терапии // Режим доступа к статье: https://artpsy.academy/importance_of_materials
4. Выготский Л. С. Психология искусства — М.: Лабиринт, 2010
5. Выпускная квалификационная работа на тему: Профилактика психоэмоционального напряжения у детей средствами арт-терапии / Я. С. Птицына, Л. Ф. Чекина., — Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2023–98 с.
6. Жаркова, А. С. Методы снижения тревожности у людей посредством творчества / А. С. Жаркова // Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники: сб. науч. тр. — Челябинск: Аэтерна, 2020 — С. 110–111.
7. Кирейчева, Е. В. Методы арт-терапии при краткосрочной психологической помощи / Е. В. Кирейчева // Психологическое обеспечение деятельности силовых структур: сб. науч. тр. / ФГАОУ ВО Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского. — Севастополь, 2017 — С. 24–28.
8. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. — Речь. — 2007. — 336с. ил. ISBN5–9268–0637–2
9. Копытина А. И. Арт-терапия — новые горизонты / А. И. Копытина. — М.: Когито-Центр, 2006. — 38 с.
10. Соловьёв С. А. Арт-терапия в системе комплексной психологической реабилитации семьи, пострадавшей в локальном военном конфликте // НОУ «Институт специальной педагогики и психологии» — г. Санкт-Петербург, 2012 г. — 64 с.
11. Харди М. — Польза от творчества, или Как искусство влияет на нашу жизнь — М: учеб. пособие 2023 г. — С. 16.

Таким образом, арт-терапия является эффективным методом работы с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, и может помочь им решить их проблемы и улучшить качество жизни.

Выводы. В заключение, арт-терапия является эффективным подходом в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Она позволяет им выразить свои эмоции и переживания через художественное творчество, что способствует самореализации и преодолению трудностей. Арт-терапия — это мощный инструмент, который может помочь людям на пути к исцелению и благополучию.

Арт-терапия представляет собой ценный инструмент в работе с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Она предлагает им возможность выразить свои эмоции и переживания через творческий процесс, что помогает им осознать и понять свои чувства, развить самосознание и самооценку, улучшить коммуникацию и взаимодействие с другими людьми. Арт-терапия может быть эффективным инструментом для достижения психологического благополучия и исцеления.

Арт-терапия представляет собой эффективный и применимый метод поддержки и помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Она позволяет им выразить свои эмоции, развить творческий потенциал, освободиться от стресса и тревоги. Методы арт-терапии, такие как живопись, рисунок, скульптура и музыкальная терапия, предоставляют людям возможность выразить себя и обрести внутреннюю гармонию.

Психологическое воздействие карантина на молодежь

Диксит Маниш, студент

Башкирский государственный медицинский университет (г. Уфа)

Гипотеза

Продолжительность пандемии COVID в 2020 году и последующая изоляция напрямую связаны с негативными психологическими состояниями молодых людей, в частности, с ранними симптомами тревоги и депрессии.

Вступление

24 марта 2020 года премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил о первом в Индии общенациональном трехнедельном карантине в связи с пандемией COVID-19. Карантин, продолжавшийся с 25 марта по 14 апреля 2020 года, вызвал массу проблем, критики и надежд. В то время как многочисленные исследования были сосредоточены на благополучии обездоленных сообществ и физическом и психологическом воздействии на взрослых, наше исследование сосредоточено конкретно на одной группе, то есть на подростках в возрасте от 14 до 18 лет в космополитичном городе. Недостаточное внимание к этой возрастной группе и психологическому благополучию этого населения может оказать катастрофическое воздействие на мотивацию, социальное взаимодействие и общее состояние здоровья на долгие годы вперед.

Методология

Респондентами опроса были люди в возрасте от 14 до 18 лет, которые отличались более высоким социально-экономическим статусом, имели доступ к компьютерам и социальным сетям, посещали частные школы. Эта группа с большей вероятностью стремится поступить в зарубежные университеты. Все они были жителями Мумбаи, космополитического города в Индии.

Первичные данные были собраны в рамках опроса с помощью формы Google, при этом ответы на большинство вопросов были рассчитаны по линейной шкале от 1 до 5 (1 означает «Совсем нет», а 5 — «Очень»), чтобы указать на тяжесть психологических симптомов. В анкете был раздел «Согласие», в котором указывалось согласие как участника, так и родителя/опекуна. Участники, отметившие галочкой в поле «Согласие», считались зарегистрировавшимися в опросе. Имена респондентов и идентификационные данные не были указаны в форме Google для обеспечения анонимности респондентов. Анкета была распространена среди различных школьных групп в социальных сетях. Всего было возвращено 226 заполненных анкет. Сбор данных проводился во время активной фазы карантина.

Результаты и анализ

Тревога:

Были рассмотрены следующие симптомы:

1) Беспокойство о будущем:

Поступление в университет является важным фактором для старшеклассников, принадлежащих к этой конкретной социально-экономической группе. Почти 63,3% респондентов были очень обеспокоены (4 или 5 баллов) своим будущим поступлением в колледж. Высокая степень беспокойства по поводу этого аспекта в молодом возрасте в течение короткого периода в три недели карантина может быть истолкована как ранний признак беспокойства.

2) Продолжительность сна:

Продолжительность сна является показателем отдохнувшего тела и умиротворенной души. Мы рассматривали продолжительность сна в 4 часа за ночь или менее как недостаточную продолжительность сна. Почти 13% респондентов, участвовавших в опросе, сообщили о недостаточной продолжительности сна. Недостаточный сон является признаком ряда психологических расстройств, включая тревогу и депрессию.

3) Трудности с концентрацией внимания:

Более половины респондентов (56,2%) испытывали трудности с концентрацией внимания в течение длительного периода времени.

Депрессия:

К ранним симптомам депрессии мы отнесли следующие.

- 1) Беспомощность
- 2) Раздражительность
- 3) Упадок сил

Сильные и слабые стороны

Слабые стороны

Многие из группы из 226 молодых людей, вероятно, были знакомы с другими респондентами, участвовавшими в опросе, что могло быть источником предвзятости. К сожалению, не удалось изучить раздел, посвященный экономическим проблемам. В исследовании принимали участие англоговорящие ученики частных школ из относительно обеспеченных семей. Никто из них не бросал школу и не работал ради заработка. Это ограничивает возможность обобщения результатов. Воздействие пандемии на экономически неблагополучные группы населения одной и той же возрастной категории, вероятно, будет совершенно иным и гораздо более серьезным, но из нашего исследования нельзя сделать такой вывод.

Сильные стороны

Учитывая тот факт, что данное исследование носит психологический характер, большинство вопросов в опросе были составлены по шкале Лайкерта, которая давала информацию о тяжести рассматриваемого симптома.

Поскольку анкета была анонимной и не позволяла проводить прямое собеседование лично или по телефону, это минимизировало предвзятость, например, со стороны общества, которая могла бы привести к необходимости представления положительного мнения интервьюеру. Поскольку анкета для опроса, скорее всего, была заполнена респондентами самостоятельно в рамках их естественного взаимодействия в социальных сетях, менее вероятно, что она включала участие семьи и источники предвзятости.

Поскольку респонденты могли заполнить анкету онлайн в удобное для них время и в их собственном пространстве, это, вероятно, послужило стимулом для самоанализа и размышлений.

Литература:

1. «Тревожные расстройства». Клиника Майо, Фонд медицинского образования и исследований Майо, 4 мая 2018 г.
2. Шимелпфенинг, Нэнси. «8 способов улучшить свое настроение, когда живешь в депрессии». Verywell Mind, 20 марта 2020 г.
3. Холланд, Кимберли. «20 способов борьбы с депрессией». Healthline, Healthline Media, 16 октября 2001 г.

Нейропсихология танцора

Дунаева Кристина Денисовна, студент

Научный руководитель: Мочалов Денис Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент
Казанский государственный институт культуры

Ключевые слова: область мозга, спинной мозг, танец, движение, музыка, мышцы, ритм.

Мозг танцора — сложный мозг. Внутри словно живет множество маленьких человечков, которые отвечают за разные процессы. Иначе, как объяснить, что танцоры одновременно слышат музыку, чувствуют ритм, синхронизируются друг с другом и меняют положение тела с каждым битом, двигаясь при этом по сцене.

Услышав музыку, человек неосознанно постукивает в такт ногой. Вы замечали что-то похожее у других классов животного царства? Нет, так как подобное явление характерно только для людей. В основе нашего подсознания заложен танец. Он синхронизируется с координацией. Однако, как танцоры выполняют сложные пируэты? Как видят, не смотря друг на друга? Как попадают в нужный такт? Как создают танцы?

В этом им помогает сложнейшая мозговая координация. Каждая область специализируется на своем: одна регулирует передвижения в пространстве, другая отвечает за синхронизацию, третья за инстинкт и т.п.

В такт

Мозг танцора работает удивительно. Для того чтобы человек смог хлопать в ладоши, при этом идти квадратом в сенсорной системе (группа структур нервной системы, которые отвечают за прием информации, за ее обработку и формирование ощущений), должны происходить все различные вычис-

Потенциал для будущих исследований:

Группа со схожими характеристиками может быть опрошена повторно, чтобы выявить различия в психологическом состоянии после окончания карантина.

Вывод

Значительная часть молодых людей, опрошенных в этом исследовании, испытывали симптомы тревоги и депрессии в течение короткого периода в три недели карантина. Была обнаружена связь между периодом карантина и некоторыми симптомами депрессии и тревоги.

ления. Они помогают адаптироваться в пространстве, регулируют равновесие и отвечают за время.

Так, задняя теменная кора отвечает за двигательную систему с помощью передачи информации через визуализацию. Она отправляет сигналы в премоторную кору (часть моторной коры, находящаяся в задних частях верхней и средней лобной извилины и в передних частях прецентральной извилины) и делает ее ответственной за планирование движения.

Затем поставленные команды перенаправляются в первичную моторную (двигательная) кору (часть моторной коры, находящаяся в средне-задней части прецентральной извилины, примыкающей к центральной борозде), которая формирует дендриты (нервные импульсы), уходящие в спинной мозг и после этого к мышцам, заставляя их сокращаться.

Одновременно с теменной корой работают сенсорные органы (органы зрения, органы слуха, органы обоняния, органы осязания, органы вкуса, вестибулярный аппарат и др.). Они обеспечивают в мышцах обратную связь с мозгом, сообщая ему точное расположение частей тела в пространстве с помощью сигналов, которые проходят по нервным волокнам через спинной мозг к коре больших полушарий.

Подкорковые строения — это отделы головного мозга, расположенные между корой больших полушарий и продолговатым мозгом. В них находится мозжечок и базальные ганглии (скопления серого вещества), которые помогают более точно

настраивать двигательные команды на основе сенсорной обратной связи.

Основа работы мозга во время танца — это кинестетическое восприятие пространства (эмоционально-двигательная реакция на прикосновения человека), при котором танцор способен закрыв глаза, чувствовать положение туловища. Это происходит благодаря сенсорным образованиям в мышцах. Эти органы передают в мозг информацию о работе в каждом суставе, о натяжении каждой мышцы. Так, мозг способен создать отчетливое представление о положении всего тела.

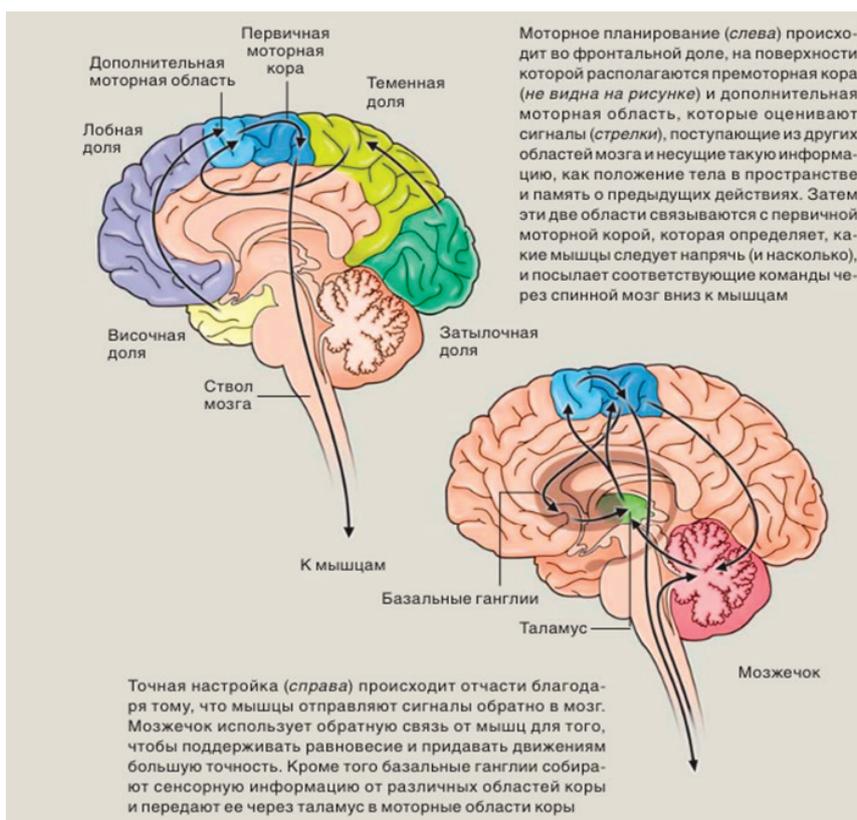
Предклинье — это часть теменной доли на внутренней поверхности обоих полушарий большого мозга, располагающаяся рядом с мозолистым телом, где находится кинестетическое представительство ног. Оно помогает людям ощущать положение своего тела в пространстве при перемещении и позволяет построить путь, является своего рода координатором.

Данная часть мозжечка следит за информацией из различных областей мозга и помогает синхронизировать выполняемые действия. Мозжечок как нейронный метроном: получает множество сенсорных входов от слуховой, зрительной и соматосенсорной кортикальных, и содержит сенсомоторное отображение всего тела.

Управление танцем

Мы часто выполняем произвольные движения. Это происходит, благодаря, сигналам, которые мышцы отправляют в мозг (рисунок мозга справа). Чтобы держать равновесие и придавать движениям большую точность мозжечок использует обратную связь от мышц.

Моторное планирование (рисунок мозга слева) — это возможность понять и реализовать новое двигательное действие. Затем

эти области связываются с первичной моторной корой, которая определяет последовательность напряжения мышц, и посылает соответствующие команды через спинной мозг вниз к мышцам.

Наше воображение

Изучая сложные движения, приходит в действие моторная система мозга и система двигательного планирования. Они управляют сокращением мышц и несут информацию о выполнении конкретного движения.

Возможность воспроизвести в голове последовательность движений является кинестетической, и основывается на зрении. Формирование в областях мозга, которые отвечают за планирование движений, называют двигательным образом. Он нужен для настоящего освоения движения, что позволяет лучше почувствовать свои мышцы.

Хореография в голове или создание танца

Существуют три области мозга, принимающие участие в создании танца: передняя часть червя, медиальное коленчатое тело и предклинье.

Рассмотрим более подробно.

Передняя часть червя

Эта область мозжечка, состоящая из пучков нервных волокон, работает как метроном, получая информацию от спинного мозга. Тем самым появляется синхронность танца и музыки.

Медиальное коленчатое тело

Эта область мозга, находящаяся позади подушки таламуса, служит для создания ритма. Именно эта часть отвечает за непроизвольное постукивание и покачивание. Почему мы не осознаем данные действия? Дело в том, что медиальное коленчатое тело передает информацию о ритме мозжечку, не сообщая более высоким слуховым областям коры.

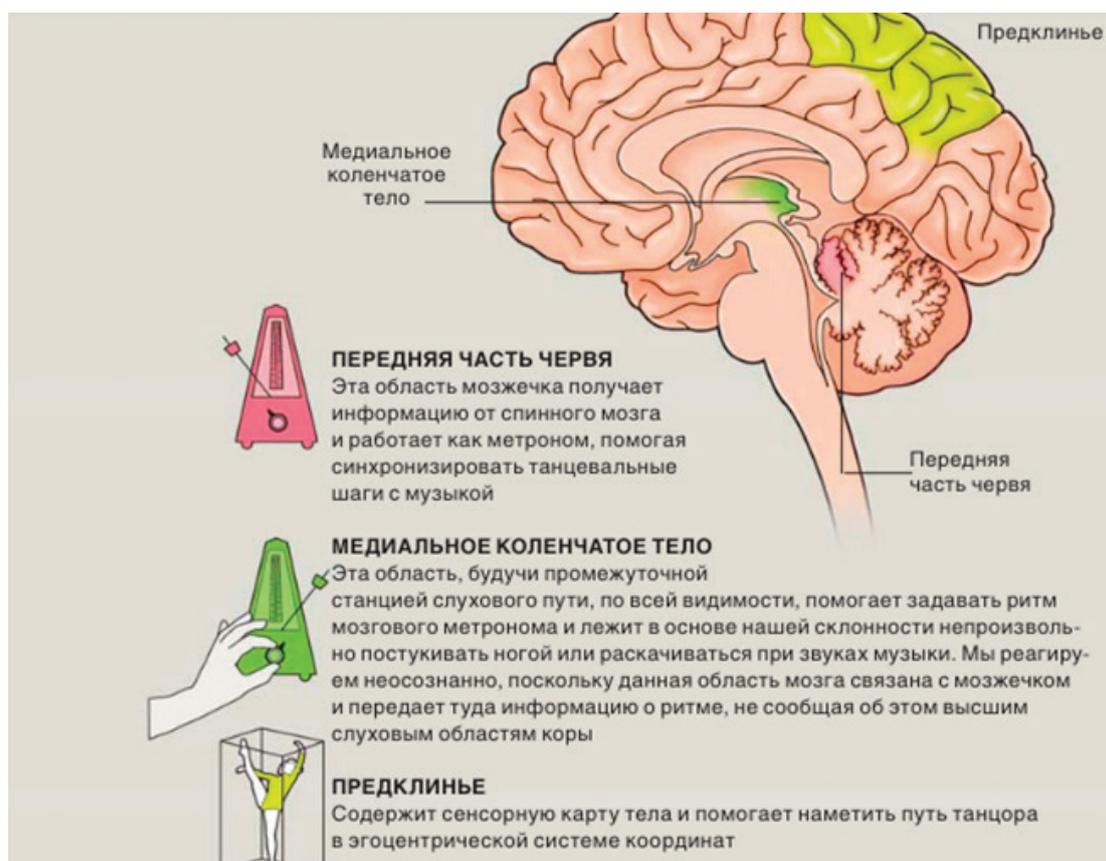
Предклинье

Что такое предклинье, мы уже разбирали, а как оно действует на создание танца, нет. Оно содержит сенсорную карту тела и помогает наметить путь танцора в эгоцентрической системе координат.

Социальная роль танца

Почему вообще люди танцуют? Конечно, музыка и танец тесно связаны друг с другом, услышав музыкальный ритм мы начинаем двигаться, танец рождает звук. Каждый народ издревле использует ложки, четки или кастаньеты для создания дополнительных звуков. Также часто применяют хлопки и щелчки. Из этого можно сделать вывод, что процесс извлечения звуков является становлением танца.

Однако отличие музыки от танца имеет возможности для изображения, что указывает на его возможность играть роль ранней формы речи. По сути дела, танец является жестовым языком.

Исполнение сложных вариаций и повторение простых постукиваний требуют определенных функций. Мозг должен в правильном порядке расположить отдельные компоненты движения, поэтому элементарные движения могут соединяться в плавную последовательность.

Танец тесно связан с появлением и речи, и музыки. Он действует как союз для ритмичности музыки. Подобное взаимо-

действие позволяет людям передавать истории с помощью своего тела. Если синхронизировать свои движения с движениями других людей, это способствует социальному притяжению.

Скорее всего, танец и музыка развились совместно как способ рождения ритма. Однако в отличие от музыки, с помощью танца можно ясно выразить свои мысли.

Литература:

1. Нейрофизиология танца / Браун Стивен, Парсонс Лоренс — в мире науки — октябрь 2008 — № 10 — С. 26–31.
2. Как устроен мозг людей разных профессий. Мозг танцора и учителя, музыка и мозг, Татьяна Черниговская — youtube.com — <https://www.youtube.com/watch?v=pu8we0cP5Ro>.
3. https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B0
4. <https://biomolecula.ru/articles/likbez-po-tsns>

Особенности саморегуляции в подростковом возрасте

Костикова Ирина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Зиборова Елена Игоревна, кандидат социологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются особенности саморегуляции детей подросткового возраста при помощи проведения исследования по таким методикам, как: тест-опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции»; опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ». В работе была выдвинута гипотеза, заключающаяся в том, что существуют особенности саморегуляции подростков, заключающиеся в частично сформированной способности к программированию, среднем уровне оценки результатов деятельности и развитой гибкости системы регулирования, при этом подростки отличники имеют высокий уровень развития волевой саморегуляции и большую способность к планированию. В статье рассматривались особенности саморегуляции в подростковом возрасте, также описаны результаты исследования.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, саморегуляция, система регулирования, свойства личности, гибкость, поведение.

Features of self-regulation in adolescence

Kostikova Irina Dmitriyevna, student

Scientific advisor: Ziborova Elena Igorevna, candidate of sociological sciences, associate professor
Belgorod State National Research University

The article discusses the features of self-regulation of adolescent children using research methods such as: test questionnaire by A. V. Zverkova and E. V. Eidman «Study of volitional self-regulation»; questionnaire V. I. Morosanova «Style of self-regulation of behavior — SSPM». The work put forward a hypothesis that there are features of self-regulation of adolescents, consisting in a partially formed ability for programming, an average level of performance evaluation and developed flexibility of the regulatory system, while excellent adolescents have a high level of development of volitional self-regulation and a greater ability to plan. The article examined the features of self-regulation in adolescence, and also described the results of the study.

Keywords: adolescence, teenager, self-regulation, regulatory system, personality traits, flexibility, behavior.

Введение. В психологической литературе неоднократно подмечалось, что умение конструктивно взаимодействовать с окружающими социумом обуславливается высокой степенью развития одной из важных психологических черт — саморегуляции. К настоящему времени в психологии

сложилось несколько подходов к определению термина «саморегуляция». Среди исследователей, которые посвящали свои работы данному феномену, были И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, П. К. Анохин. Значительный вклад в раскрытие сущности саморегуляции внесли М. Я. Басов, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев.

Особенность саморегуляции напрямую зависит от личностных свойств человека, поэтому от того, насколько человек сам способен планировать и регулировать свою деятельность, будут зависеть и результаты его деятельности. Однако, для некоторой возрастной группы характерно шаткое, еще не до конца сформированное мироощущение, а базовые жизненные принципы и правила еще до конца не сформированы. Речь идет и подростковом возрасте. Проблематику саморегуляции в подростковом возрасте исследовали Л. Ф. Лазурский, М. Я. Басов, Б. Г. Ананьев, О. А. Прохоров и др.

Гипотезой исследования является то, что существуют особенности саморегуляции подростков, заключающиеся в частично сформированной способности к программированию, среднем уровне оценки результатов деятельности и развитой гибкости системы регулирования, при этом подростки отличники имеют высокий уровень развития волевой саморегуляции и большую способность к планированию.

По результатам исследования полученная информация была систематизирована, при соотношении результатов методик был использован метод сравнения. Исследование проводилось на базе МБОУ «Гимназия № 12» Г. Белгорода. В исследовании приняло участие 40 учащихся. Исследование проводилось при участии психолога, педагога (классного руководителя), испытуемых. Ответы носили только письменный характер.

Методика и аппаратура. тест-опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции»; опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ».

Тест-опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции» позволяет описать уровень развития саморегуляции.

Опросник ССПМ характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека. Утверждения опросника входят в состав шести шкал, выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами планирования целей, моделирования значимых условий, программирования действий, оценивания результатов, а также и регуляторно-личностными свойствами гибкости и самостоятельности.

Исследование включает в себя следующие этапы:

1. Формирование выборки и подбор инструментария, адекватного цели, предмету и задачам исследования.
2. Проведение диагностической процедуры.
3. Качественный и количественный анализ и интерпретация полученных данных.

Результаты. Разбор результатов необходимо сделать в соответствии с использованием вышеописанных методик. В ходе использования методик следует рассмотреть результаты в графическом виде. Все испытуемые дети отнеслись к выполнению задания в основном с интересом, 8 детей восприняли выполнение заданий с сильным скептицизмом, но после небольшой беседы, принялись к их выполнению.

В ходе решения первой эмпирической задачи нами исследовались особенности саморегуляции подростков. Результаты изучения показателей саморегуляции современных подростков представлены в таблице 1.

Исследование показало, что шкала «программирования», которая диагностировала индивидуальное развитие сознательного программирования по действиям человека в среднем из 5 из 9 совпадений, включала только 40,9% субъектов. Поскольку показатели не самые высокие, можно говорить о частично сформированной потребности человека задуматься о методах своих действий и поведения для достижения целей, деталей и разработки разрабатываемых программ. Программы разрабатываются независимо друг от друга, гибко изменяются в новых условиях и являются стабильными в случае сбоя.

В ходе обработки данных по тест-опроснику А. В. Зверьковой и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции», мы распределили подростков по уровню выраженности их волевой саморегуляции. Таким образом, были получены следующие результаты (рис. 1).

Исследование показало, что у большей части респондентов (56%) средний уровень саморегуляции. У 26% наблюдается низкий уровень саморегуляции. Меньшая часть опрошенных респондентов (18%) имеют высокий уровень саморегуляции.

У подростков с низкими показателями саморегуляции не сформирована потребность в осознанном планировании и программировании своих действий, поведения в целом. Респонденты достаточно сильно зависимы от ситуации, от мнения окружающих их людей. Возможная компенсация неблагоприятных личностных особенностей, имеющих у таких студентов, которая необходима для достижения поставленных целей, снижена. Отсюда, общая успешность овладения данными респондентами новыми видами деятельности в большой степени зависит от стилевых особенностей регуляции и требований осваиваемого вида активности, что, в свою очередь, может вызвать затруднения у юношей с низким уровнем саморегуляции.

Для респондентов, имеющих высокие показатели саморегуляции, характерно наличие осознанности и взаимосвязанности в общей структуре индивидуальной регуляции регуляторных

Таблица 1. Показатели саморегуляции подростков (%)

Шкала Уровень показателей	Планиро- вание	Моделиро- вание	Програми- рование	Оценивание результатов	Гибкость	Самостоя- тельность	Общий уровень саморегуляции
Высокий	11,3	9,1	0	2,3	9,1	11,4	25,0
Средний	34,2	61,4	40,9	70,4	40,9	50	52,3
Низкий	54,5	29,5	59,1	27,3	50	38,6	22,7

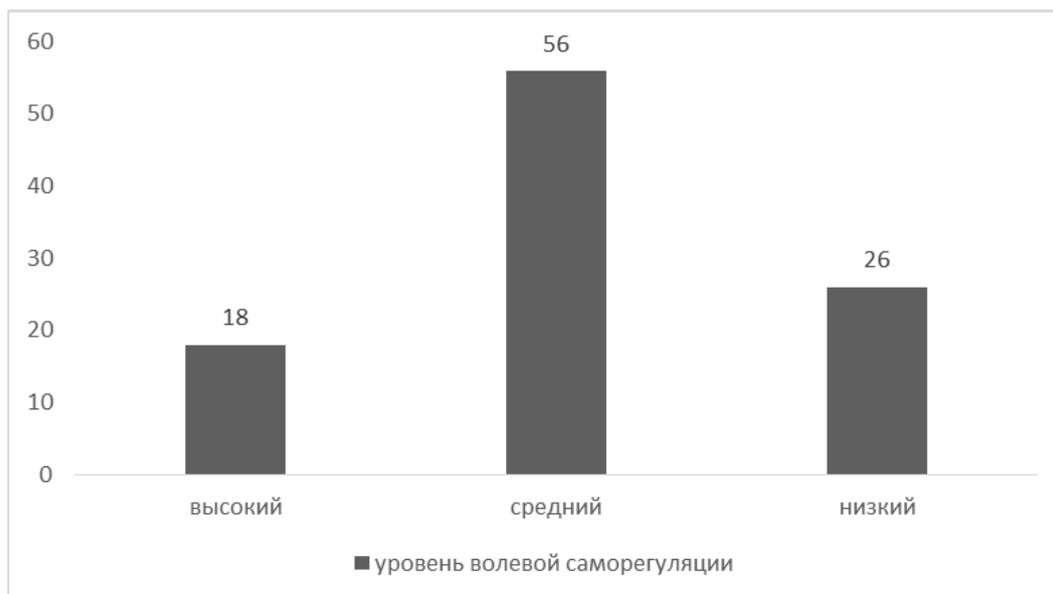

Рис. 1. Выраженность волевой саморегуляции подростков (%)

звеньев. Подростки самостоятельны, гибки, адекватны в собственном реагировании на изменения условий окружающей среды. Респонденты этой группы способны с большой степенью осознанности выдвигать и достигать поставленных целей. При наличии у респондентов высокой мотивации достижения есть возможность для них сформировать такой стиль саморегуляции, который позволит компенсировать влияние личностных особенностей, препятствующих достижению целей. Также следует отметить, что для подростков с высоким уровнем саморегуляции овладение новыми видами активности происходит легче. Они увереннее чувствуют себя в незнакомых ситуациях, благодаря чему их успехи в привычных видах деятельности стабильны.

Лицам, обладающим средним уровнем саморегуляции, свойственны, с одной стороны, осознанность в структуре регуляторных звеньев, но, с другой, — имеется ярко выраженная потребность в планировании и программировании собственного поведения для успешной деятельности и взаимодействия с окружающей средой. Респонденты достаточно активны, гибки, но, в то же время, могут зависеть от особенностей ситуации, в которую попадают, особенно при наличии фактора новизны, а также от мнений окружающих их людей. Для подростков характерна возможная компенсация характерологиче-

ских особенностей, что позволяет эффективнее достигать поставленных целей. Общая успешность овладения данными испытуемыми новыми вариантами деятельности достаточно высока при наличии необходимого стиля саморегуляции и достаточной активности подростков.

Следующим этапом нашей работы стало изучение особенностей саморегуляции подростков с разной успеваемостью. Критерием определения успеваемости учащихся стала система оценок знаний в школе по результатам анализа классного журнала. Нами было выделено три группы подростков: отличники, успевающие на «хорошо» и «отлично», троечники.

Как видим из таблицы, подростки-отличники имеют наивысшие значения по показателям саморегуляции и по общему уровню волевой саморегуляции. Они могут определить существенные условия для достижения целей, как в текущей, так и в долгосрочной ситуации, что проявляется в соответствии программ действий планам действий и согласовании результатов с принятыми целями. В условиях неожиданно меняющихся обстоятельств, когда образ жизни меняется и переключается на другую систему работы, такие субъекты могут гибко менять модель значимых условий и, соответственно, программу действий. 25% этих студентов связаны с этой формой социаль-

Таблица 2. Особенности саморегуляции подростков с различной успеваемостью, %

Форма социального поведения Шкала стилей	Отличники	Успевающие на «хорошо» и «отлично»	Троечники
Планирование	25	14,3	0
Моделирование	25	21,4	12,5
Программирование	0	14,3	25
Оценивание результатов	25	28,6	25
Гибкость	0	7,1	25
Самостоятельность	25	14,3	12,5
Уровень волевой саморегуляции	56	28	16

ного поведения (по шкале «моделирования»). 25% субъектов с высокими показателями по шкале «независимости» способны самостоятельно планировать свое поведение в конфликтной ситуации. Вполне вероятно, что эта тема может организовать конфликтную ситуацию.

Следующим этапом нашей работы было нахождение различий в степени сформированности саморегуляции у подростков с разной успеваемостью. С этой целью был использован Н-критерий Крускала — Уоллиса.

В ходе статистической обработки данных было обнаружено следующее:

— существуют значимые различия ($H=5,805$; $p<0,05$) в уровне волевой саморегуляции подростков-отличников и троечников;

— существуют значимые различия ($H=8,402$; $p<0,05$) в планировании.

То есть, можем отметить, что подростки отличники имеют высокий уровень развития волевой саморегуляции и большую способность к планированию.

Таким образом, гипотеза исследования, заключающаяся в предположении, что существуют особенности саморегуляции подростков, заключающиеся в частично сформированной способности к программированию, среднем уровне оценки результатов деятельности и развитой гибкости системы регулирования. При этом подростки отличники имеют высокий уровень развития волевой саморегуляции и большую способность к планированию, подтвердилась.

Заключение. Наше исследование было посвящено изучению особенностей саморегуляции подростков. На основе теоретического анализа сделаны следующие выводы. Стилистические особенности саморегуляции характерны для человека и важнейших индивидуальных особенностей самоорганизации и управления внешними и внутренними целевыми действиями, которые постоянно проявляются в их различных формах. Феномен саморегуляции проявляется в том, как человек планирует и программирует достижение жизненных целей, принимает во внимание значительные внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою деятельность для достижения субъективно приемлемых результатов в той степени, в которой он осведомлен о процессах самоорганизации.

Литература:

1. Ананьев, Б. Г. Билатеральное регулирование как механизм поведения [Текст] / Б. Г. Ананьев // Вопросы психологии. — 2013.
2. Анохин, П. К. Теория функциональной системы [Текст] / П. К. Анохин // Успехи физиол. Науки. — 2015. — Т. 1. — № 1. — С. 19–54.
3. Басов, М. Я. Общие основы педологии [Текст] / М. Я. Басов. — М.: Алетей, 2017. — 776с.
4. Выготский, Л. С. Проблема возраста [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч.: — М., 2014.
5. Гаранина, Ж. Г. Саморегуляция как фактор личностно-профессионального саморазвития будущих специалистов [Текст] / Ж. Г. Гаранина, О. Е. Мальцева / Интеграция образования, 2016.
6. Конопкин, О. А. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения [Текст] / О. А. Конопкин // Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности. — М.: 2014.
7. Крылова, Н. Н. Самоотношение и саморегуляция студента: феноменология и плоскости пересечения понятий [Текст] / Н. Н. Крылова // Вестник Пензенского государственного университета. — 2014.
8. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь [Текст] / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко // М.: АСТ Москва, 2011.
9. Юревич, А. В. Психология социальных явлений. [Текст] / А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2015.

Индивидуальный стиль саморегуляции характеризуется комплексом стилевых особенностей контроллера. Эти комплексы включают для этого человека типичные особенности процессов регулирования, которые реализуют основные части системы саморегулирования (планирование, программирование, моделирование, оценка результата), а также регулирующие и личностные характеристики или инструментальные характеристики человека, такие как независимость, надежность, гибкость и т.д.

Исследование показало, что подросткам свойственна частично сформированная потребность задумываться о методах своих действий и поведения для достижения целей, деталей и разработки разрабатываемых программ.

Подросткам свойственен средний уровень по шкале «оценка результатов» характеризует индивидуальное развитие и адекватность оценки самих испытуемых, а также результатов их деятельности и поведения.

Гибкость системы регулирования позволяет подросткам адекватно реагировать на быстрые изменения событий и успешно решать проблему в ситуации риска.

Шкала «независимости» знаменует собой развитие регуляторной автономии. Наличие высоких показателей по шкале независимости демонстрирует самостоятельность в организации человеческой деятельности, их способность самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу для достижения поставленной цели, следить за ходом ее реализации, как промежуточной, так и промежуточной.

Нами обнаружены различия в саморегуляции подростков с разной успеваемостью. Подростки отличники имеют высокий уровень развития волевой саморегуляции и большую способность к планированию.

Таким образом, гипотеза исследования, заключающаяся в предположении, что существуют особенности саморегуляции подростков, заключающиеся в частично сформированной способности к программированию, среднем уровне оценки результатов деятельности и развитой гибкости системы регулирования. При этом подростки-отличники имеют высокий уровень развития волевой саморегуляции и большую способность к планированию, подтвердилась.

Младший школьник как субъект учебной деятельности

Лесных Александра Олеговна, студент
Воронежский государственный университет

В современном мире система образования характеризуется не только высокими требованиями к знаниям и умениям школьников, но и требованием к развитию личностных характеристик, адекватных современному этапу развития общества. В российском образовании ставится проблема построения образовательного процесса, который обеспечивал бы развитие субъектности школьников.

А. К. Осницкий определял субъектность как степень соответствия активности, развиваемой человеком в данный момент, и тем видом деятельности, в которую он вовлечен обстоятельствами. [2]

В свою очередь, А. В. Петровский, разработавший концептуальные основы психологии субъектности, отмечает, что для человека стать личностью означает стать субъектом своей активности, поскольку существовать как личность он может, только имея свою идеальную представленность о других и о самом себе. [3]

Так, субъектность — качество, в основном определяющее то, как личность выстраивает взаимодействие с окружающим миром и людьми, как отстаивает свою позицию во взаимодействии с людьми и обществом, принимает активное участие в построении собственной личности.

Младший школьный возраст играет решающую роль в формировании адекватного отношения к самому себе, к другим людям и к обществу в целом. Ребенок становится субъектом учебной деятельности, что имеет долговременное влияние на его личность и направленность. Обучающиеся уже на уровне начальной ступени образования должны проявлять собственную инициативу совершать учебные действия. Ведь принимая активное, а не пассивное участие в организации своего учебного процесса младший школьник самостоятельно усваивает и находит применения знаниям, ведь учебная деятельность не предлагается обучающемуся в готовом виде. Все это напрямую связывается с развитием субъектности в младшем школьном возрасте. Таким образом, проходя через ряд этапов, ставя перед собой учебные задачи, осваивая учебные действия, усваивая знания, младший школьник осваивает не только знания, но и учится их реализовывать самостоятельно. Только тогда, можно говорить, что учащийся является субъектом учебной деятельности.

Ученые выделяют несколько критериев, играющих важную роль в развитие субъектности младшего школьника, такие как:

— **активность**

Активность обучающихся в начальной школе определяется степенью включенности учащегося в процесс обучения. Младший школьник не просто принимает задачу, но сам отыскивает средства её выполнения. В этом случае имеет место большая степень самостоятельности. Если активность младшего школьника низкая, он проявляет пассивность, неохотно откликается на указания учителя, не стремится к самостоятельной деятельности и склонен подчиняться. Если ученик не активен, он воспринимается учителями, ровесниками как вялый, безынициативный,

ведомый. Последствия такого поведения известны: потеря интереса к учебе, жизни. Уход в какую-либо зависимость. Такому ученику сверстники чаще приписывают плохие поступки, которые он не совершал, наличие у него дурных манер, хотя на самом деле в этом возрасте ситуацию можно корректировать.

— **рефлексивность**

Способность к рефлексии является важной частью субъектности у детей младшего возраста и проявляется в их самопознании и самоконтроле в ходе деятельности. Психология определяет рефлексии как процесс осознания внутренних психических процессов и состояний, а также осознания того, как субъект воспринимается другими людьми. Это не только знание и понимание себя, но также понимание того, как другие люди видят личностные особенности, эмоции и мыслительные процессы субъекта. Рефлексия заключается в способности размышлять и изучать свои мысли, эмоции, желания и поступки, а также взаимодействие с внешним миром.

— **осознанность своей уникальности, самооценка**

Важным аспектом развития личности является осознание собственной уникальности и самооценка. В начальной школе дети начинают осознавать свою уникальность и стремиться к совершенству, принимая predetermined нравственные идеалы и образцы поведения. Особую значимость в формировании самооценки играет роль учителя. Роль учителя оказывает большое влияние на то, как складывается самооценка ребенка. Успешно адаптируя младшего школьника к новой социальной среде, учитель тем самым развивает самостоятельность, укрепляет в свои силы.

— **ответственность**

Наиболее важным моментом формирования ответственности является период, когда ребенок начинает посещать образовательное учреждение. К. А. Климова в свою очередь выделила несколько признаков этого качества. По ее мнению ответственность включает в себя понимание необходимости выполнения заданий, стремление к успешному выполнению поручений, эмоциональное отношение к работе и осознание необходимости отчитываться о выполненной работе. [1]

В процессе развития субъектности ребенка можно выделить три ключевые линии развития.

Первая линия заключается в том, что ребенок начинает осознавать свое тело и способность контролировать его, что служит фундаментом для саморегуляции и превращает его в активного участника предметно-практической деятельности.

Направление **второй линии** связано с пониманием ребенком себя в качестве члена общества и развитием социальных навыков через общение с окружающими.

Третья линия охватывает осознание ребенком своего уникального внутреннего мира, включающего физиологические, социальные и индивидуальные психологические аспекты. Эти

линии взаимодействуют, формируя интегрированную личность ребенка.

Имеются исследования, посвященные описанию условий развития субъектности личности (В. А. Бардынина, Н. А. Жесткова, О. С. Лапкина, И. А. Липчанская, М. А. Пыжьянова, А. П. Рябищенкова и др.). В ходе исследований выявлены факторы, влияющие на формирование субъектности у младших школьников, которые можно разделить на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся элементы микро-среды, где происходит развитие ребенка, такие как семья, школа, психологические знания и развивающие занятия. Важным условием для формирования субъектности является присутствие значимого взрослого. Внутренние условия включают в себя такие качества, как способность к рефлексии, ответственность, самостоятельность и осознание своей уникальности, которые связаны с внутриличностными процессами.

Литература:

1. Климова К. А. О формировании ответственности у детей 6–7 лет — М.: Просвещение. 1968. — 224 с.
2. Осницкий А. К. Психологические механизмы самостоятельности — М.: Обнинск: ИГ-СОЦИН. 2010. — 232 с.
3. Петровский В. А. Феномен субъектности в развитии личности — Самара: 1985. — 101 с.

Объяснительная интегративная модель протекания психических процессов

Модорова Светлана Александровна, методист
ООО «Интегративная психотерапия» (г. Екатеринбург)

Интегративная психотерапия представляет собой комплексный подход к психотерапевтической практике, основываясь на объединении различных моделей и достижений в области психологии и нейробиологии. Она акцентирует внимание на многоуровневом функционировании человека, включая эмоциональное, когнитивное, и физиологическое состояния, учитывая при этом личные и внешние ограничения. Подход использует методы, способствующие непрерывному развитию личности и социальных систем, в которые она включена, и стремится к целостному пониманию и решению психологических проблем.

Ключевые слова: интегративная психотерапия, нейробиология, многоуровневое функционирование, когнитивное развитие, эмоциональное состояние, психологические модели, психотерапевтическая практика

Интегративная психотерапия — это система моделей, которые позволяют объединять достижения разных модальностей психологии на базе современных знаний нейробиологии.

Интегративная психотерапия — это подход к психотерапевтической практике, при котором основное внимание уделяется адекватному и эффективному функционированию человека на эмоциональном, духовном, когнитивном, поведенческом и физиологическом уровнях с учетом личных и внешних ограничений каждого человека. Проявлением такого адекватного функционирования является не просто успешность контактов во внутриспсихическом, межличностном и социальном пространстве, но и постоянное системное развитие как отдельного человека, так и социальных систем, в которые он включен. Это системное развитие и есть интеграция — процесс непрерывных изменений элементов системы, подчиненный общему смыслу, определяющему единую концепцию таких изменений.

Стоит отметить роль учителя в процессе развития субъектности младшего школьника. Педагогу важно демонстрировать собственную субъектную позицию перед детьми, создавать благоприятный психологический климат, признавать человека в качестве высшей ценности, стимулировать ребенка к выражению своей субъектной позиции, предоставляя ему возможность это делать.

Таким образом, субъектность младших школьников выражается в способности способность рассматривать себя как активных участников собственного развития и взаимодействия с окружающим миром, умении вступать в субъект-субъектное взаимодействие. Это означает, что ребенок должен научиться взаимодействовать с другими на равных, признавая их субъектность и свою собственную. Это важно для развития коммуникативных навыков и построения здоровых отношений.

Многие современные подходы в психотерапевтической практике претендуют на принадлежность к этому направлению при этом, по сути, не выходя за рамки полимодального и эклектичного подхода к психокоррекции. Так EAIP определяет как «интегративную» любую методологию в психотерапии, которая иллюстрирует или развивается в направлении концептуально последовательной, принципиальной, теоретической комбинации двух или более конкретных подходов и/или представляет собой самостоятельную модель интеграции [1].

Методология интеграции психотерапевтических подходов, разработанная в АИП (ассоциации интегративной психотерапии) основывается на системе научного психологического знания с позиций отечественного системно-деятельностного подхода, качественного нейропсихологического анализа и физиологии активности с ассимиляцией зарубежных достижений динамической, когнитивно-поведенческой и экзистенциальной психотерапии. Интегративная психотерапия связывает кон-

структы из многих теоретических школ. В западной традиции ядром этой связи является концепция отношений, представленная во множестве работ от Ф. Перлза до С. Дж. Бергмана. В отечественной традиции интеграцией психотерапевтических подходов занимается клиническая психология на базе представлений о связи психофизиологии с поведением. Объединяя западную и отечественную парадигму на основе тезисов программной статьи 1996 года «Методы Интегративной психотерапии» и современного понимания организации высшей психической деятельности человека, мы сужаем трактовку интегративной психотерапии, представленную EAIP [7].

Под интегративной психотерапией мы в АИП подразумеваем систему психологической коррекции, опирающуюся на несколько принципов:

— Ни одна форма или модальность терапии не является адекватной во всех ситуациях, а выбор различных стратегий, техник и теоретических конструкций делается на основании знаний об особенностях психотипа клиента, этапа развития его психики (возрастного и стадийного), актуальной психодинамической фазы (в концепции «травма-адаптация-развитие») и имеющихся у него проблем эмоциональной саморегуляции;

— Клиническая интуиция специалиста при диагностике состояния клиента не заменяет понимание прикладных современных научных данных о психофизиологии и биологии поведения, а только дополняет его;

— Процесс интеграции личности происходит через осознание и ассимилирование содержимого фрагментированных аспектов Эго. Витальная часть психики движет «Я» по оси развития к целостности Эго, и такое движение возможно только в контакте с реальным миром и другими людьми. Налаживание этого контакта подразумевает внешнюю помощь (психотерапию), так как защитные механизмы психики и сценарное поведение являются естественными препятствиями на этом пути интеграции. Каждый этап развития человека характеризуется определенными кризисами и задачами, которые в отношениях терапевт-клиент получают шанс на переосмысление и более гармоничное разрешение.

— Мишень и форма психотерапии подбирается с опорой на два диагностических фокуса: 1. оценка баланса и открытости к контакту сфер психического процесса клиента: физиологической, аффективной, когнитивной, мотивационной и поведенческой. 2. Актуальная фаза жизни в перспективе личностного развития, которое понимается как череда различных задач освоения действительности и особенностей отношений с другими людьми.

— Функциональность отношений влияет на все сферы жизненного успеха индивида, определяет самооценку и удовлетворенность жизнью. Основа мотивации в человеческом поведении — потребность в отношениях, и удовлетворяется она посредством контакта (он включает осознание ощущений, чувств, потребностей, сенсомоторной активности, мыслей, памяти, а также внешних событий). А качество контакта внутреннего и внешнего обусловлено психофизиологическими особенностями клиента.

— Обучение психотерапии в интегративном подходе подразумевает прохождение процесса самоанализа и интеграции самим обучающимся, так как являясь частью системы терапев-

тических отношений психолог влияет на процессы клиента посредством своей личности, создания функциональных отношений и поддерживающей среды [3].

Сложность и многомерность интегративного подхода подразумевает использование объяснительных моделей, на базе которых возможен диалог с коллегами различных ориентаций, а также выстраивание эффективной индивидуализированной программы психологической коррекции клиента. Кроме того, такие модели облегчают установление контакта и взаимопонимания между психологом и его клиентом, укрепляя доверие и компетентность [2].

В этой статье представлена объяснительная интегративная модель протекания психических процессов, обуславливающих спектр возможных реакций человека на триггер (событие) — «четырёхчастная модель психических процессов».

События (внешние и внутренние) вызывают в психике человека отклик в форме связанных между собой ощущений в теле, эмоций, мыслей и образов. При благополучном протекании такой психической реакции человек адекватно распознаёт свои потребности и ведёт себя в соответствии с ними — функционально. При развитии аффективной реакции на событие, психика перегружается и запускает защитное поведение, это поведение направлено на снижение фоновой тревоги и не ведёт к удовлетворению актуальных потребностей.

При развитии функциональной реакции в психике происходит обработка информации о сенсорном контакте, затем в ответ на ощущения развивается эмоциональный ответ, который специфически готовит организм к реакции на стимул, эмоциональная реакция запускает когнитивную обработку сигнала (осмысление), так оформляется понимание потребности, затем осознанная потребность встраивается в систему мотивов и личных смыслов в форме образа ожидаемого результата от предполагаемого действия. Кратко схему можно описать как: ощущение — эмоция — мысль — образ (мотив и оценка ожидаемого результата) [4].

Если ни на одном из этапов не происходит сбоя контакта с реальностью, то человек совершает действие, направленное на удовлетворение его потребности — функциональное. Пример: ощущая голодный спазм в желудке и вижу торт, радость в ответ на возможность удовлетворить потребность в пище, мысль: «сейчас поем», образ — насыщение.

При сбое контакта в любом блоке схемы развивается аффективная реакция — уровень напряжения поднимается, и психика запускает действия, направленные на снижение ситуативной тревоги — психические защиты, автоматические действия, защитное или сценарное поведение.

Примеры:

1. Сбой в сенсорном блоке — нет своевременного контакта с ощущением голода, уровень стресса «незаметно» нарастает.

2. Системный сбой функционирования нейротрансмиттеров запускает неадекватный эмоциональный ответ на ощущение голода (гневливый аффект или апатию, вместо поисковой активности).

3. Паническая автоматическая мысль («таким как я нельзя сладкое») препятствует критическому осмыслению действительности усиливая аффективную реакцию в ответ на воздей-

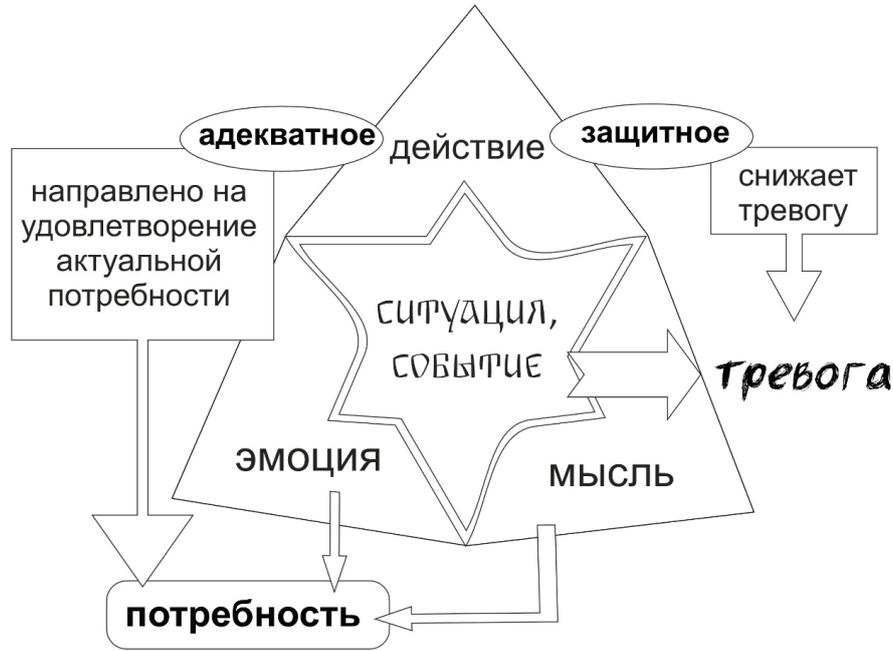

Рис. 1. Механизм развития реакции на событие

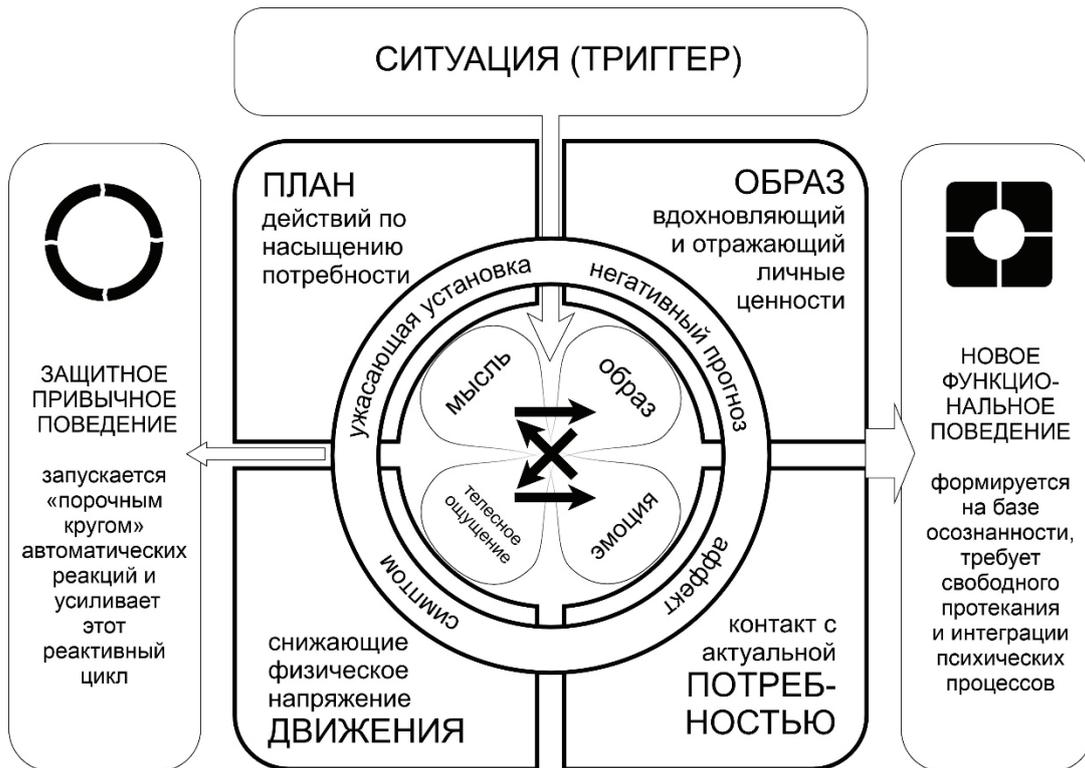

Рис 2. Схема ситуации (триггера)

ствии раздражителя, нарушается функция планирования деятельности.

4. Образ «сжу один толстый и измученный» как прогноз результата от действий, направленных на удовлетворение потребности в насыщении, усиливает напряжение и запускает каскад психических защит [5].

Эта концепция позволяет сделать наглядным для клиентов алгоритм выхода из аффективного состояния, упростить фор-

мирование навыка обхода собственного защитного поведения, через усиление контакта в каждом из блоков. При этом обращение клиента к опорной схеме, представленной на рисунке 3, само по себе активизирует сукцессивные стратегии мышления, препятствующие развитию аффекта.

Психологам эта «четырёхчастная модель психических процессов» позволяет более эффективно выбирать мишень терапии и техники в работе с конкретным клиентом в зави-

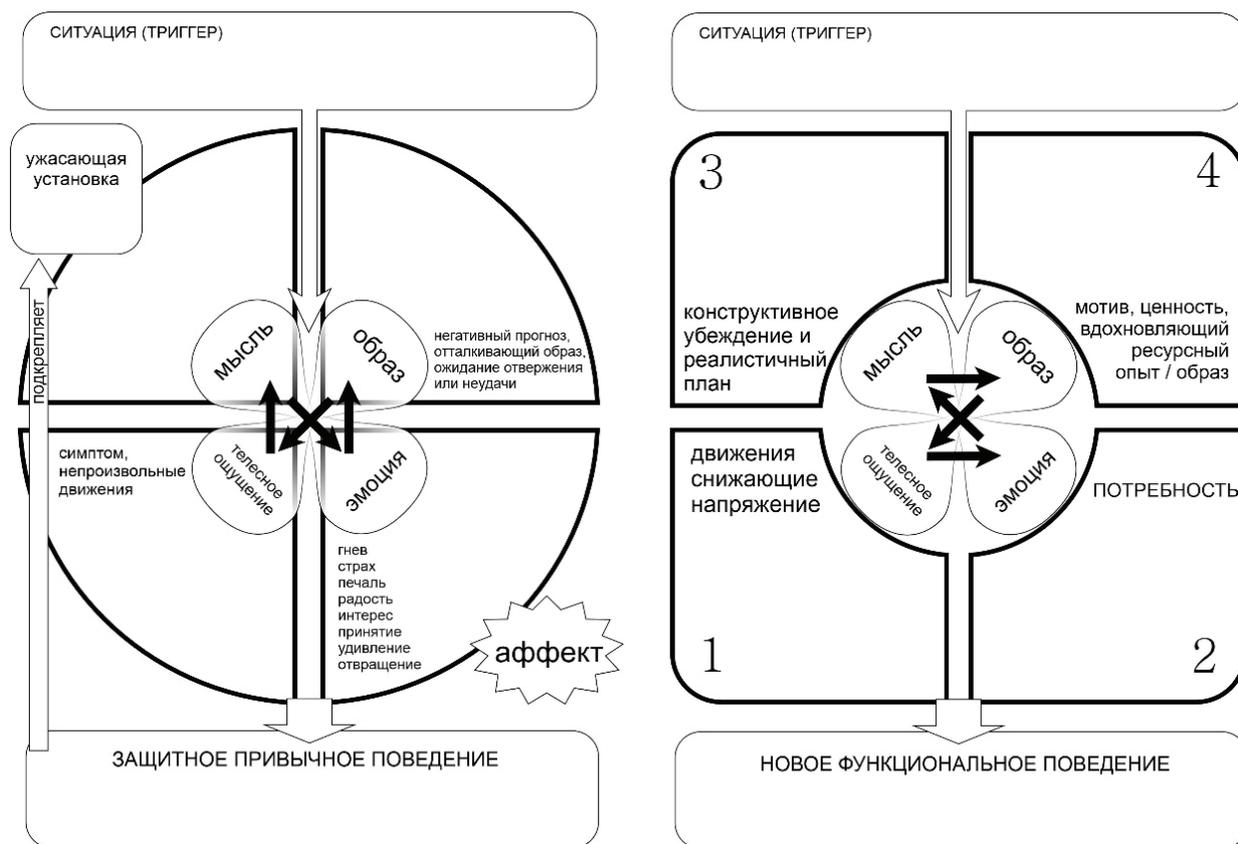

Рис. 3. Опорная схема

симости от того блока схемы, в контакте с которым клиент испытывает наибольшие затруднения. Примечательно, что сами клиенты контринтуитивно тяготеют к модальностям психотерапии, которые концентрируются на хорошо осознаваемых ими сферах психических процессов. Например, при слабом контакте с ощущениями в теле наиболее эффективным будет вмешательство в формате телесно-ориентированных динамических подходов, а клиент с большой вероятностью предпочтет арт-терапию. А при сильно развитых защитах по типу интеллектуализации и рационализации способные к схоластике клиенты комфортно чувствуют себя в работе в нарративных подходах (например, классический психоанализ), в то время как

быстрые результаты терапии более вероятны в их случае при анализе актуальных потребностей через концепцию базовых эмоций («врожденных аффектов» по Томкинсу) [6].

Таким образом, была представлена объяснительная интегративная модель протекания психических процессов, обуславливающих спектр возможных реакций человека на триггер (событие). Она может применяться как прикладной инструмент в работе с клиентами и как диагностический инструмент для выбора модели психокоррекционного вмешательства в интегративном подходе. Для установления обоснованности этой модели необходимы дальнейшие эмпирические исследования.

Литература:

1. Интегративная психотерапия. Европейская ассоциация интегративной психотерапии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euroaip.eu/integrative-psychotherapy/>
2. Семенов И. Н. Социокультурная рефлексия столетнего развития российской психологической науки: к 100-летию советской психологии (1918–2018). Вестник Московского университета. Серия 14 [Электронный ресурс]. URL: <https://mspsyj.ru/articles/article/7688/>
3. Цветков, А. В. Нейропедагогика предметно-развивающей среды / А. В. Цветков.— М.: Издание книг ком, 2020.— 94 с.
4. Цветков А. В. Нейропедагогика воспитания: [16+] / А. В. Цветков.— М.: Издание книг ком, 2019.— 138 с.
5. Цветков А. В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: диссертация... кандидата психологических наук: 19.00.07.— М., 2006.— 157 с.
6. Цветкова Л. С. Нейропсихология как стиль жизни: [12+] / редактор-составитель Цветков А. В.— М.: Издание книг.ком, 2024.— 286 с.
7. Эрскин Р. Г. Методы Интегративной Психотерапии [Электронный ресурс]. UR: <https://www.integrativetherapy.com/ru/articles.php?id=95>

Особенности защитных механизмов личности у тревожных подростков

Новикова Ксения Владимировна, кандидат психологических наук, доцент;
Казанцева Маргарита Павловна, студент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассматривается исследование особенностей защитных механизмов личности у тревожных подростков. Представлены результаты методик «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина», автор Ч. Спилбергер, в адаптация Ю. Л. Ханина; «Методика измерения психологической защиты (МИПЗ)» авторы Е. Р. Пилюгина, Р. Ф. Сулейманов.

Ключевые слова: защитные механизмы личности, подростковый возраст, тревожность, психологические защиты личности.

В современном мире всё больше подростков испытывают тревожность. Стресс и психологические проблемы, связанные с психосексуальным развитием, эмоциональной нестабильностью, неопределённостью социального статуса и изменчивостью общественных ценностей, способствуют этому.

Изучение психологических защит личности особенно актуально в подростковом возрасте, и в период перехода от подросткового к юношескому возрасту, поскольку именно в это время происходит формирование личности и мировоззрения. В этот период возникают ключевые вопросы, такие как определение дальнейшего пути, выбор профессии, умение брать на себя ответственность за свои решения и принятие новых ролей в семье и обществе. Отсутствие необходимых навыков, стратегий поведения и знаний о том, как справляться со стрессом, может привести к сильному эмоциональному напряжению. В таких ситуациях подростки часто прибегают к защитным механизмам, которые иногда могут быть деструктивными. Некоторые неэффективные методы психологической защиты могут вызвать отклонения в поведении и привести к девиантному поведению.

В связи с этим растёт интерес к исследованию механизмов психологической защиты, способствующих поддержанию стабильности и эмоционального принятия подростками себя и своего окружения.

В российской и зарубежной литературе существуют две основные точки зрения. Некоторые исследователи считают психологическую защиту естественным и важным механизмом, который помогает справляться со стрессом. Другие утверждают, что чрезмерное использование защитных механизмов может привести к негативным последствиям, таким как повторение прошлого опыта и ухудшение взаимодействия с окружающим миром, вместо эффективного разрешения конфликтов [6].

Д. Б. Карвасарский определил механизмы психологической защиты «как система адаптивных реакций личности, направленная на защитное изменение значимости дезадаптивных компонентов отношений — когнитивных, эмоциональных, поведенческих — с целью ослабления их психотравмирующего воздействия на Я-концепцию больного» [1]. По мнению В. Е. Рожнова механизмы защиты — это ««психическая деятельность, направленная на спонтанное изживание последствий психической травмы» [4]. В. А. Ташлыков под защитными механизмами понимал «адаптивные механизмы, направленные на редукцию патогенного эмоционального напряжения, предохраняя от болезненных чувств и воспоминаний и дальнейшего развития психологических и физиологических нарушений» [5].

При изучении различных подходов к определению понятия становится ясно, что все они акцентируют внимание на защитной реакции в ответ на стрессовые, тревожные или трудные обстоятельства. Эта реакция направлена на уменьшение внутреннего напряжения и сохранение психологического комфорта.

А. М. Прихожан считает тревожность устойчивой чертой личности, которая проявляется в склонности воспринимать нейтральные ситуации как угрозу самооценке, представлениям о себе, личным интересам и ценностям.

В. В. Давыдов рассматривает тревожность как индивидуальную психологическую особенность, проявляющуюся в чувстве беспокойства в разных жизненных ситуациях.

Г. Г. Аракелов, Н. Е. Лысенко, Е. Е. Шотт определяют тревожность как психологическое явление, которое описывает состояние индивида в определённый момент времени и одновременно является свойством каждого человека.

Э. Эриксон отмечает, что уровень тревожности у подростков повышается в процессе полового созревания, формирования идентичности, установления межличностных отношений и в зависимости от статуса, занимаемого подростком в группе сверстников [2].

Для определения особенностей защитных механизмов личности у тревожных подростков нами была проведена диагностика с использованием методик «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина» автор Чарльз Спилбергер, адаптация Ю. Л. Ханин; «Методика измерения психологической защиты (МИПЗ)» авторы Е. Р. Пилюгина, Р. Ф. Сулейманов. Исследование проводилось на базе МАОУ «Математический Лицей» г. Хабаровска. В исследовании приняли участие ученики девятого, десятого и одиннадцатого классов, в возрасте 16–18 лет, выборка представлена в количестве 36 человек.

Обратимся к результатам диагностики по методике «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина» Чарльз Спилбергер, в адаптации Ю. Л. Ханина.

Целью методики является выявление уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность, как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека).

Результаты данной методики позволили нам определить показатели ситуативной и личностной тревожности подростков в процентном соотношении.

Анализ результатов по выявлению ситуационной тревожности показал, что у исследуемых подростков наблюдается преобладание высокого уровня реактивной тревожности, он от-

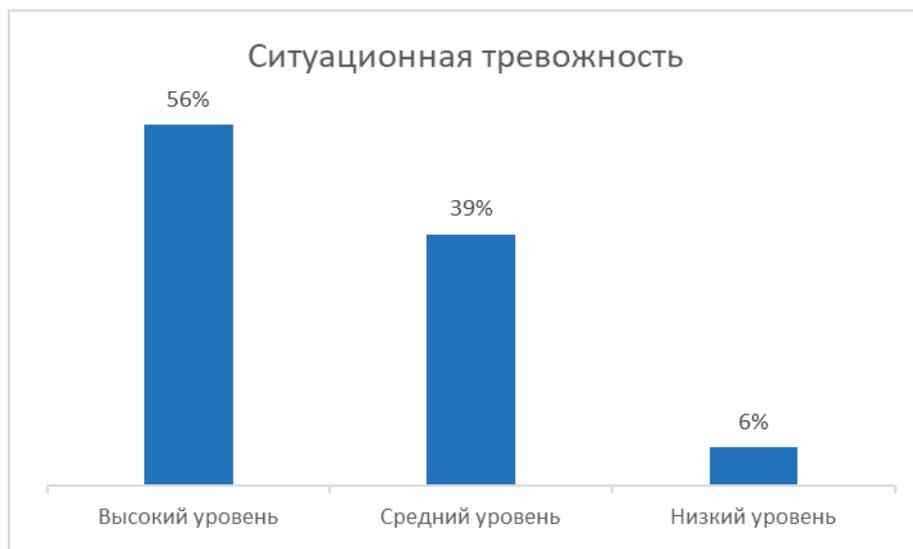

Рис. 1. Результаты по шкале «Ситуативная тревожность» методики «Шкала тревоги Спилбергера — Ханина»

мечен у 56% опрошенных, у 39% исследуемых выявлен средний уровень ситуационной тревожности, а у 6% — низкий. Подростки с высоким уровнем ситуативной тревожности склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма выраженным состоянием тревожности.

Высокий уровень личностной тревожности выявлен у 69% испытуемых, у 28% наблюдается средний уровень, а у 3% — низкий. При высокой личностной тревожности каждая ситуация будет обладать стрессовым воздействием на субъекта и вызывать у него выраженную тревогу.

По результатам методики из 36 опрошенных подростков было выбрано 24 человека с ярко выраженной тревожностью для дальнейшего исследования особенностей защитных механизмов у тревожных подростков.

Перейдем к результатам методики «Методика измерения психологической защиты (МИПЗ)» авторы Е.Р. Пилюгина, Р.Ф. Сулейманов, которые представлены в таблице 1.

Данная авторская психодиагностическая методика измеряет 20 механизмов психологической защиты: диссоциация, вытеснение, ипохондрия, регрессия, изоляция, отрицание, пассивная агрессия, компульсивное поведение, проекция, замещение, рационализация, избегание, реактивное образование, компенсация, всемогущий контроль, сублимация, альтруизм, подавление, предвосхищение, юмор. Достоинства данной методики заключаются в простоте исследовательского процесса, независимости результата от личности исследователя и широком спектре измеряемых механизмов защиты [3].

По данным таблицы 1 следует, что у группы тревожных подростков из 24 человек, высокий уровень выраженности

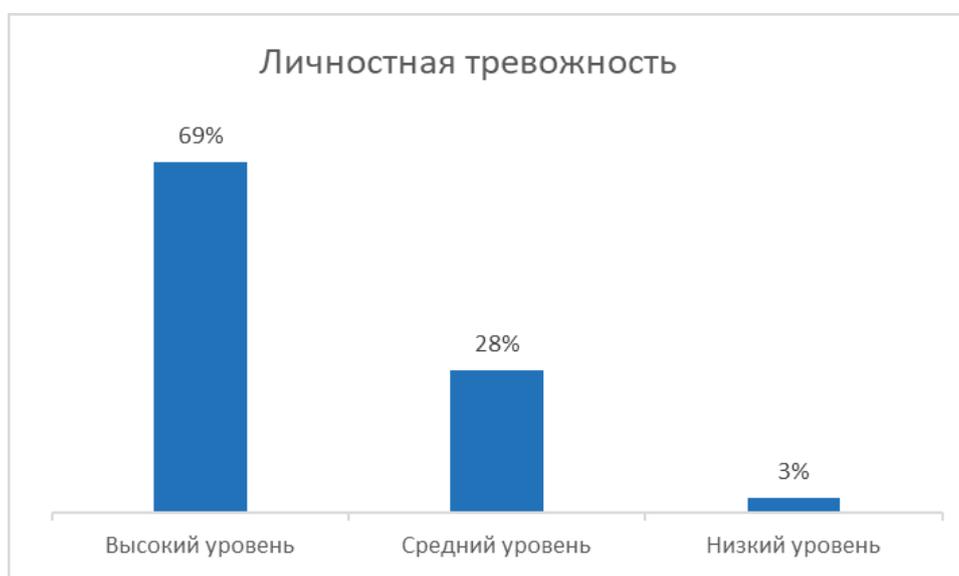

Рис. 2. Результаты по шкале «Личностная тревожность» методики «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина»

Таблица 1. Результаты методики измерения психологической защиты (МИПЗ), авторы Е. Р. Пилюгина, Р. Ф. Сулейманов

	Процентный показатель количества опрошенных с низким уровнем выраженности	Процентный показатель количества опрошенных со средним уровнем выраженности	Процентный показатель количества опрошенных с высоким уровнем выраженности
Диссоциация	11%	69%	19%
Регрессия	17%	58%	25%
Ипохондрия	0%	39%	61%
Изоляция	19%	56%	25%
Вытеснение	8%	86%	6%
Замещение	33%	53%	14%
Проекция	6%	61%	33%
Компульсивное поведение	8%	39%	53%
Пассивная агрессия	14%	69%	17%
Отрицание	19%	72%	8%
Рационализация	14%	72%	14%
Избегание	44%	44%	11%
Реактивное образование	17%	69%	14%
Компенсация	22%	64%	14%
Всемогущий контроль	42%	50%	8%
Сублимация	8%	56%	36%
Альтруизм	11%	36%	53%
Подавление	6%	69%	25%
Предвосхищение	0%	44%	56%
Юмор	11%	33%	56%

имеют такие психологические защиты, как ипохондрия (61% чел.), комппульсивное поведение (53% чел.), альтруизм (53% чел.), предвосхищение (56% чел.), юмор (56% чел.). Можно сделать вывод о том, что вышеперечисленные защитные механизмы личности используются чаще всего у тревожных подростков. Избегание, как психологическая защита личности, выражена у 44% опрошенных в низкой и средней степени.

Избегание, как психологическая защита личности, выражена у 44% опрошенных в низкой и средней степени.

Что касается таких психологических защит как диссоциация (69% чел.), регрессия (58% чел.), изоляция (56% чел.), вытеснение (86% чел.), замещение (53% чел.), проекция (61% чел.), пассивная агрессия (69% чел.), отрицание (72% чел.), рационализация (72% чел.), реактивное образование (69% чел.), компенсация (64% чел.), всемогущий контроль (50% чел.), сублимация (56% чел.), подавление (69% чел.), то они выражены у группы респондентов в средней мере, что говорит о проявлении данных психологических защит ситуационно. То есть, в зависимости от возникшей перед человеком ситуации, будет второстепенно ис-

пользован тот или иной механизм психологических защит, которые были перечислены выше.

Результаты нашего исследования подтвердили наличие проблемы тревожности среди подростков; выявили, к каким защитным механизмам личности прибегают тревожные подростки, а именно ипохондрия, комппульсивное поведение, альтруизм, юмор, предвосхищение. Следует заметить, что предвосхищение, юмор и альтруизм относятся к защитами высшего адаптивного уровня (механизмы основаны на силе воли и самоконтроле личности, контролируются рефлексией, оказывают благотворное влияние на жизнь личности и одобряемы социумом). В таблице иерархии механизм комппульсивное поведение отнесен к инфантильному уровню (подобные личности чересчур подвластны своим эмоциям — страх, обида, гнев и тому подобные эмоции слишком болезненны для них, отсюда свойственно стремление снять напряжение ситуации «здесь и сейчас» любым доступным способом либо перенести ответственность на окружающих). Ипохондрия же принадлежит психотическому уровню (оказывает деструктивное влияние на личность и ухудшает ее социальную адаптацию).

Литература:

1. Карвасарский, Б. Д. Психотерапия / Б. Д. Карвасарский. — М.: Медицина, 1985. — С. 34.
2. Косарева, В. А. Влияние тревожности подростка на его социометрический статус в группе / В. А. Косарева. — Текст: электронный // Управление образования администрации Ковровского района. — 2022. — URL: obrkovrr.ru/upload/image/file/-/опыт_психолог.pdf (дата обращения: 13.05.2024).

3. Пилюгина Е. Р., Сулейманов Р. Ф. Методика измерения психологической защиты // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 2. С. 194–209. DOI: 10.17759/exppsy.2020130213
4. Рожнов, В. Е. Учение о бессознательном и клиническая психотерапия: постановка вопроса / В. Е. Рожнов, М. Е. Бурно // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тбилиси, 1978. Т. 2.
5. Ташлыков, В. А. Психология лечебного процесса / В. А. Ташлыков. — М., 1984. — 191 с.
6. Шеенко, Е. И. Механизмы психологической защиты личности в подростковом возрасте / Е. И. Шеенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 50 (497). — С. 480–482. — URL: <https://moluch.ru/archive/497/109111/>

Связь учебной мотивации и школьной тревожности у младших школьников

Овчинникова Анна Игоревна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Актуальность исследования обусловлена активным изучением школьной тревожности и учебной мотивации у детей на различных этапах обучения в современной психологической литературе. Мотивационный аспект у учеников начальных классов значительно трансформируется и дополняется учебно-познавательными мотивами. В то же время, уровень школьной тревожности может быть связан, а также оказывать влияние на особенности учебной мотивации школьников. Сегодня образовательные программы и психологический климат в младших классах также подвергаются изменениям, что также влияет на учебный процесс.

Проблему школьной тревожности исследовали такие ученые, как В. Р. Кисловская, А. М. Прихожан, Ю. Л. Ханин, И. А. Мусина, В. М. Астапов, Г. Ш. Габдреева, В. А. Ананьев и др.

А. М. Прихожан определяет тревожность как состояние целесообразного подготовительного повышения сенсорного внимания и моторного напряжения в ситуации возможной опасности, обеспечивающее соответствующую реакцию на страх. [5]

Изначально тревожность необходима для повышения адаптационных возможностей психики и организма к постоянно меняющимся условиям, однако в настоящее время высокая личностная тревожность является распространенной проблемой и приводит к ряду негативных последствий. Школьная тревожность может проявляться у учеников практически с самого начала их обучения в школе, чаще всего вызываемая в определенных ситуациях, вызывающих неприятные переживания у ребенка. Когда таких неприятных ситуаций становится много, это непосредственно влияет на активность ребенка в учебном процессе и его желании учиться. [1]

Изучением школьной мотивации занимались такие отечественные ученые, как Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, А. В. Карпов, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. Д. Шадриков, П. М. Якобсон, и зарубежные ученые Б. Вайнер, Д. Бруне, Т. Новацкий, К. Томашевский, Х. Хекхаузен и др.

Мотивация как психологическое понятие имеет сложную многомерную структуру. Так, по А. К. Марковой, мотивация включает в себя систему потребностей, мотивов, ценностей, интересов, намерений, идеалов, по ее мнению, становление учебной мотивации — это не только «появление положитель-

ного отношения к обучению, но и усложнение структуры мотивационной сферы, побуждений, входящих в нее» [2]

А. Н. Леонтьев определял мотивы учебной деятельности младшего школьника, как «объект, который отвечает той или иной потребности ребенка, а также побуждает и направляет его учебную деятельность» [3].

У младших школьников складываются отдельные мотивы, определяющие характер учебной деятельности, — познавательные мотивы, позволяющие заглянуть в сущность мироздания, и социальные мотивы, создающие основу для совместной учебной работы. Между тем эти мотивы слабо связаны между собой, ситуативны, неустойчивы.

Выборку эмпирического исследования составили 29 учащихся 2 класса. Исследование проводилось на базе МБОУ «СОШ № 20» г. Белгорода.

Для определения уровня учебной мотивации младших школьников была использована «Методика исследования школьной мотивации» (Н. Г. Лусканова). Для определения особенностей школьной тревожности у детей младшего школьного возраста был использован «Тест школьной тревожности» Филлипса.

После проведения исследования уровня школьной мотивации среди 29 младших школьников были получены следующие результаты (рис. 1):

10% опрошенных детей имеют негативное отношение к школе, у 35% был выявлен низкий уровень школьной мотивации, 20% учеников имеют в целом позитивное отношение к школе, однако в учебной мотивации преобладают внешние мотивы, 31% младших школьников присуща хорошая учебная мотивация, и только 1 ребенок (4%) обладает высоким уровнем школьной мотивации и учебной активности.

Рассмотрим результаты, полученные при исследовании школьной тревожности младших школьников (рис. 2.).

По шкале общей школьной тревожности у 41% учеников показатели не превышают норму, примерно у трети детей (34%) наблюдается повышенный уровень тревожности и четверть учеников (25%) обладает выраженным высоким уровнем тревожности в школе, что говорит об их неблагоприятном эмоциональном состоянии, связанном с нахождением в школе и процессом обучения.

Рис. 1. Распределение младших школьников по уровню учебной мотивации (%)

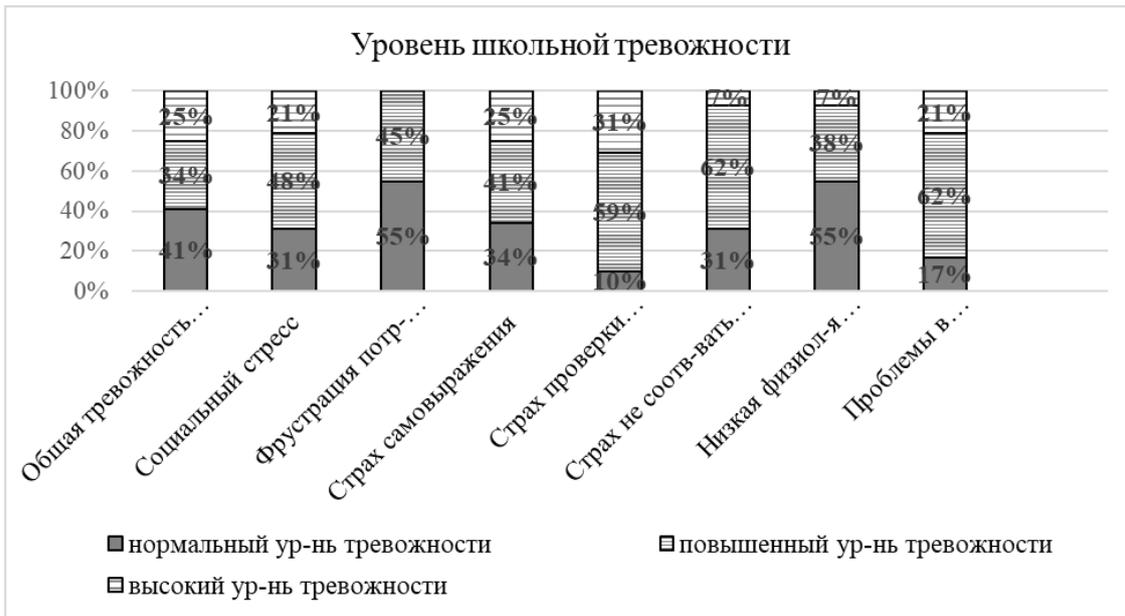

Рис. 2. Распределение младших школьников по уровню выраженности показателей школьной тревожности (%)

Примерно треть детей (31%) не испытывают переживания социального стресса или испытывают в небольших количествах, однако почти половина детей в классе (48%) имеют повышенный уровень по данной шкале, а 21% — выраженный высокий уровень.

Большинство учащихся в классе (55%) не испытывают фрустрации потребности в достижении успеха. Меньшая половина класса (45%) имеют повышенный уровень этого показателя.

Страх самовыражения испытывает большинство опрошенных детей (41%), выражен этот показатель у 25%, треть класса (34%) не имеет значительных проблем, связанных со страхом самовыражения.

Подавляющее большинство учеников, за исключением 10%, испытывают страх перед ситуацией проверки знаний либо в повышенной (59%), либо в выраженной высокой (31%) степени. Повышенный страх не соответствовать ожиданиям окружающих также присущ большинству детей в классе (62%).

Половина детей в классе (55%) имеет нормальную сопротивляемость стрессу на физиологическом уровне, однако у части детей сопротивляемость снижена в умеренной (39%) или выраженной (7%) форме.

Наконец, большинство учеников испытывает тревогу и страх по поводу отношений с учителем (62% повышенный уровень, 21% выраженный).

В результате проведенного анализа были выявлены статистически значимые обратные корреляционные связи по нескольким показателям.

Была выявлена взаимосвязь с показателем тревожности в целом ($r = -0,406, p \leq 0,05$), связь с общим показателем тревожности в школе ($r = -0,384, p \leq 0,05$), связь с показателем физиологической сопротивляемости стрессу ($r = -0,489, p \leq 0,01$), связь со страхами в отношениях с учителем ($r = -0,409, p \leq 0,05$).

Другими словами, школьная тревожность имеет обратную корреляцию с показателем учебной мотивации младших школьников по нескольким направлениям.

Повышение общего уровня тревожности ребенка под воздействием негативных переживаний, связанных со школой, чаще всего приводит к снижению школьной мотивации и желания активно участвовать в учебном процессе.

Статистически значимая обратная связь присутствует у школьной мотивации и способности сопротивляться стрессу

на психофизиологическом уровне. Ребенок с низкой психофизиологической сопротивляемостью стрессу может испытывать трудности с тем, чтобы приспособиться к стрессовым и неожиданным ситуациям в школе, чрезмерно и неадекватно реагировать на небольшие неурядицы и в связи с этим формировать негативное отношение к учебе, иметь низкую учебную мотивацию.

Страх и наличие проблем в отношениях с учителем имеют связь со снижением учебной мотивации школьников. Учитель

в младшем школьном возрасте является одной из главных авторитетных фигур ребенка и играет главную роль в формировании у детей стремления к обучению. Проблемы во взаимоотношении с учителем тесно связаны со снижением учебной мотивации школьников и повышением их школьной тревожности.

Таким образом, гипотеза о том, что существует связь между учебной мотивацией и школьной тревожностью у младших школьников, а именно: чем выше уровень школьной тревожности, тем ниже уровень учебной мотивации, подтверждена.

Литература:

1. Божович Е. Д. Вероятностный характер связи между внутри- и межличностной конфликтностью подростков [Текст] / Е. Д. Божович — Психологическая наука и образование. — 2007. — № 2. — С. 5–15.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология [Текст] / И. А. Зимняя. — Москва: ВЛАДОС, 2004. — С. 217–230.
3. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции [Текст] / А. Н. Леонтьев — М., 1971. — 130 с.
4. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения: книга для учителя [Текст] / А. К. Маркова. — М.: Просвещение, 1990. — 104 с.
5. Шадриков, Владимир Дмитриевич. Введение в психологию: способности человека [Текст] / В. Д. Шадриков. — Москва: Логос, 2002. — 159 с.

Методическая разработка психологической игры «Построй свой дом-крепость»

Парфенова Светлана Валериевна, студент
Московский институт психоанализа

В статье представлена методическая разработка психологической игры «Построй свой дом-крепость» для коррекционной работы с семьями, в которых воспитываются дети с заиканием.

Ключевые слова: психологическая коррекция заикания, дети дошкольного и младшего школьного возраста с заиканием, родители, семья.

На сегодняшний день заикание остаётся серьёзной речевой патологией, трудно поддающейся лечению и коррекции. Заикание — это своеобразный невроз, спорадически в процессе речи внешне проявляющийся в судорогах звукопроизводящих механизмов, с одновременными болезненными изменениями в сфере психической, в частности — эмоциональной и волевой [1, с.142]. Подобный дефект речи имеет стойкий характер и без психолого-педагогической коррекции и родительской помощи не проходит.

Именно родителям и семье отводится одна из значимых ролей в коррекции заикания. Семья ребенка — это первичная система, в которую он включен, и поэтому обладает мощным потенциалом как к инициированию патологии, так и к борьбе с негативными последствиями патогенных событий [2, с.227].

Необходимо отметить, что родители очень тяжело переживают наличие физического дефекта у ребенка. У них наблюдается повышенная тревожность, связанная с тем, что могут не оказать ему необходимую помощь. Очень часто многие из них переживают моменты безысходности и ощущения неэффективности усилий, приложенных для реабилитации, на которую уходит много сил, времени и финансовых вложений. Ситуация усугубляется тем, что результат реабилитации видно не сразу, порой уходят годы. Это ослабляет уверенность в том, что путь выбран правильно [3].

Неосознанные психологические установки родителей относительно развития детей выражаются в родительских директивах (предписаниях) и оказывают влияние на все сферы детской психики: эмоционально-волевою, личностную и интеллектуальную. Родительские установки могут быть как общими, так и частными, относительно конкретного вида деятельности, но в любом случае они проецируют на ребенка опыт, пережитый родителями. Ребенок наиболее восприимчив к родительским установкам в возрасте от 2 до 6 лет. Родительские установки формируют собственные установки ребенка [3].

Заикание у детей развивается в тесном взаимодействии с личностными и поведенческими нарушениями и во многом зависит от нервно-психического состояния ребенка, что обуславливает сложную симптоматику и собственно речевые нарушения. Изменения в нервно-психическом состоянии детей часто связаны не только, а иногда и не столько с появившимся заиканием, сколько с особенностями развития индивида. Речевое нарушение, как правило, лишь усугубляет проявление тех отклонений в развитии, которые у ребенка уже были или наметились. Большую роль играют также дефекты воспитания, неровное отношение к ребенку (то его заласкивают, то непомерно ругают за малейшую провинность), конфликтные ситуации

в семье и др. Иногда к заиканию приводит подражание неправильной речи родителей или кого-то из родственников [4].

Е. Н. Садовникова выделяет логопсихокоррекционный подход в коррекции заикания, как один из самых перспективных на сегодняшний день. Данный подход включает совместное использование психокоррекционных и логопедических методик воздействия. А также предполагается тесное сотрудничество специалистов, ученика и его семьи [5, с.6].

Таким образом важной задачей в коррекционной работе с заикающимися детьми является устранение психологических проблем, воспитание правильного отношения к своему дефекту. Поэтому большое место в занятиях занимает психологическая коррекция, которая начинается с психологической диагностики ребенка и семьи.

Актуальность методической разработки психологической игры «Построй свой дом-крепость» заключается в том, что данная техника позволяет психологу наблюдать за совместной деятельностью родителей и ребенка, что позволяет исследовать детско-родительские отношения, а также отношения между родителями, что является важным аспектом для дальнейшей логопсихокоррекционной работы.

Психологическая игра «Построй свой дом-крепость» — это совместная родительско-детская игра, основанная на плаготерапии, игре с кинетическим песком.

Цель игры: диагностика детско-родительских отношений.

Задачи игры:

- оценить эмоциональную окраску взаимоотношений ребенок-родитель, родитель-родитель, родитель-ребенок-родитель;
- оценить степень коммуникативного взаимодействия между членами семьи;
- определить степень понимания родителями своего ребенка.

1-й этап игры:

Материалы: кинетический песок разных цветов, фигурки мамы, папы, детей, домашних животных, деревьев, цветов и т.д.

Инструкция: «Перед Вами Вы видите кинетический песок различных цветов. Предлагаю Вам построить свой дом-крепость. Прошу каждого члена семьи внести свой вклад в строительство Вашего дома-крепости. Желаю Вам удачи в строительстве!»

Обсуждение: После завершения строительства дома-крепости участникам предлагается рассказать о своей постройке, о своих эмоциях и чувствах в отношении самого процесса строительства, а так же дать название своему дому-крепости.

Схема обсуждения дома-крепости (пример):

1. «Расскажите о Вашем доме-крепости». Пусть участники пофантазируют и придумают историю их жизни в доме-крепости.
2. «Расскажите о Ваших чувствах к Вашему дому-крепости».
3. «Оцените, как Вы взаимодействовали во время строительства. Оцените работу членов Вашей семьи»
4. «Пожелайте своей семье, что бы Вы хотели для счастливой жизни в построенном доме-крепости».

Каждый представитель семьи по очереди делится своими мыслями и чувствами, своим отношением к происходящему.

В ходе строительства и самой игры психолог осуществляет фотосессию.

2-й этап игры:

Материалы: фотографии из первого этапа игры, фотоальбом, фломастеры.

Инструкция: «Перед Вами фотографии, на которых запечатлен ход строительства Вашего дома-крепости, фотоальбом, фломастеры. Создайте фотоальбом-память о строительстве своего дома-крепости. С помощью фломастеров дайте альбому название в честь Вашего дома (которое участники придумали на 1-м этапе игры).

На последнем листе альбома напишите каждый свое пожелание своей семье».

Основные критерии диагностики результатов психологической игры «Построй свой дом-крепость»:

- *Эмоциональная составляющая взаимодействия в процессе игры* (доброжелательность/грубость, ласковость/жесткость, тактильный контакт/отстраненность и т.д.);
- *характер общения* (интонация высказываний, употребление уменьшительно-ласкательных слов/грубых слов, обращение к друг другу и т.д.);
- *проявление инициативы, самостоятельность, вовлечение в игру участников процесса* (участвует/не участвует, активен/не активен, интересно/не интересно и т.д.);
- *стиль общения* (конфликтное, гармоничное, несогласованное, родитель «диктатор», ребенок «диктатор»).

Психолог-наблюдатель отмечает в бланке регистрации наблюдения характерный тип и особенности взаимодействия на различных этапах игры: сотрудничество, подавление одним из участников, игнорирование потребностей партнера, соперничество (конкуренция), согласие, ориентация на интересы партнера и т.д.

Психологическая игра «Построй свой дом — крепость» используется на первых занятиях по коррекции заикания, в качестве диагностического инструмента, а также может проводиться и в процессе коррекции для решения проблем в детско-родительских отношениях.

Примерный бланк регистрации результатов наблюдения, в ходе психологической игры «Построй свой дом-крепость»

Родитель (имя) _____

Ребенок (имя) _____ возраст _____

Наименование психологической игры	Игра «Построй свой дом-крепость» из кинетического песка
Эмоциональная составляющая взаимодействия в процессе игры	

характер общения	
Проявление инициативы со стороны Родителей (мамы и папы)	
Проявление инициативы со стороны ребенка	
Спрашивает ли родитель (мама и папа) мнения ребенка	
Спрашивает ли ребенок мнения родителей (мамы и папы)	
Может ли ребенок отказаться от мнения родителей	
Может ли родитель (мама и папа) отказаться от мнения ребенка	
Легко ли ребенок принимает отказ	
Легко ли родитель (мама и папа) принимает отказ	
Легко ли родители взаимодействуют друг с другом	
Проявление самостоятельности (действует ли ребенок свободно или ориентируется на взрослого и ждет его одобрения)	
Стиль общения между ребенок-родители, родитель-родитель	

Литература:

1. Хватцев, М. Е. Логопедия: учебник для пед.институтов./М. Е. Хватцев-М.:1937.-С.299.
2. О’Коннор, К. Теория и практика игровой психотерапии.2-е изд./ К.О’Коннор —СПб.: Питер, 2002.-С.464.
3. Туровская, Н.Г. Исследование родительских установок в семьях, воспитывающих детей с детским церебральным параличом./ Н.Г. Туровская, А. И. Фомиченко // Молодой ученный.— 2022.— № 33(428).— С. 119–122.
4. Большина, А. А. Заикание дошкольников как психологическая проблема./ А. А. Большина//Международный студенческий научный вестник.-2015.-№ 5 — С. 165–166.
5. Садовникова, Е. Н. Заикание с позиции логопсихокоррекционного подхода./Е. Н. Садовникова-М.: ЛОГОМАГ, 2014.— С. 159.

Концепция интегративной психотерапии

Пещерский Александр Игоревич, генеральный директор
 ООО «Интегративная Психотерапия» (г. Екатеринбург)

Статья освещает процесс развития и трансформации классических подходов в психологии в новые мультидисциплинарные направления, такие как интегративная психотерапия. Обсуждается историческая трансформация философских взглядов в структурированную науку психологии, начиная с работ Г. Челпанова до современных психотерапевтических подходов. В статье подчеркивается важность междисциплинарного взаимодействия в современной психологии, объединяющего нейропсихологию, клиническую психологию и другие области для глубокого понимания психики. Основное внимание уделяется «интегративной психотерапии», которая интегрирует различные теории и методы для комплексного понимания и лечения психологических расстройств.

Ключевые слова: интегративная психотерапия, мультидисциплинарный подход, трансформация психологии, нейропсихология, клиническая психология, психотерапевтические техники, психические процессы, фундаментальная психология, междисциплинарное взаимодействие.

У каждого нового направления или подхода есть богатая история становления и большое количество трудов, предшествующее открытию или же аккомодации человеческого опыта, которая переходит в концепции, методы, технологии, техники, гипотезы, теории, направления, а также проявляется в любом научном и практическом применении.

В истории психологии [5] было множество примеров как взгляды философов из «донаучного периода» трансформировались и создавали отдельную науку — психологию. Один из примеров трансформации — это «элементарный курс фило-

софии» профессора Г. Челпанова, который так и называется — ч. 1 «Психология» [12].

Ни для кого не секрет, что психология — это очень молодая наука и за последние 30 лет мы увидели много новых направлений из сочетаний уже классических подходов. В результате чего появились: символдрама, психодрама, сказкотерапия, схематерапия, логотерапия, КПТ «3-й волны» [2], также есть новые разработки психоанализа [9], в которых идет переосмысление ранних трудов и углубление самого направления и это касается каждого классического подхода и направления.

По сравнению с первыми работами В. Вундта [4] в современном мире ученые продвинулись невероятно далеко в изучении человека и протекающих психических процессов.

Для развития психологии как науки и изучения психики человека стало важно не только понимание биологических и социальных факторов из разряда мышление — эмоции — реакции — «сфера обитания» [3]. Современная психология — это все больше и больше сочетание с дополнительными и смежными дисциплинами такими как: нейропсихология, нейрофизиология, психофизиология, клиническая психология и, конечно, психиатрия и др.

Исходя из вышеперечисленного можно предположить, что «классические» направления и подходы психотерапии должны либо стать фундаментом для новых направлений, либо измениться — трансформироваться во что-то новое, либо еще больше углубляться в рамках своего направления с учетом новых открытий в области работы/функционирования психики и человеческого организма в целом.

Многие психологи часто не придерживаются одного направления или подхода и называют себя «полимодалными» или же психологами, что работают в «полимодалном подходе». Ключевая особенность и, в каком-то роде, один из недостатков «полимодалного подхода» — отсутствие единой системы обучения и отсутствия единого подхода (концепции).

В большинстве своем — это психологи, что изучали взгляды З. Фрейда, Э. Фромма, К. Ясперса, К. Юнга, Ф. Перлза, Э. Берна, А. Бэка, Дж. Янга, И. Ялома, И.П. Павлова, И.М. Сечена, Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева и других ученых, психологов, психиатров, психотерапевтов, но не стали углубляться и/или оставаться в одном подходе/направлении по различным причинам, включая противопоставление одного подхода или направления другому.

Как пример, это привело к тому, что один психолог/психотерапевт может знать разные направления и подходы, а его коллега может знать совершенно другие направления и подходы — в итоге оба работают в «полимодалном подходе».

В результате появилось неофициальное, но хорошо укоренившееся название «полимодалный подход», которое известно как в России, так и в других странах. Часто можно встретить сочетания «полимодалный», «мультимодалный», «интегративный» как слова-синонимы.

«Интегративная психотерапия» или же направление, которое я разрабатываю практически на протяжении 10 лет, отличается от «полимодалного подхода», а также нет концептуальных споров с другими направлениями и подходами. «Интегративная психотерапия», если можно так выразиться, берет в себя проверенные временем теории, гипотезы, технологии и техники разных направлений и подходов и показывает, как «это» все можно гармонично объединять.

Интегративная психотерапия обладает собственной концепцией, является целостным и новым современным направлением в психотерапии, в которой есть интеграция классической или же фундаментальной психологии, междисциплинарная связь с другими направлениями, а также гипотезы и теории с учетом современных исследований в области психодиагностики, нейро/психофизиологии, также есть собственная система обучения [1].

Если говорить конкретнее, то фундаментальная ступень научного знания — это работы по физиологии, психофизиологии, нейропсихологии и нейропсихофизиологии, смежных дисциплин и, конечно же клинической психологии и психиатрии как Российских, так и зарубежных ученых [8].

Следующая обязательная надстройка для понимания работы психики и психических процессов — это классические фундаментальные направления и подходы в психологии, которые позволяют понимать, как работает психика человека на уровне бессознательного и предсознательного: психоанализ и его аналитические ответвления или же пути развития и трансформации психоанализа — также является необходимым базисом для многогранности понимания развития психики.

Следующий этап — это поведение человека, включая его неосознанное поведение и в данном случае теории и гипотезы, а также последующее развитие бихевиорального направления, включая психологию развития, что дополняет предыдущий блок.

Когда мы говорим про осознание собственной жизни и осознанные действия, а именно к этому мы стремимся в «интегративной психотерапии» или же к тому, чтобы человек осознанно управлял своей жизнью самостоятельно и насколько может отслеживает свои бессознательные процессы — здесь мы переходим к экзистенциальному анализу или же логотерапии, а также гештальт-подходу.

В итоге мы комплексно рассматриваем как развивается психика человека, где, как и на каком этапе может произойти нарушение в развитии, а также где может прерваться контакт с собой, с окружающим миром и другими людьми.

Но необходимо помнить и понимать, что человек — это уникальная личность со своими потребностями и ценностями. Поэтому обширные знания гуманистической психологии помогают отойти от «роботизированного» рассмотрения человеческой психики, а также углубляться более детально в процесс осознанности.

Также важно понимать, что без правильной психодиагностики, без понимания нарушений в развитии и/или психических процессов и самого формирования организма достаточно сложно эффективно выстраивать не только психотерапевтические отношения с клиентом, а также эффективно выстроить работу в разрешении клиентского и терапевтического запроса.

В результате «Интегративная психотерапия» — это объединение фундаментальных научных знаний, фундаментальной классической психологии и полного «арсенала» психотерапевтических технологий и техник, которые есть в психологических направлениях и подходах современности.

Концепция «интегративной психотерапии» строится на том, что: психика человека представляет собой не только систему, но и структуру. Отсюда меняя структуру, происходит изменение системы и наоборот. Человек живет в обществе и одновременно является самостоятельной единицей, частью мира и частью общества [1].

Основное внимание уделяется личности: сознание (лексика, поведение, мотивация и т.д.), бессознательное (образы, оговорки, защиты и т.д.), тело (психосоматика, реакции, работа головного мозга и ЦНС и т.д.), чувства (эмоциональный интеллект и эмоции, а также аффекты) [11].

Работа с психикой также выстраивается исходя из уровня организации личности: невротик, пограничник, психотик. Дополнительно рассматривается не только тип личности, но также и система: симптом-синдром-болезнь, особенно в какой среде «это» появилось и начало развиваться.

Можно представить систему (психику) со следующей структурой: «травма-адаптация-развитие» как хороший диагностический маркер.

Травма — это любой ущерб, нанесенный индивиду прямым или косвенным внешним воздействием, как физическим, так и психологическим [6].

Адаптация в широком смысле — приспособление к изменяющимся внешним и внутренним условиям [7]. Развитие — это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему [10].

Выделив контакт-границу через зону: «я-мир-другие люди». Необходимо понимать, что без контакта с «я» не будет дальнейшего «здорового» контакта с миром и другими людьми. Для наиболее «здорового» функционирования психики в «интегративной психотерапии» рассматривается насколько у человека нет «обрыва» или «зацикливания» в концепции «я-мир-другие люди» и любым из данных компонентов. На этом этапе происходит объединение с уровнем организации личности и пониманием, где прерывается контакт и что возможно сделать дальше, выбрать стратегию терапии и т.д.

Исходя из данной концепции, психические процессы, у человека развиваются именно по «спирали» через травму-адаптацию-развитие. Данный процесс может быть как линейным, так и нелинейным.

Необходимо также понимать, что психика — это динамичная система, поэтому каждый новый виток «спирали» будет, с одной стороны центрирован личностью, а с другой — обусловлен уровнем развития личности и внешними событиями.

Представьте себе гору. Представьте, как Вы поднимаетесь на нее и на самой вершине Вы видите, как перед Вами открываются новые горы. В итоге Вы достигли — Вы поднялись на гору, но, чтобы забраться на следующие — нужно будет спуститься и пойти дальше, но уже выше.

Например, у человека произошло травматическое событие в его жизни или же травма. Мы можем воздействовать на психику через адаптацию или через развитие либо работая с самой травмой.

В итоге: травма — это то, что нарушает контакт со структурой я-мир-другие люди. Происходит обрыв контакта на всех компонентах, либо «зацикливание» на себе, мире или других. Адаптация будет служить ярким маркером выхода из травмы

и восстанавливающим маркером связи между я-мир-другие люди, а развитие — это уже про нормальное функционирование здоровой психики в полноценном контакте между я-мир-другие люди.

Пример: произошло изнасилование (травма), и психологи могут работать с травмой определенное время и после «исцеления» — тупик — непонимание что делать дальше с клиентом и куда его вести.

Другой пример: человек хочет себя познать и после самоанализа понял свои копинги, психологические защитные механизмы и т.д., а что дальше? Еще пример: человек — карьерист — постоянно достигает новых высот, а почему? А есть ли тут проблема?

Уникальность «интегративной психотерапии» в том, что рассмотрение клиента многогранно, поэтому в случае с изнасилованием можно выйти через успехи на работе и травма будет «выправляться» куда быстрее, чем безостановочно работать только с травмой (например, безопасностью), т.е. вышли через структуру развития (успех на работе).

Клиент, который хочет узнать себя — это пример адаптации — познания себя. В итоге можно идти с клиентом в сторону развития или же преобразования жизни клиента к «лучшему и большему», если узнавание себя не является фасадом.

Человек-карьерист может так сильно бояться собственного одиночества, что невероятно бежит вперед, главное, чтобы не быть одному и поэтому не видит и не замечает собственную жизнь. Отсюда можно сделать вывод, что предел развития часто похож на начало травматического события и не допустить развитие травмы можно через адаптацию — узнавание себя или же через непосредственно травму.

Работая с клиентом, мы собираем классический анамнез: пол, возраст, наличие детей и семейное положение, социальный статус, психологические защитные механизмы, уровень организации личности, клиентский и терапевтический запрос и т.д.

Указанные примеры — это лишь небольшие гипотезы, которые можно выстраивать в достаточно большом количестве исходя из богатого знания разных направлений и подходов — именно приведенная система знаний и является необходимой для «интегративной психотерапии». Необходимо пройти все этапы обучения для многогранного понимания психики и ее развития и именно «интегративная психотерапия» может не только комплексно предоставить необходимые знания, но и дать рабочую концепцию, которая практически будет универсальной.

Конечно, данное направление только представлено научному сообществу и будет в дальнейшем дорабатываться исходя из новых знаний и дальнейшему сотрудничеству с коллегами. Приглашаю коллег к обсуждению и дальнейшей совместной работе.

Литература:

1. Александров, А. А. Интегративная психотерапия / А. А. Александров. — СПб. [и др.]: Питер, 2009. — 347 с.
2. Бек, Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям: [16+] / Джудит Бек; [перевела с английского А. Соколомина]; Ассоциация когнитивно-поведенческой терапии. — СПб. [и др.]: Питер, 2023. — 416 с.
3. Влияние биологических и социальных факторов на психическое развитие: биологизаторские и социологизаторские теории развития психики. [Электронный ресурс] — URL: <https://kurl.ru/HkQyX>

4. Вундт, В.М. (1832–1920). Душа и мозг: Пер. с нем. / В. Вундт.— 2-е изд.— Санкт-Петербург: скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1909.— 48 с.
5. Ждан, А. Н. История психологии от Античности до наших дней [Текст]: учебник для студентов психологических специальностей высших учебных заведений / А. Н. Ждан.— Изд. 9-е, испр. и доп.— М.: Акад. проект: Трикта, 2012.— 586 с.
6. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд. М., 2012.
7. Краткий психологический словарь.— Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС». Л. А. Карпенко, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. 1998.
8. Современные проблемы клинической психологии: результаты Научной сессии кафедры клинической психологии Московского психолого-социального института (21 декабря 2004 г.): сборник / отв. ред.: Л. С. Цветкова, А. В. Цветков.— Москва: Компания Спутник+, 2005.— 21 с.
9. Современный психоанализ — смена парадигмы мышления: монография: посвящается 165-летию со дня рождения З. Фрейда / Ю. С. Еремина, Н. Ф. Еремеева, И. Н. Качалова [и др.]; под редакцией И. В. Иванченко; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство образования Ставропольского края, Филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Железноводске.— Ставрополь: Тимченко О. Г., 2021.— 58 с.
10. Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949–1992.
11. Цветков, А. В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: диссертация... кандидата психологических наук: 19.00.07.— М., 2006.— 157 с.
12. Челпанов, Г. И. (1862–1936). Учебник психологии (для гимназий и самообразования) / Проф. Г. Челпанов.— 9-е изд.— М.: типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1910.— VIII, 224 с.: ил.; 23.— (Элементарный курс философии / [Г. И. Челпанов]. Психология; Ч. 1)

Изучение особенностей развития навыков конструктивного общения у подростков

Тарасова Анна Валерьевна, студент магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет

В данной статье исследуются особенности развития навыков конструктивного общения у подростков, а в частности агрессивность и конфликтность, коммуникативные и организаторские умения. Было выявлено, что большинство подростков обладают пассивной и зависимой ролью в общении и не склонны к конфликтам и агрессии.

Ключевые слова: социализация, подростки, конструктивное общение, агрессивность, конфликтность, коммуникативность, организаторские умения.

Features of development of constructive communication skills in adolescents

This article examines the features of the development of constructive communication skills in adolescents, and in particular aggressiveness and conflict, communication and organizational skills. It was revealed that most adolescents have a passive and dependent role in communication and are not prone to conflict and aggression.

Keywords: socialization, adolescents, constructive communication, aggressiveness, conflict, communication, organizational skills.

Анализ различных исследований показал, что вопрос успешного развития подрастающего поколения и его адаптации к изменяющимся условиям жизни связан с требованиями к образованию, особенно в формировании навыков положительного взаимодействия. Для подростков важно развивать коммуникативные навыки, так как они влияют на общение, учебу и социализацию в целом. Необходимо обратить внимание на формирование этих навыков и наработать систему работы с подростками для их развития.

В сложившейся практике проблема формирования коммуникативных умений подростков изучена недостаточно, что приводит к отсутствию системы целенаправленного и раз-

ностороннего формирования требуемых навыков. Согласно взглядам отечественных психологов Выготского Л. С., Запорожца А. В., Леонтьева А. Н., Лисиной М. И., Рубинштейн С. Л., Эльконина Д. Б. и др., общение, как правило, выступает в качестве одного из основных условий развития ребенка, важнейшего фактора формирования его личности.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной литературе достаточно подробно рассмотрены особенности развития коммуникации в различные возрастные периоды, слабо изученным, но значимым, остается вопрос о конкретных разработках по формированию коммуникативных навыков у подростков.

Цель исследования — Изучить особенности развития навыков конструктивного общения у подростков.

Задачи:

1. Разработать диагностический инструментарий.
2. Изучить особенности развития навыков конструктивного общения у подростков.

Основная часть. Исследование проводилось на базе одного из средних образовательных учреждений г.о. Самара. В исследовании приняли участие 40 подростков в возрасте 13–15 лет.

Для решения поставленных задач был подобран диагностический инструментарий, представленный методиками, позволяющими оценить особенности коммуникативной сферы подростков. В работу вошли следующие методики: Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев), опросник К. Томаса, методика «Тест коммуникативных умений Л. Михельсона», а также методика изучения коммуникативных и организаторских способностей старшеклассников (В.В. Синявский, В.А. Федорошин).

Анализ результатов позволяет дать следующую оценку коммуникативным навыкам.

По результатам исследования личностной конфликтности и агрессивности по методике Ильина, Ковалева по шкале «позитивная агрессивность» преобладают средние значения (28 человек). Это говорит о том, что среди опрошенных наблюдается средняя выраженность таких черт, как неуступчивость и напористость. Подростки не склонны к излишней категоричности и яркому отстаиванию собственных интересов. Также подростки не стремятся проявлять инициативу в общении и активно отстаивать свои взгляды и убеждения.

По шкале «негативная агрессивность» также преобладают средние значения (26 респондентов). Это свидетельствует о том, что подростки не склонны к мстительности и нетерпимости. Респонденты не имеют склонности к тому, чтобы испытывать чрезмерно отрицательные, разрушительные чувства к другим. Помимо этого, опрошенные не склонны игнорировать мнение других.

По шкале «конфликтность» преобладают средние значения (20 опрошенных). Это даёт понять, что среди респондентов наблюдается средняя выраженность обидчивости, бескомпромиссности, подозрительности и вспыльчивости. Подростки не имеют сильной склонности к пониженному самоконтролю и повышенной возбудимости и чувствительности. Вместе с этим опрошенные склонны к небольшой настороженности по отношению к другим.

Исходя из результатов тестирования, можно сделать вывод, что большая часть респондентов имеет средний уровень конфликтности и агрессивности, как позитивной, выражающейся в напористости и неуступчивости, так и негативной, основными показателями которой являются мстительность и нетерпимость к мнению других.

В основном подростки не склонны к конфликтам и проявлению различных видов агрессии. Около четверти опрошенных имеют низкий уровень конфликтности, но вместе с тем тот же процент респондентов показал довольно высокий уровень конфликтности, что характерно для подросткового возраста.

По результатам исследования по методике К. Томаса можно сделать вывод, что наиболее часто используемыми стратегиями

поведения в конфликте среди опрошенных являются компромисс, избегание и приспособление. Если компромисс — это тот способ решения конфликтов, при котором проигрывают обе стороны, то при избегании и приспособлении человек либо не имеет склонности к достижению своих целей, либо вовсе приносит в жертву свои интересы, поэтому данные стратегии поведения в конфликте можно назвать конформными, или деструктивными. Наименее распространёнными среди респондентов оказались такие модели поведения, как соперничество и сотрудничество. Если соперничество — это способ добиться своих целей в ущерб интересам другого, то при сотрудничестве оба участника конфликта удовлетворяют свои интересы.

По результатам исследования по методике Л. Михельсона видно, что среди подростков имеется неравномерное распределение типов общения. 40% подростков оказались зависимыми в своем общении, что означает, что они сильно зависят от мнения и решений других людей. Данный тип общения может привести к низкой самооценке и проблемам в принятии собственных решений.

30% респондентов проявили компетентный тип общения, что означает, что они обладают навыками эффективного общения, умеют выслушивать и уважительно относиться к мнению других, а также выражать свои мысли и чувства адекватным образом. Этот тип общения свидетельствует о высокой социальной компетентности подростка.

Еще 30% испытуемых проявили агрессивный тип общения. Это говорит о том, что они склонны к насилию, конфликтам и неконтролируемому выражению своей злости и раздражения. Подростки с агрессивным типом общения могут испытывать проблемы в установлении и поддержании здоровых отношений с другими людьми. Этот тип общения требует особого внимания и поддержки для развития адекватных навыков межличностного общения.

По результатам методики Синявского, Федорошина можно увидеть, что у большинства подростков (62.5%) имеется средний уровень коммуникативных способностей. Это говорит о том, что они могут достаточно эффективно общаться и взаимодействовать с другими людьми.

У 10 (25%) подростков было выявлено высокое значение коммуникативных способностей. Это указывает на то, что они обладают сильными коммуникативными навыками и могут успешно устанавливать контакт с людьми.

Однако у 5 (12.5%) респондентов было обнаружено низкое значение коммуникативных способностей. Эти результаты свидетельствуют о том, что у них возникают трудности в общении и взаимодействии с другими. Возможно, им нужна дополнительная поддержка и помощь для развития коммуникативных навыков.

Также было выявлено, что у 15 (37.5%) подростков наблюдается среднее значение организаторских способностей. Это означает, что они достаточно умеют планировать и управлять своим временем, а также организовывать и контролировать различные задачи и проекты.

У 7 (17.5%) испытуемых были выявлены высокие организаторские способности. Это свидетельствует о том, что они отличаются хорошими навыками организации и планирования, а также способностью эффективно управлять сложными процессами.

А у 18 (45%) подростков наблюдалось значение организаторских способностей ниже среднего. Это означает, что у них есть некоторые недостатки в планировании, организации и контроле своей жизни.

Вывод. Таким образом, были изучены особенности развития навыков конструктивного общения у подростков. Было выявлено, что большинство подростков обладают пассивной и зависимой ролью в общении.

По результатам исследования было установлено, что хоть в большинстве своём подростки обладают средним развитием коммуникативных навыков, немалая часть из них обладает пассивностью, не умеет конструктивно решать конфликты, имеет проблемы с установлением контактов и принятием решений. Однако, следует отметить, что вместе с этим в основном подростки не склонны к конфликтам и проявлению различных видов агрессии.

Литература:

1. Ахвердова О. А. Экспериментально-психологическая диагностика личностно-характерологического континуума подростков: Монография. — М., 1998.
2. Гришин В. В., Лужин П. В. Методики психодиагностики в учебно-воспитательном процесса. М., 1992.
3. Комлева М. А. Особенности развития коммуникативной компетентности у младших подростков / М. А. Комлева, Е. Е. Дмитриева // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — № 70. — С. 365–369.
4. Можгинский, Ю. Б. Агрессивность детей и подростков. Распознавание, лечение, профилактика / Ю. Б. Можгинский. — М.: Когито-Центр, 2018. — 335 с.
5. Полина А. В., Овчарова Е. В. Особенности коммуникативной компетентности у подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию / А. В. Полина, Е. В. Овчарова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2019. — № 4. — С. 1–11.
6. Психология подростка. Практикум. Тесты, методики для психологов, педагогов, родителей. / Ред. Реан А. А. СПб.: «прайм-ЕВРОЗНАК», 2003.
7. Степанова Н. В. Формирование адаптивного поведения старших подростков в межличностных конфликтах в условиях взаимодействия субъектов образовательного процесса / Н. В. Степанова // Вестник БГУ. — 2013. — № 1. — С. 1–4.
8. Шалагинова К. С., Чилачава М. К. Сформированность у современных подростков навыков конструктивного решения конфликтов / К. С. Шалагинова, М. К. Чилачава // МНИЖ. — 2021. — № 4. — С. 142–146.

Связь мотивации достижения в учебной деятельности и самооценки личности в младшем школьном возрасте

Шаблиевский Матвей Юрьевич, студент

Научный руководитель: Шитикова Елена Вячеславовна, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Актуальность данной темы вызвана начальным формированием мотивации достижения в младшем школьном возрасте, что подводит к необходимости формирования у детей здоровой самооценки, которая поможет им в будущем развитии и получении профессии. Сфера мотивации достижения и самооценки неразрывно связано с коммуникацией детей между собой, что крайне важно в младшем школьном возрасте для будущей устойчивой жизненной позиции, а также формирования притязаний.

Проблеме мотивации достижения посвящены работы зарубежных (Дж. Аткинсон, А. Мюррей, Д. Макклелланд, Х. Хекхаузен, К. Левин и др.) и отечественных ученых (М. Ш. Магомед-Эминов, Н. А. Батуринов, Ю. М. Орлов, Е. А. Воробьева, В. И. Степанский, Т. О. Гордеева, Н. В. Афанасьева, С. А. Шапкина и др.).

С. В. Рубцов отмечает, что теория мотивации достижения произошло в трех основных областях. К данным аспектам ученый относит когнитивный, бихевиористский, биологический [1].

Самооценку же психология рассматривает с точки зрения комплекса знаний человека о самом себе. Такое знание форми-

руется в первую очередь в сравнении собственного образа, с образами окружающих. Создание комплекса знаний, основанных на данном сравнении, играет весомую роль в формировании у человека целостного образа представления самого себя [2].

Проблема исследования: каковы особенности связи мотивации достижения с уровнем самооценки младших школьников?

Цель исследования: выявить особенности связи мотивации достижения с уровнем самооценки у младших.

Гипотеза исследования: существует связь мотивации достижения и уровня самооценки у детей младшего школьного возраста, а именно: чем выше уровень самооценки личности, тем выше мотивация достижения в младшем школьном возрасте.

Мотивация является одним из основных понятий, используемых для объяснения движущих сил поведения человека. Данная проблема изучается как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Существует множественность понимания сущности и структуры проблемы мотивации, что объясняет её сложность и многоаспектность.

База и выборка исследования: МБОУ «СОШ № 20», младшие школьники в возрасте 7–8 лет, всего 30 человек.

Исследование проходило в очном формате с использованием анкетирования. Испытуемые являются жителями города Белгород. Детям был дан распечатанный материал для прохождения исследования.

Для определения уровня мотивации достижения была использована Методика «Мотивация к успеху» за авторством Т. Элерса. Для определения уровня самооценки детей была использована методика «Лесенка самооценки», разработанная В. Г. Шур. Для поиска статистически достоверной связи был использован корреляционный критерий Пирсона.

Согласно результатам исследования, у 50% детей наблюдается повышенный уровень мотивации. Это может свидетельствовать о том, что данные школьники предпочитают средний уровень риска, а также обладают умеренным уровнем притязаний на успех.

У 33% младших школьников данной выборки был выявлен средний уровень мотивации среди детей. Это может значить, что данные школьники имеют более низкую готовность к риску.

Высокий уровень мотивации набрали 14% респондентов в выборке. Такая мотивация может привести к снижению готовности к риску у детей.

Лишь у 3% младших школьников был обнаружен низкий уровень мотивации достижения. Такие дети предпочитают

либо совсем не рисковать, либо имеют высокий уровень риска. При этом, их надежда на успех несколько выше.

Перейдем к анализу и интерпретации данных, полученных при изучении уровня самооценки младших школьников.

Перейдем к анализу и интерпретации данных, полученных при изучении уровня самооценки младших школьников. Проанализировав полученные данные, можно заметить, что большой процент детей имеют завышенную самооценку (43%). Это может свидетельствовать о том, что данные дети проявляют активность и уверенность в учебной деятельности, не зажимаясь в рамки и не стесняясь себя.

Адекватной самооценкой обладает 33% респондентов. Это свидетельствует о наличии у ребенка сформированного положительного отношения к себе; он умеет оценивать себя и свою деятельность. Они отличаются стремлением к достижению успехов в учебе, с проявление самостоятельности.

Заниженный уровень самооценки был выявлен у 10% детей в выборке. Как правило, это связано с определенной психологической проблемой ученика. Такие дети могут стараться реализовывать себя вдали от школьных уроков. При этом, может произойти компенсация и переход самооценки на завышенную из-за успехов в сугубо посильных делах.

Резко заниженная самооценка получила чуть большее количество респондентов (14%). Исследователи упоминают, что обычно в классе можно наблюдать от 8% до 10% детей с таким

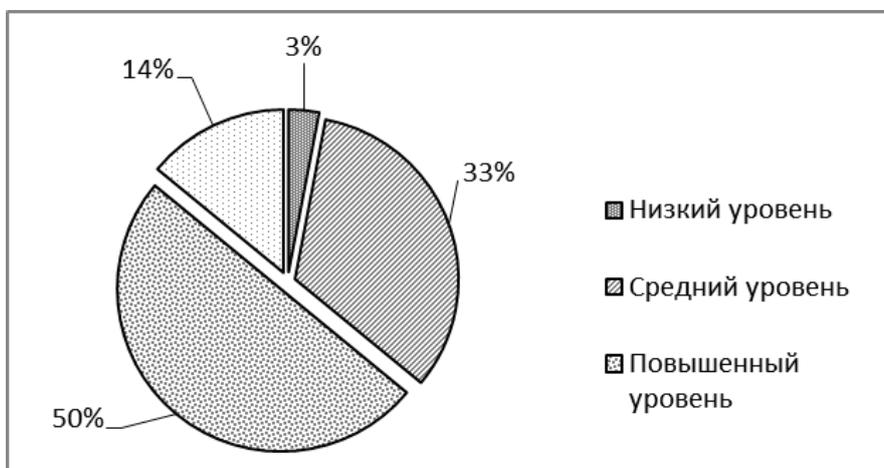

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню мотивации достижения

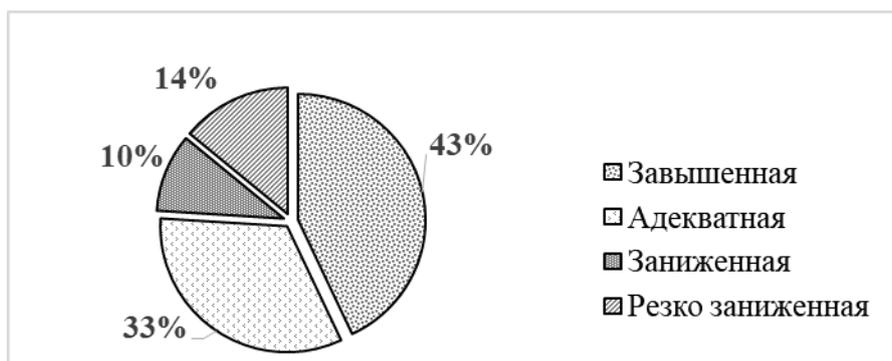

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню самооценки

уровнем самооценки. Иногда у ребенка ситуативно занижается самооценка. На момент опроса что-то могло произойти: ссора с товарищем, плохая отметка, неудачно наклеенный домик на уроке труда и т.д.

Данные демонстрируют наличие статистически значимой связи мотивации достижения и самооценки младших школьников в данной выборке ($p \leq 0,01$). Таким образом, на осно-

вании корреляционного анализа мы можем заключить, что существует прямая связь между мотивацией достижения и самооценкой младших школьников ($r = 0,532$, $p \leq 0,01$). Характер полученной связи может говорить о том, что чем выше уровень самооценки младших школьников, тем выше уровень мотивации достижения в процессе обучения. Данное исследование подтвердило поставленную ранее гипотезу.

Литература:

1. Кручинин В. А. Формирование мотивации достижения успеха в подростковом возрасте [Текст]: монография / В. А. Кручинин, Е. А. Булатова; Нижегород. гос. архит.строит. ун-т.— Н. Новгород: ННГАСУ, 2010.— 155 с. ISBN978-5-87941-609.
2. Семенова, А. В. Анализ влияния самооценки на ее поведение в конфликтных ситуациях [Электронный ресурс] / А. В. Семенова // Ивановский государственный университет. 2015.— Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2838903/page/3/>.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Принципы построения государства в произведениях Махтумкули Фраги и Довлетмаммета Азади

Бабаев Иса Хивалиевич, соискатель
Центр технологий Академии наук Туркменистана (г. Ашхабад)

Реализовать мечты о мирной жизни и благоденствии страны и народа всегда считалось важным при построении мощного государства. Для этого нужна не только физическая, но и духовная сила. Формирование в людях этой силы, особенно воспитание у подрастающего поколения чувства любви к Родине и государству, удавалось только выдающимся личностям. История показывает, что именно мастера слова, а не военные зачастую сильнее всего способствовали формированию прочного государства. В Туркменистане такими лидерами духовного воспитания были Махтумкули Фраги и Довлетмаммет Азади.

Ключевые слова: Махтумкули Фраги, Довлетмаммет Азади, стихотворения, государство, народ, общество, Родина.

Тема патриотизма — одна из основных в творчестве туркменского поэта Махтумкули Фраги. В своих стихотворениях он воспевал ценности туркменского воина, мужчины. Обладание конем и оружием считалось обязанностью патриотически настроенных юношей. Конь и оружие воспринимались как символ храбрости:

Коль раздобыть коней джигиты не сумели,
В нем львиной доблести, знать, не было на деле.
Чем больше лет тебе, тем силы меньше в теле:
Ведь молодости пыл, ее горенье — гость.
(«Гость»)

Махтумкули Фраги в своих произведениях описывает пути, ведущие к сердцу народа, определяет основы построения сильного общества, опираясь на те понятия и нормы, которые он усвоил от своего отца — поэта и ученого Довлетмаммета Азади. Свое понимание верных путей к построению общества Довлетмаммет Азади отразил в поэме «Вагзы-Азат». Он подчеркивает, что для народа, прежде всего, необходимо могущественное государство, управлять которым должен справедливый разумный царь. Справедливый правитель должен опираться на волю народа и позаботиться, чтобы в стране была сильная армия, изобилие и строгий закон [1, 2].

Махтумкули Фраги подчеркивает еще одно необходимое качество настоящего мужчины — любовь:

Оружье, конь да блеск любимых глаз —
Три цели, что всего ценней, — желанны.
(«Желанны»),

или:

Чтоб храбрым слыть среди людей,
Сперва коня добыть нам надо.
Чтоб с честью принимать гостей,
Всем сердцем их любить нам надо.
(«Добыть коня надо»)

Многие туркменские мыслители и поэты говорили о важности развития в настоящем джигите положительных качеств [3]. Например, ставили цель воспитать для родины таких мужчин, которые могут:

- признавать допущенные ошибки;
- признавать свои недостатки;
- уметь подавить в себе гнев;
- чувствовать боль народа;
- не отягощать свой народ;
- радоваться чужому счастью;
- ставить интересы страны выше своих.

Из образов, которые рисует Махтумкули в своих стихотворениях, видно, какие качества поэт считает необходимыми для молодого человека: открытость, правдивость, благодарность, верность слову, гостеприимность, находчивость.

За честь страны, за свой народ
Джигит со славою умрет.
Кто справедливости оплот,
Тем рваться в бой опять пристало.
(«Блестать пристало»)

Поэт призывает любить Родину, подчеркивает, что для защиты страны от внешних врагов нужны мужественные, отважные борцы. Махтумкули Фраги стоит в ряду поэтов, которые первыми писали об отваге и героизме. Он и его отец Довлетмаммет Азади были наставниками для молодых людей своего времени, которых они старались воспитать стойкими, преданными общественным интересам. Своими стихотворениями поэты формируют такие качества, как храбрость и щедрость [1, 3].

В патриотической лирике Махтумкули ссылаются на героев фольклорных произведений. Он призывает ориентироваться на таких вождей и гуманистов, как Гёр-оглы, Рустем Зал, Искендер, Юсуп, воспитывать в себе мужество на примере этих народных героев:

Напьюсь ли я вина, когда напиться впору,
Или, как Гёр-оглы, с горы направлюсь в горы,
Иль над врагом свершу суд праведный и скорый,
От друга моего я получу ли весть?
(«От друга моего я получу ли весть?»)

У туркмен есть пословица: «Agzybire Taňry biýt, agzalany gaňgybiýt» — «Кто живет в согласии и дружбе, тому и Бог дает благополучие и счастье, а у тех, кто не дружит, Бог отнимает добро». В ней отражен призыв к единению народа. Вот что по этому поводу писал Махтумкули, который считал единение условием построения могущественного государства:

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Гульзум пришли.
Теке, йомуд, гоклен, языр и алили, —
Все пять! — должны мы стать единою семьею!
(«Птица счастья»)

Своими произведениями, в которых отразились мечты о могущественном государстве, благородные намерения, наставления будущим поколениям Махтумкули и Довлетмаммет Азади веками воспитывали молодежь. Сочувствуя народу, великие поэты через лирические произведения обращались к обществу, передавали свои мысли и чаяния [2]. Народ чтит их стихотворения, перекладывал на музыку. За книги Махтумкули давали верблюдицу с верблюжонком, что считалось высокой ценой.

Сегодня Туркменское государство расцветает, развивается, двигается только вперед. И в наше время произведения Махтумкули служат бесценным источником знаний об истории и духовном мире туркменского народа.

В патриотических стихотворениях Махтумкули Фраги и Довлетмаммет Азади каждая строчка, каждое слово пропитаны духом тюркских народов. Поэты хороши знали и понимали родной народ и своей лирикой придавали ему силу.

Довлетмаммет Азади изучал источники, касающиеся политического устройства, системы власти на Востоке, правил государственного строительства, был знаком с творчеством представителей древней и средневековой литературы. Например, поэт XVII века Берхурдар Туркмен в своих произведениях развивал представления о крепкой семье, порядочных детях и справедливом государстве.

Довлетмаммет Азади знал народное творчество, в котором ярко выражен туркменский национальный характер. Поэтому в поэме «Вагзы-Азат» деятельность многих царей описывается через легенды, рассказы о них. В частности, упоминаются Исмаил Самани, Султан Махмуд, Собуктегин [1].

Азади подчеркивает, что правитель должен быть справедливым и обеспечивать безопасность — без этого в стране не

будет изобилия и спокойствия, люди будут приносить страдания друг другу. Поэт ратует за свободные безопасные отношения между народами, создание благоприятных условий для открытых торговых отношений: купцы будут спокойно перевозить свои товары в другие страны, не опасаясь грабежей, что даст возможность жить в изобилии и достатке. Эти вопросы Азади поднимает, основываясь на наблюдениях за реальной жизнью. Он говорит о том, что в государстве должен быть закон, учитывающий пожелания народа, удовлетворяющий его волю и сохраняющий его права.

Поэт подчеркивает, что для обогащения государства необходимо, прежде всего, развивать животноводство и земледелие, налаживать торговые связи. Чтобы жить спокойно и свободно, в государстве должна быть сильная армия. По мнению Довлетмаммет Азади, необходимо благоустроить страну, обеспечивать население водой, которая необходима для развития сельского хозяйства. Поэт особо подчеркивает необходимость решения государством этой проблемы, поскольку в те времена люди были недостаточно обеспечены водой. По словам Азади, должны быть и налоги [3].

Также Довлетмаммет Азади отмечает, что необходимо заселять села, предоставлять людям землю, должны быть справедливые судьи, сельские хякимы, квалифицированные врачи, хорошее снабжение.

В поэме «Вагзы-Азат» автор призывает свой народ быть дисциплинированным, честным и порядочным во всем, уделяет внимание обязанностям родителей и детей.

Автор призывает народ заниматься благотворительностью: строить мосты, бани, открывать библиотеки, заниматься просветительской деятельностью, что даст возможность развиваться государству и обществу. Мудрые представления своего отца о государстве, обществе, жизни позднее в своих произведениях развил Махтумкули.

Ученые-филологи А. Зырин и М. Овезгельдыев так сказали о поэте: «Сумев обобщить и поднять на новую, высшую ступень то, что было достигнуто предшественниками в области художественного постижения и отображения мира, Махтумкули стал основоположником национальной туркменской поэзии, а значит, и всей литературы» [4]. Поэт призывает народ к единству, необходимому для государственного строительства, говорит о важности рынков, свободной торговли, законов, справедливого правителя.

Каждый гражданин стабильного государства должен быть мужественным, воспитанным, образованным. Такие наставления народу дают мудрые Довлетмаммет Азади и Махтумкули. И можно сказать, что сегодня их мечты о счастливом обществе и сильном государстве сбываются.

Литература:

1. Türkmen ruhunyň almaz täji. Magtymguly Pyragynyň 290 ýyllygyna bagyşlanan makalalar ýygyndysy.— A.: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2014.
2. <https://www.kitaphana.net/book/1134>.
3. https://kitapcy.ru/news/magtymgulynyn_gosgulary_rus_dilinde/2018-11-153416
4. Зырин А., Овезгельдыев М. Великий поэт, мыслитель, патриот // Махтумкули. Стихотворения. — Л.: Издательство «Советский писатель», 1984. — 384 с.

Фразеологизмы с зоонимом «лошадь» в английской и китайской языковой картине мира

Красько Екатерина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Ващенко Екатерина Викторовна, старший преподаватель
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

В данной статье исследуется национально-культурная специфика устойчивых выражений с зоонимом «лошадь» в английском и китайском языках. Проведя сравнительный анализ устойчивых выражений, содержащих данный компонент, автор выявляет сходства и различия культурных ассоциаций, связанных с образом лошади в каждой из исследуемых языковых картин мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, английский язык, китайский язык, лошадь, идиома, чэньюй

В современном мире, развивающемся в условиях глобализации и растущего сближения различных народов, изучение различных культур приобретает особую значимость. Понимание культурных различий и их восприятие является неотъемлемым условием для создания гармоничного и инклюзивного общества, которое способно успешно решать сложные проблемы, стоящие перед нашим глобальным сообществом.

Знакомство с разнообразием культур обогащает нашу жизнь бесчисленными способами. Оно расширяет наш кругозор, формирует эмпатию и позволяет нам видеть мир с разных точек зрения. Это также способствует построению мостов между людьми и укреплению культурных связей, что имеет решающее значение для содействия мирному сосуществованию и международному сотрудничеству.

По определению А. А. Зализняк, «языковая картина мира — это совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка, которые складываются в некую единую систему взглядов или предписаний» [1, с. 206–207]. Одной из главных единиц языковой картины мира являются фразеологизмы.

Во фразеологии до сих пор нет единого общепризнанного определения фразеологизма. Различные исследователи предлагают свои собственные определения, опираясь на различные критерии. В. Н. Телия приводит следующее определение фразеологизма: «фразеологизм — это устойчивая единица, состоящая более чем из одного слова и характеризующаяся воспроизводимостью, стабильностью, лексиколизацией и идиоматичностью» [2, с. 140]. В качестве примеров фразеологизмов русского языка можно привести такие выражения, как «валить дурака», «ни жив ни мертв», «у черта на куличках» и многие другие.

В английском же языке для обозначения подобных устойчивых выражений используется термин «idiom». В «Oxford English Dictionary» приводится следующее определение данного термина: «форма выражения, грамматическая конструкция, фраза и т.п., свойственная какому-либо языку; особенность фразеологии, утвердившаяся в языковом обиходе и часто имеющая значение, отличное от грамматического или логического» [3, с. 624]. В качестве примеров можно привести следующие устойчивые выражения английского языка: «to play with fire» — «играть с огнём», «to burn bridges» — «сжигать мосты», «a dime a dozen» — «пруд пруди».

В китайском языке самым распространённым типом фразеологической единицы является чэньюй (成语) — «фразеологически связанная, устойчивая лексико-синтаксические

единица современного китайского языка, которая в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса» [4, с. 69]. Таким образом, китайские чэньюй тесно переплетаются с культурой народа Китая, при этом сохраняя свою форму и отражая яркую национальную окраску. Чэньюй строится по нормам древнекитайского языка и часто имеет экспрессивное значение: «厝火积薪» [cuò huǒ jī xīn] (букв.: *класть хворост в огонь*) — находиться в опасном положении, «指鹿为马» (букв.: *показывая на оленя, называть его лошадью*) — выдавать одно за другое, дурачить.

Под зоонимом понимается имя нарицательное, обозначающее животное. Анализ устойчивых словосочетаний с компонентом-зоонимом представляется актуальным, поскольку в анималистической символике ярко отражаются национально-культурные особенности разных народов. Зоонимы расширяют лексику фразеологизмов, позволяя выражать идеи и понятия живописным и образным языком.

Лошадь была одним из первых животных, прирученных человеком, и с самых давних пор играет важную роль в нашей жизни. В британской культуре лошади играют важную роль не только в осуществлении хозяйственной деятельности, но и являются важной культурной составляющей. Например, широко известна любовь британцев к лошадиным скачкам. Проанализировав англоязычные идиомы, содержащие зооним «horse» (лошадь), можно выделить следующие категории значений:

1. Идиомы, связанные со спокойствием и трезвостью мышления, например:

— hold your horses (букв. *придержаться лошадей*) — нет нужды торопиться, немного терпения;

— get off one's high horse (букв. *слезть с высокой лошади*) — перестать высокомерничать, задаваться;

— horse sense (букв. *лошадиное чувство*) — здравый смысл.

Данные идиомы показывают, что в английском языке лошади обладают естественным инстинктом и мудростью, не склонны спешить или суетиться, ассоциируются со здравым смыслом и практичностью. Их спокойный и уравновешенный характер часто контрастирует с импульсивностью и нетерпеливостью человека, что делает их символами рассудительности и благоразумия.

2. Идиомы, связанные с работой и физической силой лошади:

— work like a horse (букв. *работать как лошадь*) — трудиться до изнеможения;

— strong as a horse (букв. сильный как лошадь) — силач, могучий человек.

Лошадь является верным помощником в работе, отсюда произрастает ярко выраженная ассоциация с трудолюбием и выполнением тяжёлой работы. Лошади обладают выдающейся выносливостью и силой, что делает их ценными партнерами в земледелии, перевозках и других трудоемких задачах. Их готовность трудиться неустанно и без усталости на протяжении долгих часов сделала их синонимом трудолюбия и надёжности.

3. Идиомы с зоонимом «horse», связанные с негативными ассоциациями:

— a Trojan horse (букв. троянский конь) — хитрая ловушка, кажущаяся безопасной;

— beat a dead horse (букв. стегать мертвую лошадь) — тратить время попусту;

— back the wrong horse (букв. поставить не на ту лошадь) — просчитаться; сделать плохой выбор.

Данные идиомы отражают совершенно противоположную трактовку образа лошади, где данное животное уже выступает в качестве непредвиденного обстоятельства, подлости и неудачи. Они показывают тёмную сторону лошадей, их хитрость и склонность к обману. Их способность скрывать свои истинные намерения и манипулировать людьми часто используется в качестве метафоры в английском языке.

Таким образом, лошадь является не только мудрой и трудолюбивой, а также хитрой и подлой, что показывает противоречивость данного образа в английской языковой картине мира.

В Китае лошадь также является важным животным, издавна сопровождавшим человека. Лошадь также играет важную роль в верованиях китайцев и входит в животный зодиакальный цикл. Проанализировав идиомы с компонентом «马» (лошадь) в китайском языке, можно отметить, что наиболее ярко выраженным ассоциативным признаком данного зоонима является позиционирование лошади как военной единицы:

— 单枪匹马 [dānqiāng pīmǎ] (букв. при одной пике и одном коне) — действовать в одиночку, без посторонней помощи;

— 招兵买马 [zhāobīng mǎimǎ] (букв. призывать солдат и закупать лошадей) — заниматься военными приготовлениями;

— 人强马壮 [rén qiáng mǎ zhuàng] (букв. сильные люди и могучие кони) — сильная армия;

— 戎马倥偬 [róng mǎ kǒng zǒng] (букв. солдаты и кони в сложной ситуации) — напряженные военные действия.

Эти идиомы отражают важную роль, которую лошади играли в военном деле на протяжении всей истории. Лошади

были не только средством передвижения, но и грозным оружием, способным перевозить воинов и обеспечивать им мобильность и ударную силу. Использование образа лошади в воинских идиомах также подчеркивает ценные качества, которые ассоциируются с лошадьми, такими как сила и выносливость, храбрость и отвага. Воины, обладавшие этими качествами, считались элитными бойцами, способными преодолевать любые трудности и добиваться победы в бою.

Кроме того, большое количество устойчивых выражений наделяют лошадь положительными качествами внешности и личности, например:

— 人高马大 [rén gāo mǎ dà] (букв. человек высок как лошадь) — (о человеке) рослый и крупный;

— 千里马 [qiānlǐmǎ] (букв. превосходный конь) — выдающийся человек.

Также были обнаружены чэньюй, акцентирующие физическую силу и выносливость лошадей:

— 马不停蹄 [mǎ bù tíng tí] (букв. лошадь мчит без остановок) — без передышки, ни на минуту не останавливаясь, неустанно, без усталости;

— 汗马功劳 [hànmǎ gōngláo] (букв. заслуги, совершённые на взмыленном коне) — без передышки, неустанно.

Лошади известны своей физической силой и способностью выдерживать длительные нагрузки. В переносном смысле это качество относится к людям, которые обладают силой воли, решимостью и способны преодолевать трудности.

Таким образом, можно заметить схожие черты в описании лошади в английских и китайских идиомах, например, strong as a horse и 人高马大, что говорит о том, что и британский, и китайский народ видит лошадь как символ силы и мощи.

Однако существуют и заметные различия. В китайской языковой картине мира лошадь часто ассоциируется с военными действиями, а также может использоваться для описания положительных качеств человека. В целом, китайские чэньюй характеризуют лошадь с положительной стороны, устойчивых выражений с негативной коннотацией выявлено не было. В то же время в английском языке существует группа идиом, характеризующая образ лошади с отрицательной стороны, добавляя тем самым неоднозначности данному образу.

Исходя из этого, изучение культур и их особенностей очень важно, чтобы понимать подобные различия в идиомах и избегать непонимания или недоразумений в общении с представителями других культур. Познавание культурного контекста поможет оценить и адаптировать свои слова и действия, сохраняя уважение и понимание культурных традиций.

Литература:

1. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва: Языки славянской культуры, 2006. — 673 с. — Текст: непосредственный.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. — Москва: Языки культуры, 1996. — 285 с. — Текст: непосредственный.
3. Simpson, J. A. The Oxford English Dictionary / J. A. Simpson, E, S Weiner. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. — 7 vol. — 1155 p. — Текст: непосредственный.
4. Чэнь, Шуан Китайские идиомы (чэньюй 成语) как компонент содержания межкультурной компетенции / Шуан Чэнь. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — №№ 3 (23). — С. 69–75.

Особенности перевода общественно-политических выступлений американских и британских политиков

Мушниковна Марина Александровна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В данной научной статье рассматриваются тонкости перевода общественно-политических выступлений с английского на русский язык, особое внимание уделяется лексико-грамматическим, синтаксическим и стилистическим проблемам, присущим процессу перевода. Исследуя выступления выдающихся американских и британских политиков, таких как Дональд Трамп, Хиллари Клинтон, Маргарет Тэтчер, Барак Обама и Кондолиза Райс, в статье освещаются конкретные стратегии перевода, используемые для сохранения эмоционального воздействия и связности оригинальной речи в различных языковых и культурных средах. Исследование подчеркивает важность понимания политического жаргона, идиоматических выражений и культурных отсылок, а также адаптации структуры предложений, порядка слов и стилистических приемов для русскоязычной аудитории.

Ключевые слова: общественно-политическая речь, перевод, политический дискурс, переводческие трансформации, стратегии перевода, культурная адаптация, культурные отсылки, структура предложения.

Перевод общественно-политических выступлений с английского языка на русский сопряжен с различными трудностями и нюансами, особенно с учетом различий в риторических стилях, культурных ориентирах и политических контекстах, заложенных в таких выступлениях. В данной статье рассматриваются лексико-грамматические, синтаксические и стилистические аспекты перевода речей американских и британских политиков с упором на перевод политических речей Дональда Трампа, Хиллари Клинтон, Маргарет Тэтчер, Барака Обамы и Кондолизы Райс.

На лексико-грамматическом уровне перевод общественно-политических выступлений требует глубокого понимания политического жаргона, идиоматических выражений и культурно-специфических отсылок. Американские и британские политики часто используют термины и фразы, встречающиеся исключительно в соответствующих политических контекстах, и их точная передача на русский язык может оказаться сложной задачей.

Политические речи изобилуют терминологией, которая может не иметь прямых эквивалентов в русском языке. Например, такие термины, как «*filibuster*» (продолжительная речь, препятствующая продвижению в законодательном собрании) или «*gerrymandering*» (манипулирование границами избирательных округов в политических целях), требуют тщательного объяснения для точной передачи заложенного в них смысла. Переводчикам иногда приходится использовать описательные фразы или заимствовать термины, чтобы сохранить точность и ясность.

Кроме того, в политическом дискурсе часто используются идиоматические выражения и коллоквиализмы или просторечия. Например, когда Дональд Трамп использует такие фразы, как «*drain the swamp*» (буквально «высушить болот»), переводчик должен найти такой эквивалент в русском языке, который передавал бы метафору искоренения коррупции и при этом резонировал бы с русской аудиторией. Часто для этого требуется творческая адаптация, а не дословный перевод [1, с. 34].

Часто речи общественных и политических деятелей содержат культурные отсылки, которые могут быть неизвестны российской аудитории. Например, фраза Хиллари Клинтон «*American Dream*» требует не только перевода, но и объяснения

социокультурного значения этого понятия для того, чтобы было оказано то же воздействие на русскоязычную аудиторию, что и на англоязычную [3, с. 56].

Если говорить о синтаксическом уровне, то следует подчеркнуть, что для грамматической связности и сохранения воздействия оригинальной речи, при переводе требуются значительные изменения в синтаксисе.

Предложения на английском языке могут быть сложными и длинными, содержать несколько придаточных частей, что реже встречается в русском синтаксисе. Переводчикам необходимо разбивать такие предложения на более короткие и понятные сегменты, сохраняя при этом логику. Например, Маргарет Тэтчер достаточно часто использует такого рода конструкции, и чтобы сохранить советующую силу эмоционального воздействия на русскоязычную аудиторию, эти предложения требуется разделять на более короткие.

Что касается порядка слов, в английском языке часто используется структура предложения существительное → глагол → определение, в то время как русский язык более гибок в отношении порядка слов, для выделения важной части предложения часто используется структура существительное → определение → глагол или нужный сегмент помещается в конец предложения [16, с. 90]. Переводчикам приходится корректировать порядок слов в соответствии с синтаксическими нормами русского языка, сохраняя при этом акценты и нюансы оригинальной речи.

В английском языке часто используются пассивные конструкции, которые менее распространены в русском. Переводчики должны преобразовывать пассивные предложения в активные там, где это необходимо, чтобы повысить ясность и прямоту изложения в соответствии с привычными для русского языка способами построения предложения. К примеру, в дипломатических выступлениях Кондолизы Райс можно увидеть формальный язык с множеством пассивных конструкций. При переводе ее речи переводчикам следует прибегать к перефразированию, в обратном случае речь политика будет звучать неестественно для русскоязычной аудитории.

На стилистическом уровне решающее значение для эффективной передачи намерения оратора и запланированного воз-

действия на аудиторию оказывают выбранный тон, стиль и риторические приемы. Переводчикам следует это учесть. Например, Дональда Трамп использует неформальный, часто разговорный тон речи. Перевод его речи — непростая задача, требующая соблюдения баланса между сохранением его отличительного стиля и уместностью в российском политическом дискурсе.

Еще одна неотъемлемая часть политических выступлений — такие стилистические приемы, как метафоры, аналогии и повторы. Например, при переводе анафоры (повторение слова или фразы в начале последовательных предложений), которую часто использует в речи Хилари Клинтон, переводчик должен найти способ повторить этот прием на русском языке, чтобы сохранить желаемое воздействие. Здесь могут возникнуть сложности из-за различий в лексике и синтаксисе языков. От переводчика потребуется активная творческая работа. Рассмотрим еще одного политика — Барака Обаму. Его вдохновляющая риторика часто содержит призывы к единству и надежде на светлое будущее. Такое содержание требует тонкого перевода, особенно при попытке вызвать у российских слушателей аналогичные чувства солидарности и единства.

Рассмотрим речь Дональда Трампа. Она характеризуется простотой, повторами и разговорным тоном. Переводчикам приходится держать баланс между прямолинейностью, и порой даже грубостью стиля политика и необходимостью обеспечить естественность стиля русского языка. Частое использование лозунгов и крылатых выражений (например, «Make America Great Again»), требует от переводчика поиска броских и емких эквивалентов на русском.

Рассмотрим речь Хилари Клинтон. С точки зрения стиля ее можно назвать формальной. Переводчики должны обеспечить

точность ее высказываний, упростить сложные для восприятия политические идеи. Клинтон использует гендерно-инклюзивную лексику, что создает дополнительные трудности, учитывая различия в том, как гендер выражается в русском языке.

Риторика Маргарет Тэтчер отличается точностью и емкостью. Переводчикам следует стараться передать логичную аргументацию на русском языке, чтобы сохранить убедительную силу речи политика. Использование исторических отсылок и фактов британской культуры тоже требует адаптации для российских слушателей.

Речь Барака Обамы отличается красноречием и эмоциональностью. Политик использует анекдоты и личные истории, которые также приходится адаптировать, чтобы сохранить проникновенность и эмоциональность речи и для русскоязычной аудитории.

Кондолиза Райс использует в большей мере официальный стиль. Переводчикам необходимо сохранить ее тон, обеспечить при этом ясность и формальность языка. Использование технической и политической терминологии требует точного перевода.

Таким образом, перевод общественно-политических выступлений с английского языка на русский — сложная задача, требующая внимательного отношения к лексико-грамматическим, синтаксическим и стилистическим уровням. Уникальный стиль каждого политика создает свои трудности, требуя от переводчиков соблюдения баланса между точной и полной передачей содержания оригинальной речи и культурной и языковой адаптацией. Понимая эти нюансы, переводчики могут эффективно передать российским слушателям предполагаемый смысл, тон и воздействие англоязычной политической речи.

Литература:

1. И. Н. Артемьева. Теория и практика перевода: учеб. пособие. — СПб.: РГГМУ, 2020. — 130 с
2. M. Baker. In Other Words: A Coursebook on Translation. Routledge, 2018
3. B. Hatim, & I. Mason. The Translator as Communicator. Routledge, 1997, p. 2013
4. D. Crystal. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 582 p.
5. L. Venuti. The Translator's Invisibility: A History of Translation. — London: Routledge, 1995. — 368 p.
6. E. A. Nida, C. R. Taber. The Theory and Practice of Translation. — Leiden: Brill, 1969. — 226 p.
7. J. House. Translation Quality Assessment: Past and Present. — London: Routledge, 2015. — 236 p.
8. R. Fowler. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. — London: Routledge, 1991. — 259 p.
9. Р. Якобсон. О лингвистических аспектах перевода. — М, 1978. p. 239.
10. C. Schäffner. Political Texts as Sensitive Texts for Translation. In K. Malmkjær (Ed.), Translation and Language Teaching: Language Teaching and Translation. — Clevedon: Multilingual Matters, 1997. — pp. 135–146
11. M. Snell-Hornby. Translation Studies: An Integrated Approach. — Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1988. — 240 p.
12. N. Fairclough. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. — London: Longman, 1995. — 270 p.
13. R. Fowler. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. — London: Routledge, 1991. — 259 p.
14. P. Chilton, C. Schäffner (Eds.). Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse. — Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2002. — 344 p.
15. В. Н. Комиссаров. Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие; под ред. Д. И. Ермоловича. — 2-е изд., испр. — М.: Р. Валент, 2011. — 407 с.
16. Я. И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода [Текст]; доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. — 4-е изд., стер. — М.: Р. Валент, 2010. — 240 с.

Лексико-грамматические особенности перевода текстов политического дискурса с английского языка на русский язык

Мушникова Марина Александровна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности перевода на русский язык лексических единиц и грамматических конструкций, свойственных текстам политического дискурса, созданным носителями английского языка.

Ключевые слова: политический дискурс, тексты политиков, английский язык, лексика, грамматика, перевод.

Главной отличительной чертой текстов, которые созданы в русле политического дискурса, является не столько их лексическое и грамматическое разнообразие, сколько такая категория, как мотивированность выбора тех или иных лексико-грамматических конструкций. Политическая речь имеет своей главной целью воздействие на слушателя, и лишь от успешности её реализации зависит «эффективность политического дискурса» [4, с. 244].

Это положение детерминирует тот факт, что политические деятели особенно ответственно относятся к построению своих публичных выступлений не только с точки зрения аргументации (что также соотносится с убеждением как главной функции речи), но и с точки зрения языковых средств. Переводчик в данном отношении должен стремиться максимально точно передавать смысл высказывания, опираясь на авторскую идею, транслируемую в том числе и за счёт лексико-грамматических особенностей текста политического дискурса.

Отметим основные черты лексико-грамматического строя речи политического дискурса. Во-первых, тексты публичных выступлений политиков лишены эмоциональности на лексическом уровне. Именно грамматика выступает здесь транслятором эмфатичности. Тогда как в плане лексического состава преобладают абстрактные слова, устойчивые выражения, характерные для политического дискурса, заимствования (в нашем случае — с англоязычными текстами — это обилие французских заимствований), а также клише. Грамматические особенности заключаются в частотном обращении авторов политических выступлений к пассивному залогу, употреблению инфинитивов, модальных слов и герундия. На уровне фразы политическому дискурсу характерны эллипсис и инверсия.

Целью использования модальных слов, по справедливому замечанию И. С. Лебедевой, И. Д. Романовой, становится придание большей эмоциональности высказыванию опять же для реализации воздействующей функции политической речи [3, с. 78]. Для большей убедительности в текстах политиков нередко употребление герундия, а также инверсии, позволяющей подстроить факты, исторические свидетельства под конкретную ситуацию, незаметно, но качественно искажая смысл «событий, текстов, истории или реальности» и рождая ряд «альтернативных или даже ошибочных моделей мира» [1, с. 97]. Интерес также представляют эллиптические конструкции, которые призваны придать высказыванию большую экспрессивность [2, с. 311], что компенсирует сухость и абстрактность используемой лексики.

Принимая во внимание то, что выбор данных речевых оборотов и языковых средств неслучаен, переводчик сталкивается с проблемой их адекватной передачи за счёт иноязычных речевых и языковых средств с целью сохранения авторской идеи и более точной экспликации воздействующей функции текста политического дискурса.

Приведём конкретные примеры вариантов перевода лексико-грамматических особенностей текстов политического дискурса с учётом необходимости сохранения авторской стратегии донесения информации до реципиента и оказания на него должного воздействия. Отметим, что основным приёмом русских переводчиков становится грамматическая трансформация, проявляющаяся в объединении предложений, разделении предложений, а также в замене частей речи в оригинальном англоязычном тексте, что зачастую делает фразу более ёмкой и лаконичной для русского реципиента.

В частности, интерес представляет текст Маргарет Тэтчер «Let me give you my vision», являющийся знаковым для политика и прозвучавший на конференции в Брайтоне в октябре 1975 года. Материалом исследования выступает аудиозапись речи английского политика и её перевод, выполненный российским специалистом С. П. Перегудовым.

Примером грамматической трансформации служит перевод фрагмента речи М. Тэтчер «Our leaders have been different men with different qualities and different styles. But they have one thing in common. Each met the challenge-of-his-time», который С. П. Перегудов передал при помощи использования приёма объединения предложений. Российский переводчик сформировал из данных простых предложений сложное с разнообразием знаков препинания, что придало высказыванию большую логичность, поскольку уловить конкретную мысль автора текста посредством сложного предложения легче.

Нередки случаи, когда специалисты в области перевода прибегают к прямо противоположному приёму — членению сложных предложений на простые, например, в тех случаях, когда невозможно передать логику фразы средствами русского языка. В исследуемом тексте иллюстративным представляется следующий пример: «It wasn't Britain I was criticising. It was-Socialism». В варианте С. П. Перегудова он звучит так: «Я критиковала не Британию, а социализм». Здесь целью переводческой деятельности являлось максимальное сохранение смысла высказывания и его адекватная передача средствами современного русского языка.

Включение в текст перевода дополнительных лексических единиц становится частотным приёмом в том случае, когда пе-

реводчик стремится не только донести смысл англоязычного оригинала, но и представить её в доступной для русского слушателя форме. Например, в речи М. Тэтчер встречается конструкция «*a 3-day week*», которая потребовала от специалиста вставки лексемы «рабочая» для более точного представления русскоговорящему реципиенту целостной фразы «трёхдневная рабочая неделя».

Таким образом, переводческие лексико-грамматические трансформации позволяют сделать текст политического дискурса доступным для русского слушателя за счёт использования приёмов объединения и разъединения предложений,

добавления языковых элементов, а также опущения их в тех случаях, когда не наблюдается потеря авторской идеи подачи мысли. Лексико-грамматические трансформации оказываются неизбежными при работе переводчика, поскольку между русским и английским языком наличествует определённая разница в грамматическом устройстве, однако их использование в переводческой деятельности оказывается непростой задачей для специалиста, стремящегося максимально адекватно транслировать смысл англоязычного политического выступления без потери авторского стиля, жанровых характеристик текста политического дискурса и воздействующей функции текста.

Литература:

1. Берендеев М. В. Семиотические инверсии в формировании политического образа в медиадискурсе (на примере образа России в СМИ Германии) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 3. — С. 94–102.
2. Давыдова М. М. Функционирование эллиптических высказываний в англоязычном политическом дискурсе // Университет XXI века: научное измерение: Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, 13–29 июня 2018 года. — Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2018. — С. 310–312.
3. Лебедева И. С. Модальные глаголы как средство воздействия в персональном и институциональном дискурсе / И. С. Лебедева, И. Д. Романова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 15 (810). — С. 77–86.
4. Равочкин Н. Н. Особенности политического дискурса // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 244–250.

Organization of work with incoming documents in the administration of the Grayvoronsky urban district

Pecherskaya Marina Aleksandrovna, student master's degree

Scientific advisor: Shemaeva Elena Victorovna, candidate of philological sciences, associate professor

Belgorod State National Research University

In the article, the author tries to describe the procedure for processing incoming documents in the administration of a local government body.

Keywords: document, incoming, administration, registration.

Municipal formation — Grayvoronsky urban district was granted the status of an urban district by the law of the Belgorod region in 2018. [1, p. 52] The administrative center of the Grayvoronsky urban district is Grayvoron.

The structure of local government bodies of the Grayvoronsky urban district consists of: the Council of Deputies of the Grayvoronsky urban district; the chairman of the Council of Deputies of the Grayvoronsky urban district; the administration of the Grayvoronsky urban district; the control and accounting commission of the Grayvoronsky urban district.

The Grayvoronsky urban District Administration is the executive and administrative body of the Grayvoronsky urban District.

All document management operations are carried out by the office management department of the office of the head of the Grayvoronsky urban District administration. The movement of documents

is provided by the subsystem for managing internal processes of the regional information and analytical system «Electronic Government of the Belgorod region».

Analyzing the total volume of document circulation over the past 5 years, there is a noticeable tendency for its increase on figure 1.

In the administration of the Grayvoronsky urban district, three document flows can be distinguished: incoming, internal, and outgoing.

The incoming document flow consists of documents received from: the Belgorod Regional Duma, the Governor and heads of the Belgorod Region, the Government of the Belgorod Region, other organizations, and citizens.

The methods of delivery of incoming correspondence to the administration of the Grayvoronsky urban district are: Russian Post, «Electronic Government of the Belgorod region», fax, courier delivery, e-mail. The percentage of delivery methods is shown in figure 2.

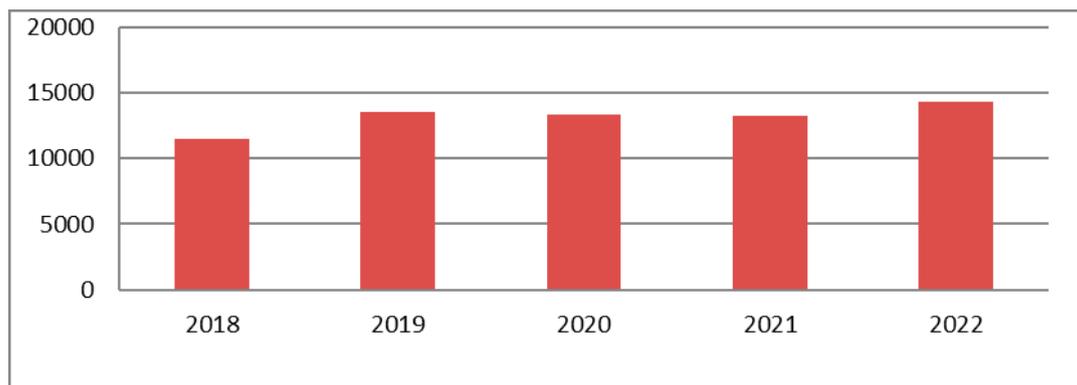

Fig. 1. Dinamika obshchego dokumentooborota za 2018–2022 gg

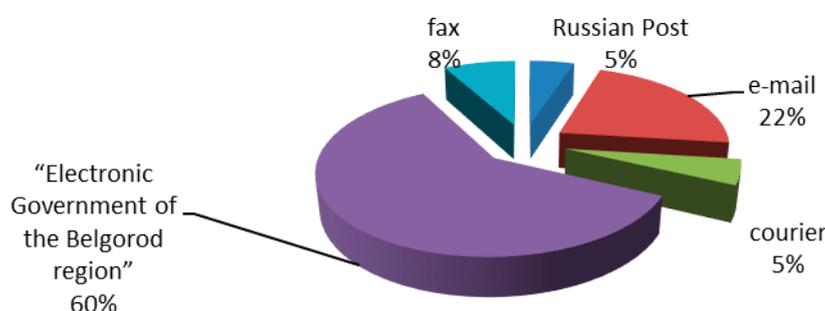

Fig. 2. Document delivery methods

The movement of the incoming document flow is organized by the following procedures:

1. Acceptance and primary processing of the document (for documents received by Mail from Russia, the correctness of the document’s address is checked, the presence of a mark «personally», after opening the envelope, the presence of all attachments specified in the text of the cover letter, in the absence of any document, an appropriate act is drawn up).
2. Creation of an electronic image of the document (for documents received on paper).
3. Preliminary examination of the document by the office management department.
4. Registration.
5. Consideration by the head of the city district administration or another head.
6. Transfer to execution in accordance with the resolution.
7. Setting up control over the execution of the document.
8. Execution.
9. Removal from control and sending the document to the case.

All the documents that have been dropped are registered in the office management department through the «Electronic Government of the Belgorod region» once: upon receipt of the document before 16:00 — on the same day, upon receipt after 16:00 — on the next business day.

The purpose of registration is to give the document legal force, to ensure accounting, control and search of documents. Registration allows you to:

- to confirm the receipt of the document;

- create a registration and reference device that can be used for informational purposes;
- to monitor the execution of the document;
- to give qualitative and quantitative characteristics of documents [4, p. 130].

If the received document is not registered, the organization does not assume responsibility for it, since it is not possible to confirm the fact of receipt [3, p. 44].

On the paper version of the received document, a stamp is affixed in the lower right corner, in which the registration number and date of registration are handwritten. The registration numbers of incoming documents are generated according to the following requirements:

- when registering incoming documents from legal entities: the index of the municipality assigned in the Administration of the Governor of the Belgorod region, the «dash» sign, the index assigned to the head in the administration of the city district, the «dash» sign, the index of the type of document assigned according to the nomenclature of cases in the administration of the city district, through the «slash» sign, the serial number in within a calendar year (for example, 46–01–04/1325);
- when registering incoming appeals from citizens: the first letter of the applicant’s surname, through the «dash» sign, the serial number of the appeal within the calendar year (for example, G-145).

For documents received on paper, an electronic image is created by scanning for placement in the «Electronic Government of the Belgorod region» (except for documents containing personal data, documents marked for official use, they are transmitted only on paper under signature in a printed registration (depersonalized) card.

Considering that the originals of incoming documents must be subject to centralized storage according to the requirements of the nomenclature of cases, they are marked «Subject to return» and the executors are obliged to return the original document upon completion of the execution of the document [4, p. 130].

When registering incoming documents in the «Electronic Government of the Belgorod region», the following information is filled in: incoming number; unit code; case code; registration date; correspondent; who signed; outgoing document number from the correspondent; date of outgoing document from the correspondent; type of document flow; delivery method; summary; note; resolution; call/request; frequency of execution, year.

All received documents undergo a preliminary review procedure in the office management department of the head of administration to identify documents that require mandatory consideration by the head or addressed to other heads of administration.

After reviewing the incoming document by the head of the administration, his deputies, the executive is determined in the resolution, the instructions themselves are formulated within the framework of the execution of this document, the date and signature of the head. The resolution is drawn up on a special sheet or on the document itself in the upper right corner or on any free space if there is none in the upper right corner. Next, the document is translated for execution by creating an electronic resolution in the document registration card.

The statistics of incoming documents are shown in figure 3.

The execution of the document involves the collection of necessary information, the preparation of a draft document, its approval, signing and preparation for shipment.

If you imagine the volume of document flow over the past five years in terms of document flows, you can see which flows are increasing document flow. As follows from the diagram in figure 4, the increase is mainly due to an increase in incoming and internal document flow.

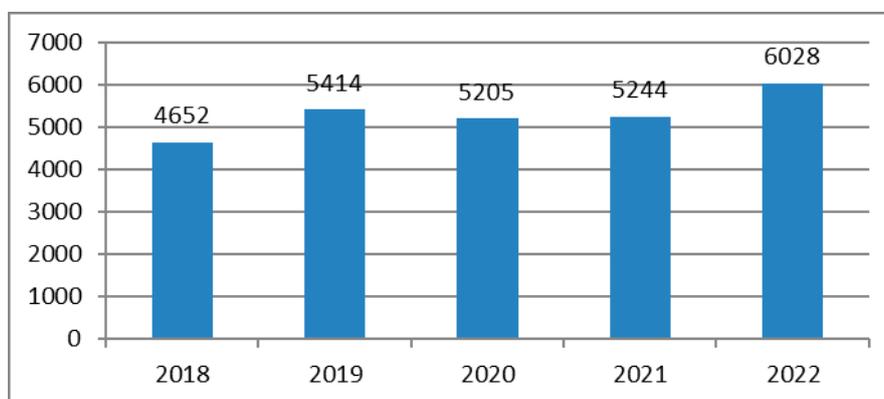

Fig. 3. Volume of incoming document flow

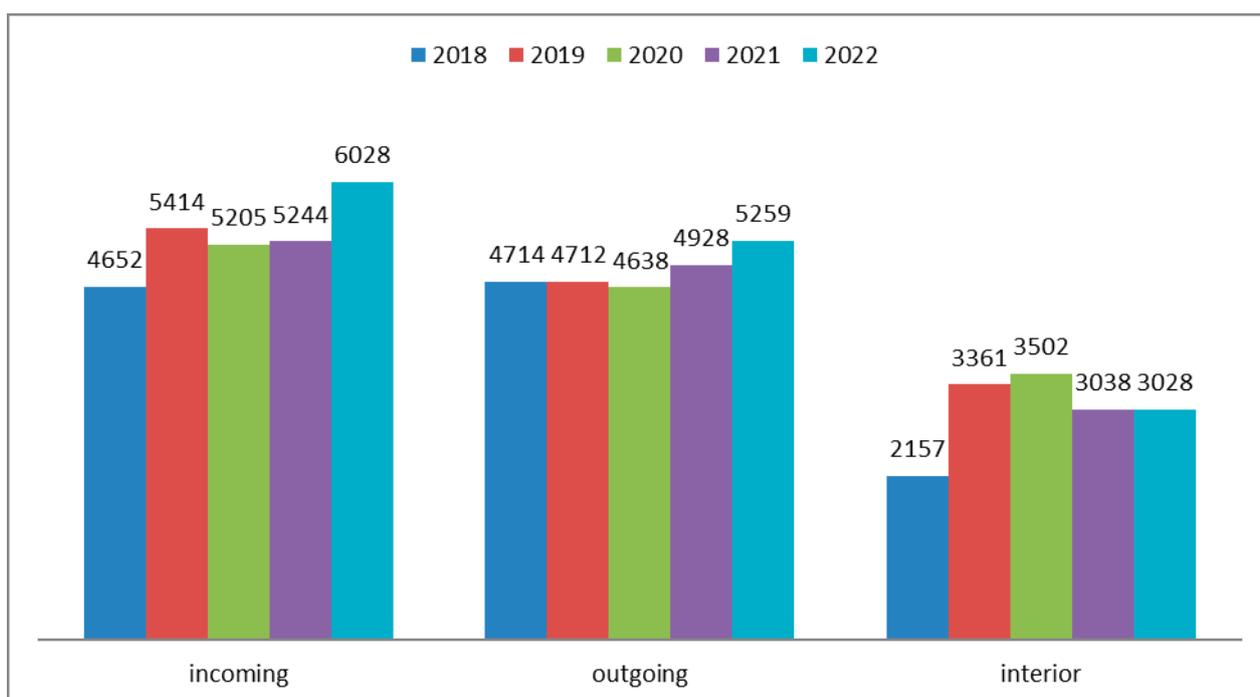

Fig. 4. Dynamics of document flow by document flow

Control over the execution of incoming documents is also carried out in the «Electronic Government of the Belgorod region», where information is entered on the date of control, the deadline for execution and performers, the frequency of execution, if available.

The document is removed from control after the submission of the reporting document. The document is considered executed if all the issues raised in the order or requested by the correspondent have been resolved.

References:

1. The Charter of the Grayvoronsky urban district (approved by the decision of the Council of Deputies of the Grayvoronsky urban District dated 11/08/2018 No. 37). — Grayvoron, 2018. — 52 p.
2. Petrova Yu. A. Secretarial business. The desk book of the secretary-referent. — M.: Omega-L, 2008, 318 p.
3. Secretarial work (samples of documents, organization and technology of work): study.-practice. Manual / V.V. Galakhov, I. K. Korneev [et al.]; edited by I. V. Korneev — M.: TK Velbi, Prospekt Publishing House, 2007. 608 p.
4. Office work: Samples, documents. Organization and technology of work. More than 120 documents. 2nd ed., reprint. And additional / V.V. Galakhov, I. K. Korneev et al.: edited by I. K. Korneev, V. A. Kudryaev. — Moscow: TK Welby, Prospekt Publishing House, 2005, 456 p.

Роль дисфемизмов в современных текстах СМИ, посвященных политическим конфликтам

Полякова Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Настоящая статья посвящена исследованию роли дисфемизмов в современных текстах СМИ, посвященных политическим конфликтам. В работе проанализированы основные определения понятия «дисфемизм», предложенные лингвистами, а также причины использования дисфемизации в политическом дискурсе. В статье также рассматриваются примеры использования дисфемизмов в политических текстах современных англоязычных СМИ, исследуются выполняемые ими функции и их манипулятивный потенциал.

Ключевые слова: дисфемизм, дисфемизация, СМИ, пейоратив, политический дискурс, манипулятивное воздействие.

Средства массовой информации стали неотъемлемой частью жизни в современном мире. Заинтересованность людей в происходящих в мире событиях постоянно возрастает, что способствует увеличению числа СМИ. Пожалуй, каждому современному человеку знаком эпитет «четвертая власть», который используется в отношении СМИ с целью подчеркнуть тот факт, что журналисты обладают большой властью и могут определенным образом воздействовать на сознание людей. Стоит отметить, что современные источники информации действительно в значительной степени оказывают влияние на формирование у людей положительной или негативной оценки каких-либо событий.

Возможность влияния на сознание людей и стремление контролировать их образ мышления влекут за собой необходимость использования в текстах СМИ определенного пласта лексики, которая могла бы намеренно нарушать существующие нормы политической корректности с целью вызвать бурную реакцию адресата — дисфемизмов.

Дисфемизация позволяет журналистам и политикам транслировать идеи и мысли в наиболее выгодной для них форме. Особую важность она приобретает в кризисных ситуациях, поскольку корректно подобранное слово способно обнадежить человека, успокоить его или же, наоборот, побудить его к какому-либо действию, вселить в него страх, пробудить агрессию.

В настоящее время в науке нет единого мнения о том, что можно считать дисфемизмом, поскольку мнения исследователей относительно данной проблемы расходятся. По мнению О.С. Ахмановой, дисфемизм представляет собой «троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» [2, с. 137]. Т.В. Матвеева определяет дисфемизм как «намеренно резкую форму выражения эмоциональной оценки, замену стилистически нейтрального слова или выражения грубым, сниженным» [3, с. 95].

Таким образом, явление дисфемизации подразумевает намеренное обозначение какого-либо явления, процесса или предмета более грубым словом или выражением. Основной целью употребления дисфемизмов в речи является стремление выразить раздражение, пренебрежение, ненависть.

Интересным с точки зрения лингвистики является вопрос о том, зачем нужны дисфемизмы в политическом дискурсе. В своем исследовании Е.В. Шишова отмечает, что языковое явление дисфемизации «возникает в процессе демократизации вокабуляра как либеральный отклик на представленную свободу слова» [5, с. 73].

О.Д. Пастухова выделяет четыре причины употребления дисфемизмов в политическом дискурсе. В качестве первой причины исследовательница определяет стремление заполнить ре-

чевое пространство, освободившееся в результате сужения поля искусственных запретов. Речь современного человека характеризуется агрессивностью и негативной экспрессией, что влечет за собой все более активное использование слов с негативной коннотацией. Второй причиной, по мнению лингвиста, является непринужденное психологическое состояние автора речи. Подобное состояние может побудить человека к намеренному нарушению существующих в обществе речевых и языковых норм и ограничений. Еще одной причиной активного употребления дисфемизмов в политическом дискурсе является стремление дискредитировать оппонента с целью привлечения внимания аудитории [4, с. 70]. Четвертой причиной является стремление следовать «речевой моде», которая подчас содержит и негативные коннотации. Целью автора в данном случае является попытка создать и укрепить имидж обыкновенного человека, разговаривающего на простом, понятном всей аудитории языке [4, с. 72].

Стоит упомянуть о том, что лексические единицы с нейтральной коннотацией также могут приобретать дисфемистические свойства, поскольку изменения в денотативном плане, которым они подвергаются, влекут за собой и трансформацию их коннотативных значений. Подобные языковые единицы приобретают пейоративность благодаря контексту [1, с. 92].

В текстах современных СМИ, посвященных политическим конфликтам, дисфемизмы получили весьма широкое распространение. Действия недружественных стран зачастую характеризуются лексическими единицами с пейоративной окраской.

Так, автор статьи CNN использует в тексте единицу с яркой пейоративной окраской: «The Trump administration viewed Soleimani as a *ruthless killer*...» [7]. Дисфемизм *a ruthless killer* («безжалостный убийца») употребляется журналистом в отношении Касема Сулеймани — одного из сторонников президента Сирии Башара аль-Асада, правление которого США не поддерживают. Представленное высказывание построено таким образом, что, на первый взгляд, пейоративная оценка дается не самим автором, а членами администрации бывшего американского президента Дональда Трампа; однако журналист не использует прямых цитат, что позволяет сделать вывод об употреблении завуалированного дисфемизма. Стоит отметить, что подобные пейоративы оказывают наиболее сильное манипулятивное воздействие не только ввиду наличия стилистической маркированности, но и благодаря своей завуалированности. Негативная коннотация данной лексической единицы позволяет внушить аудитории определенное отношение не только к данной фигуре, но и к правлению президента Сирии и всем его сторонникам.

Лексические дисфемизмы встречаются в политических текстах СМИ довольно часто: «More than 1,400 Israelis have been killed, the vast majority civilians *massacred* in Hamas' Oct. 7 assault.» [8].

В представленном примере использованная журналистом лексема *massacred* («вырезанные») обладает резко негативной коннотацией, ввиду чего является средством манипулирования общественным сознанием. Автор данной статьи отказывается от менее негативно окрашенных единиц *killed* и *murdered*, предпочитая им синоним, несущий более яркую негативную оце-

ночность. Выбор данной лексической единицы, разумеется, неслучаен: автор стремится охарактеризовать действия палестинских военных как крайне жестокие, бесчеловечные. Несомненно, сообщение о том, что граждан определенной страны «вырезали» во время нападения, окажет существенное воздействие на сознание читателя, сформировав крайне отрицательное отношение к напавшей стороне. Данный дисфемизм призван выполнить функцию дискредитации страны-оппонента в глазах читателей, заложив определенное восприятие действий ее представителей.

Наибольшим манипулятивным потенциалом, однако, обладают синтаксические дисфемизмы, поскольку их идентификация затруднена ввиду их неочевидности для реципиента: «... Soleimani was caught «red-handed» ... meeting with *another terrorist leader*.» [9]. Нейтральная лексическая единица *another terrorist leader* («другой лидер террористов») подразумевает, что тот, о ком идет речь, также является лидером некоей террористической организации; на это указывает местоимение *another*. Это позволяет утверждать, что журналист завуалированно называет Касема Сулеймани террористом. Таким образом, абсолютно стилистически нейтральная фраза, которая, на первый взгляд, не содержит никакой оценки военного деятеля, представляет собой скрытый дисфемизм, оказывающий значительное манипулятивное воздействие вследствие своей завуалированности.

Одним из наиболее интересных аспектов дисфемизации является то, что в определенном контексте пейоративную окраску могут приобретать абсолютно нейтральные языковые единицы, иными словами, дисфемизмом может стать любое слово или словосочетание, которое имеет нейтральную или даже положительную окраску: *Washington and Beijing have been on a collision course over China's increasingly assertive actions ... and Beijing's goal of *annexing* Taiwan, by force if necessary.*» [6].

Рассматриваемый пример иллюстрирует именно данный аспект. Глагол *to annex* («аннексировать») представляет собой нейтральный политический термин, которым обозначается насильственное присоединение страной части или всей территории другой страны. В представленном контексте он приобретает пейоративную окраску, поскольку, несмотря на оказываемую США поддержку, Тайвань официально является частью территории Китая, что обуславливает невозможность его аннексии республикой. В данном случае реализуется функция дискредитации оппонента посредством применения тактики введения в заблуждение. Данная тактика обладает значительным манипулятивным потенциалом, поскольку путем ее реализации в сознание аудитории внушается определенное видение ситуации, часто не соответствующее действительности в полной мере.

В заключение стоит отметить, что сегодня дисфемизмы становятся все более мощным орудием в руках СМИ. В настоящий момент дисфемизация подразумевает не только использование единиц с яркой негативной коннотацией, но и нейтральных или даже положительно окрашенных лексем. Все это позволяет успешно манипулировать сознанием реципиента, закладывая определенное видение тех или иных событий и определенное отношение к ним.

Литература:

1. Абакова, Т. Н. Дисфемизмы и эвфемизмы как способ языкового воплощения стратегии дискредитации в текстах политической сферы (на материале англоязычной прессы) // Аналитика культурологии. — 2013. — № 27. — С. 91–94.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 562, [1] с. — Словари.
4. Пастухова, О. Д. Основные функции дисфемизмов и причина их употребления в политическом дискурсе // Вестник ЧелГУ. — 2014. — № 6 (335). — С. 69–72.
5. Шишова, Е. В. Определение термина дисфемизм в лингвистических терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях // Вестник ТГГПУ. — 2014. — № 2 (36). — С. 73–79.
6. Jim Gomez, Aaron Favila US, Filipino Forces Show Firepower at Sea amid China Tension: [Site] // The Associated Press. — URL: <https://apnews.com/article/us-philippines-military-exercises-china-fddf21a772285b9b54f6c8b3cff95532> (date of access: 26.04.2023).
7. Nada AlTaher, Sam Kiley, Tara John Iran Issues Arrest Warrant for Trump over Drone Strike That Killed Qasem Soleimani: [Site] // CNN. — URL: <https://edition.cnn.com/2020/06/29/middleeast/iran-arrest-warrant-donald-trump-intl/index.html> (date of access: 24.04.2023).
8. Najib Jobain, Samya Kullab, Joseph Krauss With Humanitarian Aid Blocked at Egyptian Border, Gaza Draws Closer to Total Collapse: [Site] // The Associated Press. — URL: <https://apnews.com/article/israel-palestinians-gaza-hamas-war-781b3c63af4ae6e-51c313a68f314e66d> (date of access: 23.10.2023).
9. Zachary B. Wolf, Veronica Stracqualursi The Evolving US Justification for Killing Iran's Top General: [Site] // CNN. — URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/07/politics/qasem-soleimani-reasons-justifications/index.html> (date of access: 24.04.2023).

Особенности перевода современной экономической терминологии в научно-публицистических текстах по теме «гостеприимство»

Рымарчук Дарья Сергеевна, кандидат экономических наук, студент магистратуры
Московская международная академия

При переводе текстов экономической тематики очень важное значение имеют термины. Именно в терминах заключена основная информация, которую отправитель желает передать реципиенту [2]. От того, насколько переводчику удастся достичь точности при переводе экономических терминов, зависит качество перевода всего текста экономического содержания, а значит и качество коммуникации, осуществляемое между субъектами общения посредством конкретного экономического текста.

Под переводом экономических терминов понимается переход от лексической единицы оригинала к новой лексической единице языка перевода [1]. При этом может изменяться как структура термина, так и его значение. Кроме того, стоит помнить, что термины не употребляются отдельно, а являются частью предложения, поэтому рассматривая способы их перевода, необходимо учитывать не только лексические трансформации, но и грамматические.

В целях изучения переводческих трансформаций, используемых при переводе современных экономических терминов, были проанализированы статьи тематики гостеприимство, размещенные на сайте ENH Hospitality Business School, являющейся одним из лидеров среди высших учебных заведений, готовящих специалистов в области гостеприимства по всему миру.

В ходе анализа было рассмотрено 5 статей, в которых встретилось 86 экономических терминов, относящихся к сфере гостеприимства. Среди исследованных терминов присутствуют

односоставные (35 терминов), двусоставные (40 терминов) и трехсоставные (11 терминов).

При переводе односоставных терминов чаще других был применен дословный перевод, что подразумевает использование при переводе словарного значения слова. 37% односоставных терминов переведено таким способом. В их числе можно назвать следующие: foresee — предвидеть, employee — сотрудник, empower — наделять полномочиями, partnership — партнерство. Следующими по частоте использования оказались такие переводческие трансформации как, транскрибирование/транслитерация и экспликация. В совокупности 34% однокомпонентных терминов было переведено с применением этих двух приемов. В качестве примера можно привести trend — тренд, brand — бренд, service — сервис, agent — сотрудник, работающий с клиентами, attendant — сотрудник кафе, встречающий гостей, hotelier — управляющий отелем. Реже всего при переводе однокомпонентных терминов были использованы приемы «калькирование» и «грамматическая замена» (по 11% терминов в каждой группе): proactive — проактивный, integrating — интегрирование, conference — конференция, statistics — статистика, require — запросы, analytics — аналитика. Практически не был использован прием конкретизации. Всего 5,7% однокомпонентных терминов переведено с использованием данной трансформации. Например, businesses — организации сферы сервиса, outlet — кофейня. Ни разу при переводе однокомпонентных терминов в исследуемом материале не был использован анто-

нимический прием, а также такие лексические трансформации как, генерализация и модуляция.

Таким образом, можно заключить, что при работе с однокомпонентными экономическими терминами в первую очередь стоит обратиться к их словарному значению, а в случае отсутствия термина или подходящего значения термина использовать приемы транслитерации/транскрибирования или самостоятельно дать описание термина, особенно, если текст не рассчитан на специалистов, работающих в сфере гостеприимства.

При анализе двусоставных терминов, которых в исследуемых статьях встретилось больше всего, оказалось, что самым часто используемым приемом перевода является калькирование. Больше половины всех двусоставных терминов, а именно 65%, переведено калькированием: *customer care* — обслуживание клиентов, *customer needs* — ожидания клиентов, *contact center* — контактный центр, *digital tools* — цифровые ресурсы, *delivering service* — доставка. Вторым по частоте использования стал прием «экспликация». 15% двусоставных терминов переведено данным способом. Например, *Impact Report* — отчет о результатах рабочих процессов; *general manager* — управляющий отелем; *managing director* — управляющий отелем, *regular brand* — компания, работающая с массовым потребителем. Немного реже, чем экспликация был применен дословный перевод (12,5% двусоставных терминов). Например, *employee engagement* — вовлеченность персонала; *potential issues* — потенциальные проблемы. Практически не использовались приемы «конкретизация», «модуляция» (по 2,5% двусоставных терминов каждый): *operational excellence* — превосходное выполнение рабочих операций; *the vehicle of excellence* — существенный элемент обслуживания; *standalone hotel* — уникальный отель. Не нашли применения при переводе двусоставных экономических терминов тематики гостеприимство такие переводческие трансформации как, транскрибирование/ транслитерация, генерализация, грамматические замены, антонимический перевод.

Делая вывод, можно заключить, что при переводе двусоставных экономических терминов тематики гостеприимство, в большинстве случаев следует обращаться к калькированию, затем к экспликации, дословному переводу и в редких случаях к другим лексическим трансформациям. Такая популярность калькирования связана с тем, что большое количество терминов, особенно современных, в сфере гостеприимства являются заимствованными. Однако, приходя в русский язык, они не остаются в неизменном виде, а трансформируются, основываясь на правилах русского языка и реалий ведения бизнеса в сфере гостеприимства.

Трехсоставных терминов в исследуемых статьях встретилось меньше всего (13% всех терминов). При переводе данных терминов самым частотным приемом оказался, так же, как и в случае с двусоставными терминами, калькирование. 72,7% всех трехсоставных терминов переведены таким способом.

Литература:

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. Шк., 1990. — 253 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://library.lgaki.info:404/2017/Комиссаров%20В_Теория%20перевода.pdf (дата обращения 10.05.2024)

В качестве примера можно привести следующие: *people-centered approach* — клиентоориентированный подход; *service profit chain* — цепочка ценностей; *hierarchical approval process* — процесс согласования с руководством. На втором месте по частоте использования — экспликация (18% всех трехсоставных терминов): *customer support teams* — сотрудники, работающие с клиентами; *CRM (customer relationship management)* — система управления взаимоотношениями с клиентами. Один раз встретился прием модуляции: *free flow of information* — процесс взаимодействия с потребителями. Другие приемы переводческой трансформации не встретились ни разу при переводе трехкомпонентных терминов тематики гостеприимство.

Таким образом, анализ выбранных статей тематики гостеприимство показал, что при переводе трехсоставных терминов необходимо главным образом использовать прием калькирование. Причина применения данного приема в случае перевода трехсоставных терминов заключается в том, что основная терминология является заимствованной и проникая в русскую экономическую культуру принимает черты характерные именно для русского языка, сохраняя при этом структурную основу оригинала.

Наряду с анализом способов перевода экономических терминов были проанализированы также грамматические трансформации, используемые при переводе предложений. Чаше других приемов был применен дословный перевод. 25% предложений в исследуемых статьях переведено таким способом. Например, «In that respect, even a glitch may be transformed into a positive experience because, at the end of the day: »People will forget what you said, they will forget what you did — but they will always remember how you made them feel» [3] — «При таком отношении, даже сбой в работе может превратиться в положительный опыт, потому что в конце дня люди не вспомнят, что вы сказали, что вы сделали, но они наверняка вспомнят какие эмоции вы им доставили».

Практически также часто (21% предложений) были использованы такие трансформации как: членение предложения; грамматические замены; компенсация.

Практически не были использованы при переводе предложений в исследуемых статьях тематики гостеприимство такие трансформации, как «конкретизация», «генерализация» и «модуляция».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при работе с экономическими текстами, относящимися к категории информативных, необходимо быть очень внимательным к смыслу оригинального текста и осуществляя перевод анализировать насколько структура, использованная в предложении на английском языке, позволит донести содержание до читателя на русском. Достаточно часто и это подтвердил проведенный анализ, необходимо разделять сложное предложение на более простые, изменять структуру оригинального предложения или даже вводить дополнительную информацию для того, чтобы наиболее полно донести суть высказывания до реципиента.

2. Коробков И. А. Особенности перевода экономических терминов / И. А. Коробков // Профессиональная коммуникация: язык, культура, перевод: сборник статей III Внутривузской молодёжной научной конференции, Курск, 08 ноября 2022 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск: Б. и., 2022. — С. 148–152. — EDN TONNIQ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_49532934_84595467.pdf (дата обращения 08.05.2024)
3. Franck Louveau Starbucks Superhero: An Outstanding Customer service experience example. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://hospitalityinsights.ehl.edu/service-excellence-superhero-example> (дата обращения 12.05.2024)

Проблемы в области перевода и значение их решения

Хамидова Наргиза Юсуфовна, старший преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

Информация о проблемах, характерных для сферы перевода, и их актуальности представлена в данной статье. Достаточное представление о них позволяет глубоко понять суть этой деятельности. Таким образом, в этой работе обобщены важные проблемы перевода и даны ответы на некоторые широкие, важные вопросы.

Ключевые слова: язык, перевод, культура, критика, редактирование, анализ, стиль, комментарий, объяснение, понимание, типы текстов, фактор переводчика, единица перевода.

В узбекской литературе периода независимости наряду со всеми видами и жанрами отчетливо виден рост и изменения в практике художественного перевода. Особенно приятно, что прослеживается перевод с языка оригинала. В этой связи большие надежды вызывает тот факт, что молодые люди проверили свой талант и смело приступили к переводу образцов литературы народов Востока и Запада непосредственно на наш родной язык. В то же время люди проявляют хорошую инициативу по переводу шедевров узбекской литературы на иностранные языки. Последовательность работы в этом направлении подтверждается тем, что Департаментом художественного перевода и международных связей при Союзе писателей Узбекистана совместно с высшими учебными заведениями столицы и регионов страны создана «Школа молодых переводчиков», в целях поддержки молодых художников нашей республики, а в издательстве «Адиб» были опубликованы первые переводные произведения молодых переводчиков, можно увидеть на примере издания журнала «Всемирная литература» и многих других мероприятиях. Ведь ни для кого не секрет, что от таланта и энтузиазма нынешнего современного поколения зависит почетная задача достойного представления образцов узбекской литературы на иностранных языках и произведений мировой литературы на нашем родном языке [1. с 45].

До XX века слово «перевод» употреблялось только для перевода исторических, философских, литературных и художественных произведений. По отношению к переводчику используется термин «тилмоч» у тюркских народов, «dolmetechen» у немецкого языка, —interpret у английского и французского языков. Идеи, высказанные в теории перевода, приобрели в этом отношении общий смысл [2. с 74].

Первые исследования, посвященные теории перевода, начали появляться в 20–30-х годах прошлого столетия. В книгах Амоса, Постгета, Финкеля, Алексева, изданных в этот период, а также в книге Санджара Сиддика «Искусство перевода литературы» (1936) мы находим положения, признающие теорию

перевода наукой. В 1950-е годы, после публикации статей по теории перевода известного переводчика Ивана Кашкина и лингвиста Реформатского, начались дискуссии в этой области. Профессор Реформатский выдвинул идею, что «хотя практика перевода обслуживает все дисциплины, теория перевода не может быть самостоятельной наукой, а может быть только разделом языкознания». После этого был опубликован ряд исследований и статей, одобряющих и критикующих их. В 1953 году была основана Международная ассоциация переводчиков (FIT). С 1955 года начал издаваться органный журнал «Бабиль» («Babel») [3. с 122].

Большой интерес для исследователей представляет механизм компрессии речи, связанный с процессом синхронного перевода. Если психолингвистическая природа механизма компрессии уже достаточно изучена, определены количественные особенности компрессии для ряда языковых сочетаний, выявлены основные способы компрессии, то происходят изменения в синтаксической и лексико-семантической структуре компрессии. предложения, специфичные для определенных языковых сочетаний, представляются нам менее изученной стороной.

В процессе перевода пословицы можно использовать ее альтернативный вариант, то есть другую пословицу, соответствующую смыслу переводимого языка. Такие альтернативные пословицы представляют собой универсальный пословичный фразеологизм, т.е. интернациональные пословицы, соответствующие по смыслу друг другу в произведениях французов, узбеков, русских и других народов (4. с 12). Их отличает то, что они представляют собой общечеловеческие качества, в частности, человеческие качества, характерные для всех народов. Поэтому они не считаются национальными пословицами, специфичными для определенного народа, ведь пословицы с таким содержанием можно встретить во всех языках.

В принципе, при переводе узбекских народных пословиц на французский язык основной смысл и суть их не должны терять

своей чистоты. Заслугой перевода является то, что смысл пословицы выражен наиболее ясно и понятно. Ведь своеобразие узбекских национальных пословиц непосредственно отражается в отображении социальной, экономической, культурной и бытовой жизни узбекского народа, топонимике, флоре и фауне, характере и особенностях узбекского народа, существовании традиций и обрядов, литературно-художественный язык.

Общий смысл в переводе должен быть сохранен благодаря грамматической и лексической свободе. Однако, на наш взгляд, при переводе подобных пословиц необходимо обращать внимание на первоначальную суть. Например, *Avant d'épouser une fille, fais connaissance avec sa mère* в пословице *Avant d'épouser une fille, fais connaissance avec sa mère*. (Познакомьтесь с матерью

девушки, прежде чем жениться на ней.) В определенной степени смысл пословицы течет в другую сторону, то есть смысл пословицы состоит в том, чтобы оценить дочь, познакомившись с матерью девушки. Однако, не познакомившись с матерью девочки, можно судить о ней со стороны. Ведь сочетание пословицы в контексте его матери может стать доказательством нашего мнения. То есть при переводе данной пословицы на французский язык использование переводной формы *En* относительно *la mère, épouse sa fille* (переводчика) помогает обеспечить гармонию смысла и содержания пословицы и национального мировоззрения. Потому что *Avant d'épouser une fille, fais connaissance avec sa mère* (Познакомьтесь с матерью девушки, прежде чем жениться на ней) лучше переводится как *En regardant la mère, épouse sa fille* (Она сига қараб, қизига уйлан).

Литература:

1. Эргашев М., Ниязов И. Пословицы и диктанты Узбекистана. — Париж: EDITIONS GEORAMA, 2006.
2. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии и лингвистической дисциплины. Избранные лексикология и лексикография. — М., 1977.
3. Труды. Кунин А. В. Курс современной английской фразеологии. — Москва: Высшая школа, 1986.
4. Маматов А. Е. Проблемы формирования фразеологии узбекского языка. 10.02.02. Национальные языки (узбекский язык). Фил. наука. док. дисс. абстрактный. — Т., 1999.

Семантическое поле «бред» в ранней лирике А. А. Ахматовой

Чупрова Дарина Александровна, студент

Научный руководитель: Козакова Александра Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются состав и структура семантического поля «Бред» в ранней лирике А. А. Ахматовой, определяются особенности функционирования его единиц, часть лексем классифицируется по темам.

Ключевые слова: семантическое поле, бред, ранняя лирика А. А. Ахматовой, микрополе, слово, лексема.

«Бред» — одна из главных категорий в языковой картине мира А. А. Ахматовой. Данная лексема пронизывает всё её творчество. Огромное количество её стихов подхватывает тему любовного бреда, большого кошмара и беспомощности, воспаленного страданием сновидения. Слово «бред» — её любимое слово [7].

Для изучения состава и структуры поэтического языка поэтессы мы воспользуемся полевым подходом, т.е. проведём анализ семантического поля (далее — СП). Несмотря на то, что активное исследование СП началось ещё на рубеже XIX–XX вв., чётко сформулированное определение с его строгими границами до сих пор отсутствует.

Понятие СП рассматривалось в работе М. М. Покровского «О методах семасиологии» [9], в статье Л. М. Васильева «Теория семантических полей» [4], в пособии Т. И. Вендиной «Введение в языкознание» [5], в словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [10] и др. Мы остановимся на определении СП, представленном в словаре Т. В. Жеребило: «Самая крупная лексико-семантическая парадигма, объединяющая слова разных частей

речи, соотносимые с одним фрагментом действительности и имеющие общий признак (общую сему) в лексическом значении» [6, с. 321].

Итак, цель работы заключается в выявлении состава и структуры СП «Бред» в ранней лирике А. А. Ахматовой, а также в определении особенностей функционирования его единиц. К раннему периоду можно отнести три сборника: «Вечер» (1912), «Чётки» (1914), «Белая стая» (1917).

Лексема *бред* является ядром СП. Это слово многозначно: «1. Бессознательное состояние больного, сопровождающееся бессвязной, бессмысленной речью; сама такая речь. | О таких речах, произносимых во сне, в состоянии опьянения и т.п. 2. Мед. Симптом психического заболевания — расстройство мыслительной деятельности. 3. *собр.* Разг. Бредовые мысли, речи и т. п.» [3, с. 96]. Ахматова использует это слово в первом и третьем значении, но довольно поверхностно. В её поэтическом языке это понятие осмысливается очень своеобразно.

Так, часто слово *бред* переплетается у поэтессы с темой любви. К примеру, в стихотворении «Над водой» из-за раз-

луки с любимым пастушком мысли лирической героини путаются: «*Видишь, я в бреду*» [1, с. 63]. А в произведении «Нет, царевич, я не та»... лирическая героиня, наоборот, отрицает своё бессознательное состояние: «*Не подумай, что в бреду*» [1, с. 239]. В стихотворении «Целый год ты со мной неразлучен»... любимый человек лирической героини «с улыбкой блаженной выносит // Страшный бред... забытья» [1, с. 194]. А вот в произведении «Всё мне видится Павловск холмистый»..., наоборот, голос возлюбленного героини характеризуется этим состоянием: «*И, исполненный жгучего бреда, // Милый голос как песня звучит*»... [1, с. 246]. В этих двух стихотворениях бред получает положительную окраску, когда сближается со словами «мечта», «творческая фантазия» [11, с. 109]. Поэтессой бред употребляется и в значении состояния больного. В произведении «Бесшумно ходили по дому»... больной, даже, скорее, умирающий герой, к которому привели лирическую героиню, говорит ей: «*Так меня ты в бреду тревожишь*» [1, с. 203]. В этом случае лексема обозначает ещё и грань между жизнью и смертью, то есть бред умирающего. В этом же значении бред употреблён в стихотворении «По аллею проводят лошадок»... Здесь душа лирической героини пребывает в таком состоянии: «*душа тосковала, // Задыхалась в предсмертном бреду*» [1, с. 55]. Стоит отметить, что у Ахматовой нередко переплетаются значения слов «безумие» и «бред» [11, с. 108].

К ядру СП будут также принадлежать лексемы, однокоренные со словом бред: *бредила* (2 употребления), *бредишь* (1), *бредни* (1).

Для большего понимания этих слов стоит рассмотреть их лексическое значение. *Бредить*: «1. Говорить бессвязно, бессмысленно, находясь без сознания, во сне, состоянии опьянения и т.п. 2. Разг. кем-чем. Быть самозабвенно увлеченным, постоянно говорить, думать об одном и том же. 3. Разг. Говорить нелепости, вздор». [3, с. 96]. Перечислим все случаи употребления данного глагола:

— «*Она бредила, знаешь, больная, // Про иной, про небесный край*»... («Похороны») [1, с. 75];

— «*С детства сестра... // Бредила даже во сне работой*»... («У самого моря») [2, с. 13];

— «*Не живешь, а ликуешь и бредишь*»... («Всё мне видится Павловск холмистый»...) [1, с. 246].

Во всех отрывках лексема *бредить* использована во втором значении. Но всё же этот глагол в контексте произведений Ахматовой частично теряет свой первоначальный смысл и приобретает несвойственное ему позитивное значение, переплетаясь с такими понятиями как «воображение», «мечта».

Теперь рассмотрим значение слова *бредни*: «Бредовые мысли, речи; вздор, чушь». [3, с. 96]. В своём прямом смысле оно встречается в стихотворении «Когда в мрачнейшей из столиц»...: «*Хранит меня от горьких бредней*»... [1, с. 270]. Здесь лексема сохраняет значение неистинного представления или высказывания [11, с. 109].

Периферию поля будут составлять слова, значения которых наиболее удалены от гиперсемы. Эта часть СП отличается большим количеством разнообразных понятий. Но в каждом слове можно найти некий признак, вызывающий ассоциации

с лексемой *бред*. Как мы уже выяснили, мотив бреда в творчестве А. Ахматовой многообразен в своём проявлении. Такой спектр концепций позволил внутри СП выделить 3 микрополя (далее — МП), которым можно дать наименования «Безумие», «Воображение», «Глупость». МП «Воображение» (самое многочисленное) состоит из ряда слов: *воображение* (1 употребление), *сон* (16), *казаться* (в разных формах) (4), *чудиться* (в разных формах) (3), *мечтать* (1), *привиделся* (1). В МП «Безумие» были включены следующие лексемы: *безумный* (в разных формах) (4), *сошла с ума* (1), *больная* (1). В МП «Глупость» (самое малочисленное) вошли такие слова, как *глупые* (1), *глупец* (1), *нелепость* (1).

Определим значения лексем МП «Глупость». *Глупый*: «1. С ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый. 2. Не обнаруживающий ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности». [8]. В стихотворении слово употреблено во втором значении. *Глупец*: «Глупый человек» [Там же]. *Нелепый* (*нелепость* образуется от этого прилагательного): «Не оправдываемый здравым смыслом, странный, несуразный». [Там же]. Так, нелепость — это нечто не соответствующее здравому смыслу, несуразность. Каждый компонент МП использован в контексте стихотворения в прямом смысле:

— «*За глупые письма твои*»... («Высокие своды косяга») [1, с. 139];

— «*Я дрожу... // Над каждым словом глупца*». («Дал Ты мне молодость трудную») [1, с. 108];

— «*Он говорил... о том, // Что быть поэтом женщине — нелепость*». («В последний раз мы встретились тогда») [1, с. 171].

Как мы уже отметили, зачастую в поэтическом языке Ахматовой концепции слов «бред» и «безумие» отождествляются. Поэтому целесообразно выделить отдельное МП «Безумие». *Безумный*, вторая по частоте использования лексема на периферии СП, имеет следующий ряд значений: «1. Лишившийся рассудка; сумасшедший или близкий к безумию, обезумевший. || Выражающий безумие; такой, как у сумасшедшего. 2. Разг. Крайне безрассудный, неразумный. | О таком человеке. 3. Разг. Достигший крайней степени проявления; очень сильный, большой». [3, с. 68]. Во всех случаях данное прилагательное употреблено во втором значении. *Сойти с ума*: «1. Становиться сумасшедшим 2. Разг. Экспрес. Не отдавая отчета в своих действиях, совершать безрассудные поступки, говорить глупости и т.п. 3. Разг. Экспрес. Будучи влюбленным в кого-либо или увлеченным чем-либо, проявлять чрезмерный восторг, восхищение, неистовствовать». [13, с. 671]. В стихотворении выражение использовано во втором значении. *Больной*: «1. Страдающий, поражённый какой-л. болезнью; || Свойственный такому человеку. 2. Чрезмерный в своём проявлении; неестественный, ненормальный»... [3, с. 90]. Употреблено в первом значении. Однако стоит отметить, что само по себе слово *больная* не будет относиться к СП «Бред» — только в контексте стихотворения, в котором этому прилагательному сопутствует глагол *бредила*. Поэтому можно предположить, что здесь имеется в виду болезнь не физическая, а душевная. Приведём примеры использования лексем анализируемого МП:

1. Безумный (в разных формах):
 - «Что ты делаешь, ты, безумный!» («Побег») [1, с. 185];
 - «И в этот час была мне отдана // Последняя из всех безумных песен». («В последний раз мы встретились тогда...») [1, с. 171];
 - «Стремящиеся к ней безумны»... («Есть в близости людей заветная черта...») [1, с. 229].
2. Сошла с ума: «Я сошла с ума, о мальчик странный»... [1, с. 61].
3. Больная: «Она бредила, знаешь, больная»... («Похороны») [1, с. 75].

Изучим лексическое значение слов МП «Воображение». *Воображение*: «Способность воображать, мысленное воспроизведение чего-н., фантазия». [12, с. 70]. В лирическом произведении употребляется в прямом смысле. Самая распространённая лексема СП — сон — имеет следующие определения: «1. Наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения. 2. То, что снится, грезится спящему, сновидение». [8]. У Ахматовой мы можем встретить как первое, так и второе значение слова. *Казаться* (также вторая по частоте употребления лексема на периферии СП): «1. Иметь какой-н. вид, производить впечатление кого-чего-н. 2. Представляться воображению, мысли, предполагаться. 3. в знач. вводн. слова кажется, казалось. Как будто, словно, по-видимому». [12, с. 209]. Во всех случаях используется во втором значении. *Чудиться*: 1. Представляться в мыслях, воображении; казаться, мерещиться. 2. Производить впечатление чего-л., казаться чем-л». [3, с. 1485]. В стихотворениях поэтессы эта лексема осмысливается по-разному. *Мечтать*: «1. Создавать мысленный образ чего-л., представление о чём-л. желаемом, приятном. 2. Сильно желать чего-л.; стремиться к чему-л. 3. Предполагать что-л., надеяться на что-л». В произведении употребляется в первом значении. *Привидеться*: «Представиться, показаться во сне или в воображении». [3, с. 972]. В контексте стихотворения данный глагол сохраняет свой первоначальный смысл, но, потому как произведение меланхолично, на слово накладывается минорный оттенок. Приведём примеры использования перечисленных лексем:

Литература:

1. Анна Ахматова. Собрание сочинений: В 6 т.— Т. 1. Стихотворения. 1904–1941 / сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королёвой — М.: Эллис Лак, 1998. — 968 с.
2. Анна Ахматова. Собрание сочинений: В 6 т.— Т. 3. Поэмы. Pro domo mea. Театр / сост., подгот. текста, коммент. и статья С. А. Коваленко.— М.: Эллис Лак, 1998.— 768 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов.— СПб.: «Норинт», 2000.— 1536 с.
4. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания.— 1971.— № 5.— С. 105–113.
5. Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов — М.: Высш. шк., 2001.— 288 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов.— 5-е изд., испр. и доп.— Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.— 486 с.
7. Кушнер А. Анна Андреевна и Анна Аркадьевна // Новый Мир.— 2000. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/2/anna-andreevna-i-anna-arkadevna.html (дата обращения: 14.05.24)
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.— М.: Академии наук СССР, 1949. URL: <https://roslib.rudn.ru/book/tolkovyyj-slovar-russkogo-azyuka> (дата обращения: 18.05.24)
9. Покровский М. М. О методах семасиологии // Избранные работы по языкознанию.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 360 с.

1. Воображение: «Покорно мне воображенье»... [1, с. 126].
2. Сон:
 - «Мы прощались как во сне»... («Над водой») [1, с. 63];
 - «Так мёртвый говорит, убийцы сон тревожа»... («А! Это снова ты. Не отроком влюбленным») [1, с. 268];
 - «Мне о ней бывают сны!» («Долго шёл через поля и сёла») [1, с. 232].
3. Казаться:
 - «Повсюду тебе казалось, // Что вольный ты и на воле». («Любовь покоряет обманно») [1, с. 83];
 - «Показалось, что много ступеней»... («Песня последней встречи») [1, с. 78];
 - «...поцелуем показала // Теплота небесного луча»... («Первый луч — благословенье Бога») [1, с. 259].
4. Чудиться:
 - «Мне чудился полуоткрытый рот»... («Эпические мотивы») [1, с. 147];
 - «И все чудилось ей, что пламя // Близко»... («Я пришла тебя сменить, сестра») [1, с. 103];
 - «Почудится в дрёме левкоя»... («Любовь») [1, с. 80].
5. Мечтать: «Здесь напрасным кажется мечтать». («Здесь всё то же, то же, что и прежде») [1, с. 96].
6. Привидеться: «Я недаром печальной сльву // С той поры, как привиделся ты». («Как ты можешь смотреть на Неву») [1, с. 173].

Таким образом, СП «Бред» в лирике А. А. Ахматовой является важным элементом её языковой картины мира.

Ядро СП — это лексема *бред*. В ранних стихотворениях А. А. Ахматовой мотив бреда проявляет себя разнохарактерно: это может быть любовный бред, бред больного, бред как мечта. Данное понятие в контексте получает как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску. К гиперсеме примыкают однокоренные с ней слова *бредила*, *бредишь*, *бредни*. В произведениях поэтессы они тоже приобретают дополнительный смысл. В периферию СП было включено более трёх десятков единиц. Все слова этой части в той или иной степени ассоциируются с ядерным словом. Такое изобилие слов позволило выделить 3 МП внутри СП: «Безумие», «Глупость» и «Воображение». Такие названия обусловлены тем, что в языке лирики Анны Ахматовой *бред* так или иначе перекликается с данными понятиями.

10. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
11. Темненко Г. М. Романтические мотивы в ранней лирике Ахматовой // Вопросы русской литературы. — 2013. — № 25 (82) — С. 99–121.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. — М.: «Аделант», 2013. — 800 с.
13. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. — 3-е изд., испр. — М.: Астрель, АСТ, 2008. — 878, [2] с.

Роль пространственных пейзажных единиц в художественном дискурсе Эстер Фрейд

Шеворакова Елизавета Алексеевна, студент

Научный руководитель: Зотова Людмила Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Статья посвящена анализу особенностей изображения мира природы в художественном дискурсе Эстер Фрейд. Термин «природа» имеет свою особенность и уникальность, и поэтому он может быть рассмотрен как самостоятельная единица художественного текста, а не входит в состав какого-то другого определения. В этой размытости определения заключается одна из основных проблем изучения природы в художественном дискурсе.

Ключевые слова: художественный концепт, художественный текст, лингвоцентричность, художественная картина мира.

The significance of spatial landscape units in the artistic discourse of Esther Freud

The article is devoted to the consideration of the features of the representation of natural imagery in Esther Freud's novel «The Sea House». The term «nature» has its own peculiarity and uniqueness, and therefore it should be an independent unit, and not part of some other definition. This vagueness of definition is one of the main problems of studying nature in literary texts.

Keywords: artistic concept, literary text, linguocentricity, artistic vision of the world.

Изучение картины мира, запечатлённой в художественных текстах, продолжает оставаться актуальным направлением в современной отечественной лингвистике. Следует отметить, что картина мира в художественном дискурсе создаётся языковыми средствами, при этом она передаёт индивидуальную картину мира автора и опредмечивается в некотором поиске элементов составляющих художественный текст.

Термин «картина мира» представляется нам фундаментальным, в центре которого находится бытие человека, его отношения с миром. Впервые этот термин использовал в конце девятнадцатого века немецкий физик Г. Герц и определял его как «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путём можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [1, с. 8].

О. А. Корнилов утверждал, что «картина мира в лингвистике должна представлять собой оформленную систематизацию плана содержания языка» [2, с. 109]. Формирование языковой картины происходит вместе с языком. Понятие языковой картины мира основывается на изучении представлений человека о мире. То, как люди концептуализируют мир не является врожденным универсальным явлением. В. А. Маслова подчёркивает, что «каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации, значит каждый язык имеет свою собственную картину мира, и языковая личность должна орга-

низовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной» [3, с. 2]. Языковая картина мира в виде концептуальной системы, согласно мнению ряда отечественных исследователей, фундаментально сформирована и зависит от конкретного физического и культурного опыта, связанного с человеком

Интерес к художественному тексту с позиции теории коммуникации начинает возрастать в 80-е гг. XX века. Стоит отметить, что художественный текст чаще всего воспринимают синонимично с художественным дискурсом. А так как дискурс является одним из центральных понятий современной лингвистики, следует обратиться к этому термину.

Согласно определению Н. Д. Арутюновой, «дискурс» трактуется как «текст, связанный с экстралингвистическими элементами (прагматическими, социокультурными, психологическими и т.д.), текст, взятый в измерении событий». Он рассматривается как целенаправленное социальное действие, как конструкция, вовлечённая в механизмы взаимодействия и сознания людей. По сути своей, дискурс — это речь, «погружённая в жизнь» [4, с. 136].

Мир художественного текста создаётся креативным воображением писателя и соотносится с действительностью опосредованно, проходя через индивидуальную авторскую картину мира. Исследователи разных лет сходятся во мнении, что самое первое обобщённое представление о мире возникло у че-

ловека в художественной форме. При восприятии художественного текста (и пейзажного описания как его составляющей) в сознании читателя возникает определённая художественная картина мира. М. Хайдеггер писал, что «при слове «картина» человек думает об отображении чего-либо», «картина мира, сущностно-понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [5, с. 14].

М. В. Пименова утверждала, что «языковая картина мира находится вне ряда со специальными картинами мира (химической, физической, биологической и др.) и является их основой, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определённая картина мира, через которую человек видит мир» [6, с. 67].

Постановка вопроса о том, как в художественном тексте репрезентуются элементы окружающей среды и отдельные природные явления, на наш взгляд является актуальным и позволяет извлечь из всякого художественного текста ценную информацию о культурных перспективах и способах взаимодействия общества с окружающей средой. Художественное пространство — это не только физическая сущность, но и культурная и языковая. Это совокупность всего того, что мы видим, слышим, осязаем, обоняем и пробуем на вкус, и это играет решающую роль в формировании нашего чувства идентичности, истории и культуры. Описания природы всегда было тесно связаны с областью философии, поскольку мир природы долгое время был основным источником вдохновения и созерцания, прежде всего, для философов разных времён и культур. Философия восприятия пейзажа в художественном тексте несколько иначе наполняет теоретический вакуум, что нуждается в рациональном осмыслении и изучении. Это пересечение языка и природы открывает богатую картину языкового разнообразия и обеспечивает более глубокое понимание человеческого опыта посредством репрезентации природных явлений окружающей действительности в художественном тексте. Именно поэтому проблему художественной репрезентации окружающего мира и природы в художественном дискурсе стоит рассматривать с учётом новых научных достижений и тенденций в лингвистике.

Н. Я. Веретенников утверждает, что «пейзаж должен быть переосмыслен и поставлен в рамки соотносительности его с бытием человека. Понимание как ландшафта, так и пейзажа в целом, предполагает прежде всего онтологическое самоопределение субъекта, его сращенность с бытием: пробуждается осознание того, что судьбы человечества и природы едины». Н. Я. Веретенников пишет, что, «начиная с неолита в пейзажах воплощаются представления о природе как сфере действия человека и преобладают тенденции, присущие именно этой эпохе» [7, с. 2]. Д. А. Богач отмечает, что «описания природы являются не просто частью художественного текста, а его основой» [8, с. 2].

Концепт пейзаж имеет многослойную структуру, при этом нужно отметить, что научные взгляды на пейзаж со временем менялись. В исследованиях ряда отечественных и зарубежных исследователей (В. В. Кожин, Б. Е. Галанов, З. С. Старкова, Х. Никольсон, М. А. Драбл) отмечается, что вплоть до середины

18-го века общие художественные задачи мировой литературы решались при незначительном участии или же совсем без участия пейзажа. Существуют распространённые семантические единицы или семы, связанные с концептуализацией природы. Они подразделяются на универсальные (пространство, природа), национально релевантные и культурно обусловленные (семантические признаки: свобода, простор, печаль; образные парадигмы: природа — человек, природа — храм) слои. Пейзажные описания являются не просто декоративным элементом в художественном тексте, а служат также функциональной цели. Авторы, использовавшие данный приём, нацелены на то, чтобы картина природы в художественном тексте воспринималась читателем как важная составляющая повествования, способная рассказать не столько о самом пейзаже, сколько о чём-то большем.

Е. В. Головина убеждена, что «писатели научились показывать через пейзажные описания свои чувства, мысли и настроение» [9, с. 649]. При помощи природы автор подчеркивает характерные черты, мысли и мотивы, индивидуальность и эмоциональность персонажей художественного текста.

Точка зрения касательно пейзажных описаний значительно поменялась за последние несколько десятилетий, исследователи стали рассматривать пейзаж как единицу, отвечающую за формирование основной темы художественного текста или даже идеи текста. Пейзаж стал реализовывать структурно-содержательную целостность дискурса.

По мнению В. Н. Рябовой, «пейзажная единица практически всегда занимает в творчестве отдельного писателя сильную текстовую позицию» [10, с. 32].

Стоит отметить, что единой классификации пейзажных описаний в настоящее время не существует, поскольку, как пишет Е. В. Головина «лингвистическое исследование пейзажных описаний предполагает возможность разнообразных подходов к изучаемому явлению». Но, всё же, отечественные лингвисты и литературоведы предлагают целый ряд научных классификаций, на которые стоит обратить внимание при изучении пейзажного концепта.

Так в работе В. А. Кухаренко рассмотрено явление природы более всего приближено к текстовому изучению пейзажа. Пейзаж, как отмечает В. А. Кухаренко, имеет характерные особенности [11, с. 12]. Н. Мурадалиева предлагает различать три элемента в художественном тексте «пейзажная деталь, пейзажная картина и пейзажное произведение» [12, с. 3].

Пейзажная деталь, которая может показаться незначительным описательным элементом, служит литературным приёмом, тонко передающим точку зрения автора, эмоции и эстетическую оценку предмета. Пейзажная деталь — это основа метафорической образности, которая помогает воссоздать образ героя в художественном произведении. Это средство изображения предмета.

Пейзажная картина — воссоздание окружающей среды, объект описания. А пейзажное произведение представляет собой самостоятельную жанровую форму в поэзии.

Пейзажные штрихи, по утверждению Т. Ф. Гостевой — это упоминание элементов погоды, времени года и ландшафта с минимальной характеристикой. При этом пейзажные штрихи не

требуют конкретных деталей в тексте и, по сути своей, являются хронотопическими [13, с. 8].

Также отдельно рассматривается пейзажный сюжет, или объёмные описания природы, наполненные пространственными и единообразными пейзажными деталями. Но нужно учитывать и тот факт, в каком виде природа выступает в тексте — в качестве объекта наблюдения или же природа играет пассивную роль и является объектом воздействия.

М. Н. Эпштейн предлагает рассмотреть следующую классификацию в соответствии с географическими и временными признаками:

1. пейзажи годового и суточного природного цикла;
2. географические пейзажи;
3. пейзажи вертикального и горизонтального пространства;
4. спокойные и бурные пейзажи [14].

Кроме того, жанр художественного текста может играть значительную роль в содержательном критерии для выделения пейзажа. Выделяются такие виды пейзажа по жанровому признаку, как их определяет Л. А. Воронин:

1. лирический;
2. драматический;
3. идиллический;
4. исторический;
5. утопический [15].

В то же время возможно выделение описаний природы в зависимости от специфики художественного метода, в рамках которого был создан текст:

1. романтический;
2. реалистический;
3. сентименталистский [14, с. 25].

Согласно К. В. Пигареву, различные типы пейзажей можно классифицировать на основе их идейно-тематических характеристик, как например:

1. эпические;
2. драматические;
3. лирико-психологические;
4. национальные;
5. философские;
6. социально-направленные [16].

В зависимости от предмета и местности описания Е. Н. Себиной предлагается следующая классификация:

1. деревенский;
2. урбанистический;
3. степной;
4. морской;
5. лесной;
6. горный;
7. северный;
8. южный;
9. экзотический [17, с. 264].

Таким образом, существует множество классификаций пейзажных описаний, которые зависят от разнообразных подходов к изучаемому явлению.

Англоязычные авторы начала XX века довольно часто природу использовали как вспомогательное средство выражения

эмоций. Например, беспокойная природа, отражала бурные или страстные эмоции персонажей. Также мир природы использовали, чтобы подчеркнуть социальную иерархию, общественные ожидания своего времени «The ground now became uneven, rising and falling in gentle undulations, and the woodlands around them looked dark and gloomy» [18, с. 145]. Таким образом, автор попытался передать эмоциональное состояние героя «the ground became uneven», подчеркивая смену его настроения на негативное и, как следствие, читателю предстаёт угрюмая картина восприятия мира героем, где она «looked dark and gloomy».

В следующем примере «...the air grew colder and windier, and the sky turned grey and overcast, matching perfectly the melancholy in Elizabeth's heart as she pondered over her own failings and his perceived transgressions» [18, с. 205], демонстрируется эмоциональное состояние главной героини через окружающую ее действительность («the sky turned grey and overcast»), используя элементы меняющейся природной ситуации («the air grew colder and windier») и предстающий её взору пейзаж, тем самым демонстрирует составляющую ее мировосприятия и мироощущения («matching perfectly the melancholy in Elizabeth's heart»), чтобы подчеркнуть внутреннее смятение главной героини.

Британские авторы второй половины XX века несколько чаще включали яркие описания природы в свои художественные тексты, чтобы поразмышлять о состоянии человека и обозначить ряд социальных проблем своего времени. Ещё одним важным достижением в описании ландшафта становится использование природной символики как маркера политических и социальных проблем. Оно включает исследование символических, ритуальных и социальных аспектов пространства.

Художественное пространство Эстер Фрейд включает в себя различные образы, формы и виды пространства, которые посредством ретроспекции переплетаются между собой и воссоздают целостную визуально-чувственную картину.

В романе Эстер Фрейд «Домик у моря» («The Sea House») представлен целый ряд описаний природного пространства, главным из которых является море («the sea swirling dark-green and menacing below», «the sea was rolling just behind the skyline magnetic in its roar», «it was flat and silent as far as the sea», «the sea is infinitely more refreshing») [19]. Проведённый анализ показал, что в рассказе романе Эстер Фрейд «Домик у моря» преобладает описание восприятия мира посредством зрения. Через зрительное восприятие даны описание моря («the sea was right ahead of him, a sheet of silver, beaten into flatness by a sudden streak of sun»), пляжа («the beach was deep and sloped down harshly to a rough brown sea»), сада («the garden was uncharacteristically neat»), арендованного главной героиней дома («the cottage was decorated in every shade of brown»), при этом от авторского взгляда не ускользают самые мельчайшие детали («the house was cold and shadowy»), составляющие убедительную картину природного пространства.

Пейзажные описания морского пространства в романе Эстер Фрейд помогают раскрыть сложные составляющие личностей персонажей («the sea was empty»), где море преподносится как многогранная сущность. Следует отметить, что лексема «море» («sea») встречается в тексте 149 раз. Кроме того, следует отметить такую особенность пейзажных описаний ро-

мана Эстер Фрейд, как растяжение и сужение морского пространства («it was coming in, wave after wave, submerging the dunes, pouring into the marshes»). Сжатие пространства символизирует твёрдую привязанность к событию. Природное пространство помогает передать размеры, форму, направление и расстояние между объектами, что позволяет лучше понять событийную картину художественной действительности.

Кроме того, использование элементов природного пространства в описаниях отношений главных героев создаёт ощу-

щение не столько места и атмосферы, сколько демонстрирует их настроение и эмоции.

Морской пейзаж в романе Эстер Фрейд «Домик у моря» обладает исключительной полифункциональностью и выполняет заданную автором психологическую функцию («the unexpected flatness of it... stretched your eyes, relaxed the muscles of your heart, forced you every time to stop... the holiday-makers had seemed relieved to stay away»), тем самым создавая определённый эмоциональный фон всего повествования.

Литература:

1. Шарикова Л. А. Понятие «Картина мира» в современной лингвистике // Л. А. Шарикова, А. А. Беляков, Т. В. Зелякова // Вестник КузГТУ. 2006. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-v-sovremennoy-lingvistike>. — Режим доступа: сеть Интернет. — Текст: электронный.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... д-ра культурологических наук: 24.00.04. / О. В. Корнилов. — М., 2000. — 460 с. — Текст: непосредственный.
3. Маслова В. А. Языковая картина мира и эмпирическое обыденное сознание: Лингвокультурология / В. Я. Маслова. 2001. — Текст: непосредственный.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137. — Текст: непосредственный.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. (пер. с нем.; комм. В. В. Библихина; серия «Мыслители XX в.»). — М.: Республика, 1993. — С. 41–63. — Текст: непосредственный.
6. Пименова М. В. Языковая картина мира: учебное пособие / М. В. Пименова. — Кемерово: КемГУ, 2011. — 113 с. — ISBN 978-5-8353-1111-8. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/30086>
7. Веретенников Н. Я. Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа / Н. Я. Веретенников // Изв. Саратов. ун-та: Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-aspekt-voSPIriyatija-landshafta-kak-pejzazha> (дата обращения: 04.05.2024).
8. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке / Д. А. Богач // Вестник ЧелГУ. 2017. — № 6 (402). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ponimaniya-obraza-prirody-v-literaturovedcheskoj-nauke> (дата обращения: 06.04.2024).
9. Головина Е. В. Функции пейзажных описаний в художественном произведении / Е. В. Головина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 3 (137). — С. 649–651. — URL: <https://moluch.ru/archive/137/38558/>. — Режим доступа: сеть Интернет.
10. Рябова В. Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция: на материале произведений А. П. Чехова: дис... канд. филол. наук / В. Н. Рябова. — Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2002. — 196 с. — Текст: непосредственный.
11. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. — М.: Просвещение, 1988. — 188 с. — Текст: непосредственный.
12. Мурадалиева Н. Романтический пейзаж в литературе / Н. Мурадалиева. — Баку: Язычы, 1991. — 204 с. — Текст: непосредственный.
13. Гостева Т. Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX–XXI вв.: дис. канд. филол. наук / Т. Ф. Гостева. — Барнаул, 2007. — 237 с. — Текст: непосредственный.
14. Эпштейн М. Н. Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. — М.: Высш. школа, 1990. — 304 с. — Текст: непосредственный.
15. Воронин Р. А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе / Р. А. Воронин. — Текст: непосредственный // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). — Москва: Буки-Веди, 2017. — С. 1–4. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/235/12589/>. — Режим доступа: сеть Интернет.
16. Пигарев К. В. Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. / К. В. Пигарев. — М.: Наука, 1972. — 125 с.
17. Себина Е. Н. Пейзаж / Е. Н. Себина, Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др. // Введение в литературоведение: учеб. пособие (под ред. Л. В. Чернец). — М.: Высшая школа, 2004. — С. 264–275.
18. Austen Jane. *Pride and Prejudice*. Edited by Pat Rogers / Jane Austen. — Cambridge University Press, 2006. — 392 p.
19. Freud Esther *The Sea House* / Esther Freud. — Hamish Hamilton, 2003. — 320 p.

Языковые средства выражения эмоций радости, грусти, удивления в цикле рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунина

Ямбаршева Анна Дмитриевна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Цель данной статьи заключается в комплексном исследовании способов выражения категории эмотивности в цикле рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунина для выражения эмоций радости, грусти и удивления. В центре внимания находятся разноуровневые средства репрезентации таких эмоций, как радость, грусть, удивление в текстах рассказов данного цикла.

Ключевые слова: эмотивность, средства выражения эмоций, художественный текст, радость, грусть, удивление.

Исследование эмоций не теряет своей актуальности на протяжении многих тысячелетий. Так, эмоция уже в античной философии считалась особым видом познания, где «состояние удовольствия или страдания связывались с представлением о грядущем благе или бедствии» (Аристотель и др.) [5, с. 561]. В. И. Шаховский же обращает внимание на то, что человек не только *homo sapiens*, но и *homo sentiens*, потому что многими нашими действиями руководят именно эмоции [6, с. 7]. Это некая реакция организма на происходящее вокруг нас.

Изучение понятия «эмоция» носит междисциплинарный характер, так как многие исследователи обращаются к двум подходам. С психологической точки зрения, эмоции представляют собой комплексные ментальные процессы, которые отражают наше эмоциональное состояние и воздействуют на наше поведение. Этот подход предполагает рассмотрение данной дефиниции в двух направлениях: мотивационном, где эмоции влияют на наши действия, поведение и процессы внутри нас, и когнитивном, где эмоция является функцией разума, то есть организует эмоциональные процессы.

Из лингвистической перспективы, эмоции могут рассматриваться как ментальные состояния, которые обусловлены определенными физиологическими и психологическими процессами и выражаются через язык. Стоит подчеркнуть, что выделяется отдельный термин, который ввёл Б. А. Ларин, так называемая «эмотивность». А. В. Кунин даёт ей следующее определение: «эмотивность — это эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [3, с. 350]. Здесь следует отметить, что одной из главных задач этой науки является разграничение или соотношение понятий чувства и эмоции. Так, для А. Н. Леонтьева «эмоция выражает оценочное отношение к наличной или возможной в будущем ситуации, а также к своей деятельности в ситуации» [4, с. 140]. А понятие «чувство» определяется как некое «устойчивое эмоциональное отношение» [4, с. 145]. Действительно, многие любимые нами люди, предметы и т. д. могут в определённый момент вызвать чувство неприязни, однако это не значит, что из-за этой ситуации мы перестаём любить их. Тем не менее, К. Изард отождествляет понятия «эмоция» и «чувство», считает, что первое переживается как второе [2, с. 3]. Он же предлагает классификацию эмоций из 10 базовых: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Остальные выделяет как производные от смешения вышеуказанных [2, с. 217].

Итак, при анализе языковых средств выражения эмоций в произведениях И. А. Бунина мы будем ссылаться на классификацию К. Изарда, из которой выберем две базовые эмоции — радость и удивление, и одну производную от печали — грусть.

В цикле рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунин достаточно полно раскрывает различные эмоции героев с помощью множества языковых приёмов. Мы, в свою очередь, рассмотрим языковые средства выражения эмоций радости, грусти и удивления с точки зрения вербальных (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические средства выражения) и невербальных (интонация, жесты, мимика) компонентов.

Так, самой распространённой в текстах Ивана Бунина, безусловно, является эмоция грусти, производная, по мнению К. Изарда [2, с. 217] от печали. И. А. Бунин сам замечает, что во всех произведениях «дело идет, так сказать, тоже о темных и весьма жестоких «аллеях любви»» [1, с. 45]. В рассказе «Тёмные аллеи», открывающем данный цикл, автор с помощью таких синтаксических средств, как риторические вопросы и восклицания, повторы, инверсии, передаёт грусть и уныние своего героя, который страдает от потери любимой женщины. Здесь именно диалоги персонажей способны передать всю ту атмосферу отчаяния и пустоты в их душе: « — *Боже мой, боже мой!* <...> *Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?*» (Бунин. Тёмные аллеи).

В произведении также присутствуют предложения, описывающие различного рода эмоциональные переживания, в качестве их обозначения используется приём умолчания, находящийся, как правило, свое выражение с помощью многоточия. Главному герою тяжело смириться с тем, что ему придётся снова расстаться с возлюбленной, которую он и так не видел много лет: « — *Она подошла и поцеловала у него руку, он поцеловал у нее. — Прикажи подавать*»... (Бунин. Тёмные аллеи). Данный приём встречается достаточно часто в произведениях автора, так, например, в рассказе «Кавказ» насчитывается порядка 16 многоточий, все они указывают на некую неопределённость в душе, действиях персонажей: « — *...Ну вот, он и будет дня через три-четыре в Геленджике... Но бог с ним, лучше смерть, чем эти муки*»... (Бунин. Кавказ). Также это прослеживается и во многих других рассказах цикла: «*Тут я тебя в первый раз поцеловала. Поцелуй меня тут в последний раз*»... (Бунин. Зойка и Валерия). «*Она промолчала. — Да, все-таки это не любовь, не любовь*»... (Бунин. Чистый понедельник).

На морфологическом же уровне используется большое количество междометий. Так, например, в произведении «Месть» действие разворачивается в Каннах, где главная героиня Мария осталась одна, её обманул и бросил мужчина, поэтому она была в отчаянии и желала отомстить этому человеку. Именно через её вздох, передающийся с помощью междометия «ах», в диалоге с художником проявляется внутреннее состояние героини, ее переживания: «— Ах, в том-то и дело, что уж очень подло. Поселились мы в этом самом пансиончике, где мы с вами оказались соседями,— это после отеля-то на *Cap d'Antibes!*» (Бунин. Месть). В другом рассказе И. А. Бунин в реплике героини при помощи междометия указывает на то, что она сожалеет о браке, грустит, потому что чувствует неизбежность течения времени: «— Ну, до этого еще далеко.— Увы, недалеко! А я еще ничего, ничего не испытала в жизни!» (Бунин. Визитные карточки). В этом же произведении используется синтаксическое средство — вводное слово, которое за счёт своей отрицательной коннотации отражает разочарование женщины в своём выборе: «— Ах, очень хороший и добрый, но, к сожалению, совсем не интересный человек... Секретарь нашей земской уездной управы»... (Бунин. Визитные карточки).

Стоит отметить, что несмотря на доминирование эмоции грусти, радость также присутствует в данном цикле, хоть и встречается гораздо реже, как и во всём творчестве писателя. Так, например, в рассказе «Тёмные аллеи» главный герой восхищается когда-то любимой женщиной, что отражается на морфологическом уровне с помощью междометий: «— Ах, как хороша ты была! — сказал он, качая головой.— Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза!» Указывают на восхищение героев тем или иным субъектом/объектом: ««— Ах, вы русская?» — «Как видите».— «Тогда идем кутить!»» (Бунин. Месть).

В рассказе «Кавказ» встречается выражение этой эмоции с помощью лексики: ««А теперь я там буду с тобой, в горных джунглях, у тропического моря»... В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это» (Бунин. Кавказ). И. А. Бунин с помощью лексем, в семантике которых присутствует эмотивность, подчёркивает чувства радости, надежды в душе героев. Говорящий упоминает о неуверенности и сомнениях в осуществлении совместного плана, но при этом испытывает огромное счастье и восхищение.

Итак, при выражении данной эмоции преобладают морфологический и синтаксический уровни, выражающиеся с помощью лексических повторов, риторических вопросов и восклицаний, междометий, которые помогают передать

тоску в душе персонажей, добавляя эмоциональный оттенок к тексту.

Лексика же чаще всего встречается при выражении эмоции удивления. Например, при описании внешности героев с помощью прилагательного и примыкающего к нему наречия с соответствующей семантикой: «*И уже не подросток, не ангел, а удивительно хорошенькая тоненькая девушка во всем новеньком <...>*». (Бунин. Галя Ганская). И. А. Бунин замечает изменения в девушке, указывает на её изменившуюся фигуру, помимо наречия использует прилагательные с уменьшительно-ласкательным суффиксом -еньк-, с помощью которого подчёркивает привлекательность во внешности персонажа. В рассказе «Натали» автор также находит изящность в лице героини, отмечает уникальность оттенка кожи: «*Ресницы, конечно, огромные и тоже черные, и удивительный золотистый цвет лица, плечей и всего прочего*». (Бунин. Натали). В произведении «Речной трактир» встретилось прилагательное в превосходной степени, значение которой выражается на морфологическом уровне с помощью формообразующего суффикса — ейш-: «*...и зарычал, запел ими, ломая, извивая и растягивая меха толстой змеей, перебирая по ладам с удивительнейшими выкрутасами...*» (Бунин. Речной трактир).

Также используется невербальный компонент — интонация, то есть благодаря контексту читатель понимает, что героя удивляет, волнует происходящее: «*...что это со мною, с самой ранней молодости не испытывал ничего подобного*». (Бунин. Генрих). Здесь удивление имеет отрицательную коннотацию, главный герой мучительно ждёт возлюбленную, но она так и не приезжает, тогда он начинает испытывать непонимание, почему с его организмом происходит такое состояние.

Таким образом, язык И. А. Бунина очень богат, ярок и удивителен. Автор выражает те или иные эмоции при помощи средств разных уровней. Так, в проанализированных нами рассказах преобладают синтаксические фигуры речи, междометия, которые чаще всего используются при передаче эмоции радости, а при выражении же грусти доминирует приём умолчания. Удивление, в свою очередь, описывается за счёт лексики, которая помогает полно раскрыть состояние восхищения или растерянности героя.

Мы, читая «Тёмные аллеи», погружаемся в мир, который наполнен эмоциями и порой может быть тяжелым и мрачным, но в то же время интенсивным и искренним. От радости до грусти, от удивления до отчаяния — все эти чувства оживают на страницах произведений Бунина благодаря его мастерству в использовании слова. В результате чтения мы сопереживаем каждой эмоции героев.

Литература:

1. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Том 14, дополнительный / И. А. Бунин.— М.: Воскресенье, 2006.— 712 с. с ил.
2. Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. / К. Э. Изард.— СПб: Питер, 1999.— 464 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие. / А. В. Кунин — М.: Высш. шк., 1996.— 381 с.
4. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев — М.: Московский университет, 1971.— 178 с.

5. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] — Режим доступа https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/index.php (дата обращения: 01.03.2024)
6. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 128 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 22 (521) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 12.06.2024. Дата выхода в свет: 19.06.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.